

**РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
Юридический институт
Кафедра иностранных языков**

**PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
Institute of Law
Foreign Languages Department**

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО
ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
И ПЕРЕВОДУ В ВУЗЕ**

**МАТЕРИАЛЫ
ЕЖЕГОДНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Москва, 6–7 апреля 2016 г.

**LSP TEACHING AND SPECIALIZED
TRANSLATION SKILLS TRAINING
IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS
(LSP & STST)**

**ANNUAL INTERNATIONAL CONFERENCE
PROCEEDINGS**

**Москва
Российский университет дружбы народов
2016**

УДК 378.14:372.881.1:347.78.034(063)
ББК 81
П84

Утверждено
РПС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

П84 **Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе = LSP Teaching and Specialized Translation Skills Training in Higher Education Institutions (LSP & STST)** : материалы ежегодной международной конференции. Москва, 6–7 апреля 2016 г. – Москва : РУДН, 2016. – 142 с.

ISBN 978-5-209-07208-9

В настоящий сборник вошли статьи, тезисы и анонсы выступлений участников ежегодной международной конференции «Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе», которая состоялась 6–7 апреля 2016 г.

Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 378.14:372.881.1:347.78.034(063)
ББК 81

ISBN 978-5-209-07208-9

© Коллектив авторов, 2016
© Российский университет
дружбы народов, 2016

Уважаемые коллеги!

В настоящий сборник вошли статьи, тезисы и анонсы выступлений участников ежегодной международной конференции «Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе», которая состоялась 6-7 апреля 2016 года.

Конференция проводится ежегодно кафедрой иностранных языков юридического института РУДН.

В 2016 году в конференции приняли участие представители двадцати учебных заведений и образовательных организаций, в том числе докладчики из Австрии, Великобритании, Германии, Иордании, Испании, Китая, России, США, Филиппин.

Организаторы конференции надеются на дальнейшее сотрудничество с коллегами в обсуждении актуальных проблем профессиональной языковой подготовки будущих специалистов различных отраслей в условиях глобализации и интеграции мирового мультикультурного многоязычного сообщества.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Организации – участники конференции
Educational institutions – Conference participants

Вузы и организации РФ – Russian educational institutions

1. Академия ФСБ РФ
2. Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
3. Институт стран Азии и Африки (ИСАА)
4. Институт Дальнего Востока РАН
5. Институт Современного Вкуса
6. Московский Государственный Институт Международных Отношений (МГИМО (У) МИД РФ)
7. Государственный социально-гуманитарный университет (ГСГУ)
8. Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова (МГУ – MSU)
9. Московский Государственный технический университет (МГТУ им. Баумана)
10. Московский Педагогический Государственный Университет (МПГУ)
11. Российская Правовая Академия Министерства Юстиции РФ (РПА МЮ РФ)
12. Российский Университет Дружбы Народов (РУДН-RUND)
13. Российский экономический университет им. Плеханова (РЭУ)
14. Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА)
15. ООО "Т-Сервис"

Зарубежные вузы и организации – Foreign Institutions

16. Cambridge University, UK
17. Goethe- Institut Moscau, Germany
18. Legal and Commercial French Interpreting and Translation Centre, the UK
19. Linguistic Society of the Philippines
20. Paris-Lodron-Universität Salzburg, Austria
21. University of Alcalá de Henares, Spain
22. University of Castile la-Mancha, Spain
23. University of Nebraska at Omaha, USA
24. Princess Sumaya University for Technology, Jordan
25. Yashun Institute of foreign languages, Canzani, China

Contents - Содержание

PART 1. PAPERS IN RUSSIAN ПУБЛИКАЦИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ		<i>Page Стр.</i>
Аверина Л.О.	О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДУБЛЕТНОСТИ В ДОГОВОРЕ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	9
Беляева И.Г.	ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	10
Березовская А.В.	МЕТОД ПРОЕКТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	12
Болдова Т.А.	ИКТ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ПО ПРЕПОДАВАНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ	15
Воронцова М.В.	ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ГРАММАТИКИ ПРИ КОМПЕТЕНТНОСТНОМ ПОДХОДЕ	18
Вьюшкина Е.Г.	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИКТ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧАЮЩЕЙ ПЛАТФОРМЫ <i>MEMRISE.COM</i>)	22
Иванова И.В.	ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ИННОВАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	24
Игнатенко А.В.	СПЕЦИФИКА ПРИЗНАКА ПОЛА И ГЕНДЕРА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ	29
Игнатенко И.И.	УНИВЕРСИТЕТСКИЙ МИР В АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ Д. ЛОДЖА	32
Калмазова Н.А.	ТРАДИЦИИ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ ДЕТЕКТИВОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ	35
Косматова Е. В., Белик Ю.А.	ИЗУЧЕНИЕ СИСТЕМ АВТОМАТИЗАЦИИ ПЕРЕВОДА В ВУЗАХ: ДЕМОНСТРАЦИЯ SDL TRADOS STUDIO 2015 PROFESSIONAL	38
Лагутенкова М. В.	СФЕРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ И ТЕНДЕНЦИИ ЕЕ РАЗВИТИЯ	39
Лебедева А.А.	НЕКОТОРЫЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА	42
Мешкова И.Н., Шереметьева О.А.	ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ	45
Мордакина М. В.	ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФЕЛЬЕТОНА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ)	46

Надточенко Б.Я.	ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК (НИХОНГО)	50
Новикова Т.Л.	НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ РАБОТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО ПРИ ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКИ В АМЕРИКАНСКОЙ АУДИТОРИИ	51
Рязанцева О.Ю.	ОСОБЕННОСТИ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ВИРТУАЛЬНОГО ИНЖЕНЕРНОГО ДИСКУРСА И ТЕХНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ОБЛАСТИ МАШИНОСТРОЕНИЯ	54
Семенкова Л.А., Федорова Н.Г.	ОБЗОРНОЕ ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА СУАХИЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «MZALENDO» («МЗАЛЕНДО»)	57
Семина В.В.	КОМПЬЮТЕРНОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ	59
Серебрякова Е.В.	ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ВЗРОСЛЫХ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	62
Соболев С.А.	О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ И МЕТОДАХ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ	65
Столярова Е.В. , Федотова М.Г.	ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ	68
Томсон Г.В.	КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ. ИННОВАЦИИ	71
Финикова Ю.Б.	АФОРИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА АВТОРА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Ф. БЕГБЕДЕРА «Я ВЕРЮЮ – Я ТОЖЕ НЕТ»)	76
Фролова И.Г.	ПРОПИСНАЯ ИЛИ СТРОЧНАЯ? К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ОРФОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	880
Хомутская Н.И.	КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ЗАГОЛОВКАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ КОРОТКИХ РАССКАЗОВ	82
Хромов С.С., Каменева Н.А.	ОПЫТ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (НА ПРИМЕРЕ МЭСИ И РЭУ ИМЕНИ Г.В.ПЛЕХАНОВА)	86

Чигашева М.А.	ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СМИ ГЕРМАНИИ И ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕВОДА	89
Шестакова Л.В.	О РОЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	94
Ширяева Н.В.	ОСОБЕННОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ НЕМЕЦКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С УЧЕТОМ ИХ ДИАТОПНЫХ И ДИАСТРАТНЫХ ОСТАВЛЯЮЩИХ	95
PART 2. PAPERS IN FOREIGN LANGUAGES ПУБЛИКАЦИИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ		Page Стр.
Arinova B.	ESP COURSE CONTROVERSIES: IMPORTANCE OF GAPS	99
Belenkova N.M.	DIFFERENTIATION OF "METHOD" AND "TECHNOLOGY" CONCEPTS IN MODERN LINGO-DIDACTICS	100
Brenchugina-Romanova A., Denisova L., Jan Chunlai	THE OBSERVATION OF THE PHENOMENA OF ISOMORPHISM IN THE LITERARY TEXT AS ONE OF THE CONDITIONS OF THE DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT OF STUDENTS ' SPEECH	101
Davtyan V. V.	READING, PRONUNCIATION, INTERFERENCE: OBSTACLES AND SOLUTIONS.	103
Demidova I.V.	EMBEDDING E-LEARNING TECHNOLOGIES INTO TEACHING	104
Emelyanova T.V.	EDUCATIONAL MATERIALS FOR TEACHING TRANSLATION TO LAW-STUDENTS	108
Gorbatenko O.G., Gorbatenko R.G.	TRAINING COURT INTERPRETING	110
Kalashnikova E.P.	ZUR FRAGE DER KOMMUKATIONFÄHIGKEITEN	111
Karaulova T.K., Sulitskaya E.	STUDENTS' LEARNER AUTONOMY THROUGH APPLYING BLENDED TEACHING TECHNOLOGIES IN ELT AT NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES	112
Kruse I.I.	DISKUTIEREN IM AKADEMISCHEN KONTEXT	113
Lutskovskaya L. Yu.	CONCERNING JUDICIAL DISCOURSE ANALYSIS	115

Mahmud-Al-Quadah	THE REALITY OF THE EXPRESSION OF FEELINGS ON THE FACEBOOK AN INVESTIGATION OF PERCEPTION OF HAPPINESS, EXCITEMENT, SADNESS, AND DEPRESSION WHEN EXPRESSED ON FACEBOOK	116
Martínez Mateo R.	THE NECESSARY POLYHEDRICITY OF A FUNCTIONAL QUALITY CONCEPT IN PROFESSIONAL TRANSLATION	121
Nebojša Radić	TWENTY YEARS OF BLENDED LEARNING: A PARADIGM SHIFT IN TEACHER TRAINING AND SUPPORT	123
Ozumenko V.I.	TRANSLATION CASE OF ‘SUDYA’ FROM RUSSIAN INTO ENGLISH	124
Parnell J.	TEACHING ONLINE “READINGS IN FRENCH”	126
Samoilova S.P.	INTERKULTURELLE KOMMUNIKATION IM SOZIOKULTURELEN KONTEXT	129
Shatalova N.	LANGUAGE RESOURCES FOR TEACHING LAW STUDENTS: MAINTAINING A COMPLEX BALANCE	131
Stepanova V.V.	SPECIFIC FEATURES OF THE RUSSIAN CIVIL CODE RELEVANT IN TRANSLATION	1321
Sue Leschen	WHO AND WHAT ARE LAWYER – LINGUISTS?	135
Udina N.N.	GENRE APPROACH TO TEACHING LSP	135
Valero Garcés, Atabekova A.	TRANSLATION AND INTERPRETATION IN PUBLIC SERVICES IN THE THIRD MILLENNIUM	137
Wieng, T.	ENGLISH IN THE COUNTRY WITH WHERE OVER A HUNDRED OF LANGUAGES SPOKEN	138
Wydra D. Kruse I.	DIE ÖSTERREICHISCH-RUSSISCHEN SOMMERSCHULEN FÜR JURISTEN: EIN WICHTIGER SCHRITT IN ENTWICKLUNG VON SCHLÜSSELKOMPETENZ „PRÄSENTIEREN“	139
Zvereva E.V.	ALGUNAS OPINIONES SOBRE EL LENGUAJE POLÍTICO RUSO EN LA PRENSA ESPAÑOLA	140

**ЧАСТЬ. 1. ПУБЛИКАЦИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ –
PART 1. PAPERS IN RUSSIAN**

Аверина Л.О., МГУ

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДУБЛЕТНОСТИ В ДОГОВОРЕ ОБ
УЧРЕЖДЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

В данном исследовании внимание уделяется отношению и позиции близких по значению терминов в тексте Лиссабонского договора. Этот документ является основополагающим в отношениях между странами Европейского Союза, и на его основании координируется их сотрудничество.

Лиссабонский договор изначально был составлен на французском языке, но имеет варианты на национальных языках стран-участниц ЕС, в том числе и на немецком. Строгая регламентация сотрудничества требует четкой юридической терминологической базы.

Юридические термины представляют собой сложную систему, находясь в разнообразных связях. Между ними может быть смысловая взаимозависимость. Взаимозависимость терминов заключается также в том, что из одного термина, представляющего собой гнездовое слово, образуются устойчивые словосочетания, отражающие близкие понятия. Например, посредством термина «право» образуются такие словосочетания-термины, как («правоотношение», «правонарушение», «правосознание» и т.п.).

В терминологии имеет место явление дублетности. Между дублетами нет тех отношений, которые организуют синонимический ряд, нет эмоциональной экспрессивности, стилистических или оценочных позиций.

Под синонимией в юриспруденции понимается взаимозаменяемость слов и словосочетаний. Требование синонимии вытекает из требования точности и ясности содержания текста нормативного правового акта как условие его правильного понимания и применения.

Периодически можно наблюдать образование сокращенных вариантов словосочетаний:

1) лексическое сокращение, которое осуществляется или опущением слова в словосочетании, или созданием сложносокращенных слов. Например, *Lissaboner Vertrag* (далее именуется *Vertrag*);

2) сокращение средствами словообразования аббревиацией. Например, *Europäische Zentralbank* (EZB).

Термины, соотносящиеся с одним и тем же научным понятием в одном терминологическом поле, имеют одинаковую дефиницию, то есть являются не синонимами, а дублетами. Понятие терминологического дублета, или абсолютного синонима, очень близко к понятию логического синонима, однако первое отличается большей узостью значения, поскольку используется только в приложении к терминам, например, *Gemeinschaft – Union*.

В терминологических системах случается борьба противоположных тенденций. С одной стороны, в научном языке активизируется терминообразование, что открывает возможность лексическому дублированию. С другой стороны, научный стиль нуждается в точности наименований и

формулировок. Отсюда естественное стремление избавиться от дублетности терминов, препятствующей целостности восприятия научной информации.

При описании вариантности и синонимии терминов терминоведы нередко используют термины (и понятия) «дублет», «дублетность». Некоторые ученые противопоставляют дублетность, понимаемую как семантическое тождество, омонимии общеупотребительных слов. С этой точки зрения термины, выражающие одно и то же понятие, не могут считаться синонимами, поскольку «между ними нет тех отношений, которые организуют синонимический ряд в общеупотребительной лексике), нет оппозиций эмоциональных, экспрессивных, стилистических или оценочных».

Согласно другой точке зрения дублетность является разновидностью лексической синонимии, а дублеты, следовательно, разновидностью синонимов. Наряду с дублетами-терминами, полностью совпадающими по семантике, некоторые исследователи выделяют и описывают другую разновидность синонимичных терминов – термины, не совпадающие в своих понятийных значениях, обозначающие разные стороны одного и того же объекта. Эти термины, выражая одно и то же понятие, обладают неодинаковым субъектным значением – отражают разные признаки обозначаемого понятия, например, (*Gerichtsscheidung – Urteil*) Таким образом, делаются попытки создать классификацию синонимичных терминов: разграничиваются синонимы- дублеты и синонимы-недублеты (собственно синонимы).

Литература:

Головин Б.Н., Коробин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах, М., 1987, стр. 7-120.

Веселов П.В. Оправданный случай синонимии в терминологии, // Русская речь. 1969. С.76-80.

Терминология и норма. О языке терминологических стандартов. Академия наук СССР / Институт русского языка. М.: Наука, 1972. С. 11.

Беляева И.Г., МГИМО

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В данной статье рассматриваются особенности письменного перевода текстов, которые предваряют вербально выраженные литературные эпитафии. Эпитафические тексты встречаются гораздо чаще, чем эпитафические дискурсы. Это связано с тем, что эпитафический дискурс возникает, когда литературный эпитаф предваряет, например, уроки в учебном заведении, устную монологическую речь.

При переводе эпитафических текстов переводчик подстерегает достаточно большое количество трудностей, которые связаны как с переводом самого литературного эпитафа, так и предваряемого им текста. И это обусловлено не только тем, что литературный эпитаф является сильной позицией текста.

Трудности, возникающие при переводе текстов, снабжённых литературными эпитафиями, связаны, в первую очередь, с многофункциональностью литературных эпитафов; возможным несоответствием между жанровой принадлежностью самого литературного

эпиграфа и предваряемым им текстом; возможностью быть на другом языке по отношению к тексту, к которому он поставлен.

Известно, что литературные эпиграфы выполняют около сорока функций в тексте; предваряют тексты научного, газетно-публицистического, словесно-художественного стилей, а сами при этом могут относиться к другому стилю, быть иноязычными по отношению к основному тексту.

Существующая классификация самих литературных эпиграфов, их функций систематизирует имеющиеся знания о литературных эпиграфах и эпиграфических текстах и даёт возможность разработать основные принципы для перевода текстов, снабжённых литературными эпиграфами, помочь переводчику расставить правильные акценты в переводе.

В первую очередь при переводе эпиграфического текста надо определить необходимость перевода самого литературного эпиграфа. Такая необходимость существует, конечно, когда литературный эпиграф и основной текст на одном языке. Литературные эпиграфы, которые являются иноязычными по отношению к предваряемому тексту, переводить не рекомендуется, так как это может нарушить основную интенцию автора - предназначить текст определённой читательской аудитории.

Большое значение для перевода играет положение литературного эпиграфа в тексте. Если литературный эпиграф субтекстовый, то он предваряет только часть текста. Текстовые литературные эпиграфы ставятся ко всему тексту, включая заглавие. От его местоположения в тексте зависят, выполняемые им функции, намерение автора, что сказывается на интерпретации как литературного эпиграфа, так и предваряемого им текста, а как результат - на переводе всего макротекста.

Помимо того, что все литературные эпиграфы имплицитно связаны с текстом, иногда связь может быть эксплицитной. В таком случае необходимо сохранить эту эксплицитную связь и в переводе, нельзя нарушать эту прямую видимую связь с текстом.

Наличие у литературных эпиграфов ссылок облегчает работу переводчика, их отсутствие может затруднить перевод метонимических эпиграфов, так как переводчик может не найти источник цитирования и перевод будет осуществляться без обращения к диахроническому контексту.

Хороший перевод должен сохранить заложенные в оригинале функции литературного эпиграфа, ведь литературные эпиграфы дают ключ к пониманию всего произведения. Переводчику необходимо обратить особое внимание на следующие функции литературных эпиграфов: оценочную, поясняющую, оппозиционную, определение тона произведения, определение темы произведения, сжатое выражение основной идеи, создание эффекта ожидания, усиление отдельных элементов текста.

В отличие от других сильных позиций текста литературный эпиграф может создавать в макротексте стилевое и жанровое разнообразие. Переводчик эпиграфических текстов должен владеть особенностями перевода научного, газетно-публицистического, словесно-художественного стилей. При наличии отсылки можно найти уже существующий перевод, который заслужил признание.

Литературный эпиграф – это особый тип текста, что необходимо учитывать при переводе эпиграфических текстов. Переводчик таких текстов должен обладать большой эрудицией, кругозором, талантом переводить не только прозаические, но и стихотворные тексты, чтобы переведённый текст стал адекватен авторскому замыслу.

Березовская А.В.,
МГИМО МИД России, г. Москва

**МЕТОД ПРОЕКТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

Использование современных педагогических технологий в обучении иностранному языку давно переросло из модной тенденции в обычную практику. Сегодняшнее состояние педагогической науки характеризуется стремлением к совершенствованию уже существующих, а также к поиску новых образовательных технологий, ориентированных на личностное развитие обучающихся. Без этого невозможно повышение эффективности образовательного процесса, уровня профессиональных компетенций студентов, среди которых лингвистические компетенции занимают одно из важнейших мест.

Владение иностранным языком является обязательным компонентом профессиональной подготовки современного специалиста любого профиля. Помимо профессионально-ориентированного обучения четырем взаимосвязанным видам речевой деятельности на иностранном языке будущий специалист, в том числе юрист, должен овладеть компетенциями, необходимыми для изучения и осмысления зарубежного опыта в профилирующей области, для осуществления деловых контактов в разных сферах и ситуациях общения, а также для реализации индивидуальной и совместной научной работы. Подтверждение этой мысли мы можем найти во многих работах, посвященных проблемам качества подготовки специалистов. Так например, Ю.Г. Татур приходит к выводу о том, что «компетентность специалиста с высшим образованием это проявленные им на практике стремление и способность (готовность) реализовать свой потенциал (знания, умения, опыт, личностные качества и др.) для успешной творческой (продуктивной) деятельности в профессиональной и социальной сфере, осознавая ее социальную значимость и личную ответственность за результаты этой деятельности, необходимость ее постоянного совершенствования»

Преподаватель в таких условиях сталкивается с необходимостью поиска наиболее эффективных подходов и методов в обучении иностранному языку. Одним из таких методов является метод проектов.

Данный метод направлен на активизацию познавательной деятельности студента, развития его самостоятельности, развитие его социокультурной компетенции. В существующей профессионально-ориентированной методике обучения иностранному языку, по мнению многих исследователей, формирование социокультурной компетенции часто сводится к овладению обучающимися знаниями о некоторых аспектах культуры страны изучаемого языка и не отражает спектра умений, характеризующих данный вид компетенции.

Современные информационно-коммуникационные технологии в большинстве случаев позволяют достаточно широко использовать метод проектов, однако на сегодняшний момент он не получил реализацию в полной мере.

В качестве основных причин, препятствующих эффективному использованию данного метода, называются недостаточная разработанность педагогических основ и необходимого учебно-методического сопровождения образовательного процесса, отсутствие четкого определенного компонентного состава социокультурной компетенции студентов специальности «Юриспруденция» и соответствующих методических условий, недостаточная разработанность методической системы, отсутствие методики формирования социокультурной компетенции студентов специальности «Юриспруденция» посредством проектов (по Черных В.В.)

Говоря о методе проектов, необходимо упомянуть, что его создателем является американский философ-идеалист Джон Дьюи (1859-1952). Он определил метод проектов как ряд примеров, с помощью которых приводится в движение и поддерживается аппарат мышления. Школьной системе, основанной на приобретении и усвоении знаний, он противопоставил обучение "путем делания". Согласно его точке зрения, все знания необходимо извлекать из практической самостоятельности и личного опыта ребенка. Функции метода проектов, по его мнению, заключаются в его влиянии на развитие наблюдательности, элементов исследовательской деятельности и практических навыков.

На основе педагогических идей своего учителя У.Х. Килпатрик, ученик и последователь Дж.Дьюи, создал метод проектов в обучении. В проекте большое внимание уделялось разработанному принципу Дж. Дьюи «обучение через деятельность». Однако сам Дьюи критиковал некоторые идеи своего ученика и рекомендовал сочетать метод проектов с другими методами. Главнейшей задачей прогрессивной школы он видел в развитии навыков рефлексивного мышления и адаптации в социуме, а также в воспитании – активных самостоятельных людей – личностей!

Идеи прогрессивной школы дошли и до России, и уже в 20-е годы метод проектов стал использоваться в отечественной педагогике. Свой вклад, безусловно, внесли в этот процесс С. Т. Шацкого, Е. Г. Кагаров, П.В. Архангельский, Г. Меандров, В. Н. Шульгин, М. В. Крупенина, Б. В. Игнатъев.

Однако использование этого метода в России и на Западе преследовало разные цели. Для американских педагогов это был один из путей повышения мотивации обучающихся, главное место уделялось конкретной личной пользе, которую приносил выполненный проект его автору, а также возможности использовать результаты проекта в повседневной жизни. Советские же учителя на основе метода проектов вырабатывали у детей желание трудиться для общества и вносить свой вклад в общее дело. Проекты носили преимущественно общественный характер.

«Метод проектов» по-разному понимался и в истории педагогической мысли, мы до сих пор встречаем свободное употребление понятий «метод проектов», «проектная методика», «проектно-исследовательская технология». Да и сам термин «проект» зачастую употребляется не вполне корректно. Проектом сегодня

могут назвать все, что угодно, в то время как существуют совершенно четкие отличительные признаки проекта.

Термин "проект" (projectus) в переводе с латинского означает брошенный вперед, выдающийся вперед. Согласно стандарту под проектом понимается комплекс взаимосвязанных действий, предпринимаемых для достижения определенной цели в течение определенного периода в рамках имеющихся возможностей.

Проектная деятельность имеет свою специфику. Проект направлен на создание уникального продукта, он имеет четкие сроки, сформулированную цель и пути ее достижения, а также план, которому необходимо следовать в процессе реализации проекта. Традиционно проект реализуется в три этапа: подготовительный, этап реализации и заключительный. Здесь особая роль уделяется преподавателю – руководителю проекта. На первом этапе он выступает в качестве – регулятора-организатора, на втором - консультанта-координатора, а на заключительном берет на себя контрольно-оценочные функции и выступает в роли независимого эксперта.

Стоит также обратить внимание, что работа по методу проектов – это достаточно высокий уровень сложности педагогической деятельности, требующий соответствующей профессиональной компетентности преподавателя. Помимо традиционных умений, при обучении профессионально-ориентированному иностранному языку будущих юристов преподавателю иностранного языка необходимы основы правовых знаний, без которых нередко эффективность и результативность профильного обучения значительно снижается. 5 Все чаще говорится о том, что, «в идеале, преподаватель иностранного юридического языка должен иметь юридическое образование» .

Метод проектов, на наш взгляд, следует широко применять при обучении студентов юридических специальностей, однако его следует использовать не вместо систематического предметного обучения, а наряду с ним как компонент системы образования.

Интегрированный характер метода проектов – способность вмещать в себя различные методы обучения, универсальность – возможность использовать данный метод на любой ступени обучения, в группах с разным уровнем языковой подготовки, позволяют использовать данный метод максимально эффективно.

Использование проектного метода в обучении юристов способствует повышению уровня социальной адаптации, укреплению нервно-психической (эмоциональной) устойчивости, повышению уровня интеллектуального развития, познавательной активности, способности к рефлексии, развитию организаторских способностей будущего юриста, а также его коммуникативной компетенции.

Среди проектных методов, рекомендуемых к применению в процессе обучения иностранному языку студентов юридических специальностей, стоит отметить проектные работы, дискуссии, ролевые и деловые игры. Являясь современными технологиями обучения, они ориентированы на рефлексивную деятельность. Очень интересна практика применения данных технологий в разных вузах. Так, например, в статье Николаевой Л.А можно прочитать о применении данных технологий на юридическом факультете Кемеровского Государственного Университета. Широко известные и традиционные методы

дополнены собственными разработками, такими, как метод «Ассоциации-импульсы», метод «Аквариум», метод «Беседа по кругу», метод «Живая фабула» и т.д. Это яркий пример творческого подхода к применению современных методов дидактики и лингводидактики, перехода от теории к практике использования методов проекта.

В заключении, следует отметить, что использование и совершенствование современных педагогических технологий в обучении иностранным языкам студентов юридических специальностей является необходимым условием для формирования профессиональной компетентности будущего юриста, для обеспечения его конкурентоспособности на рынке специалистов, а также для его стрессоустойчивости и готовности к «новым вызовам» в стремительно и постоянно меняющемся мире.

Болдова Т.А., МПГУ

ИКТ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ПО ПРЕПОДАВАНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

При рассмотрении современной образовательной ситуации проблема текста понимается как система восприятия и адекватного понимания множества иноязычных текстов в гипертекстовом культурном пространстве, которая заключена в специфический технологический каркас, где есть сообщения (реплики) других участников как динамический элемент сетевого разговора на различные темы.

Электронный гипертекст – это сложное динамическое и многомерное текстовое пространство, где реализуется язык и где благодаря тексту можно эффективно решать вопросы профессиональной подготовки студентов по различным специальностям. Гипертекст – это: а) продукт сложной деятельности по порождению текста и рецепции текстовой информации, проходящей в социальной сфере межкультурной коммуникации; б) единица обучения текстовой деятельности и текстовой коммуникации; в) средство для решения методических проблем организации и «процессного» управления текстовой деятельностью в условиях сетевой коммуникации при обучении иностранным языкам (Болдова 2010:39).

Работа в гипертекстовом пространстве требует овладения «гипертекстовой компетенцией», ГТК, которая способствует развитию умений «достаивать» знания от любой первоначальной базы, поднимаясь на методологический уровень, что соответствует современному уровню обучения, когда необходимы методические рекомендации и разработки по овладению мультимедийной интерактивной гипертекстовой деятельностью и сетевой коммуникацией. В гипертекстах закодирована не только одна мыслительная задача или комплекс, но и ключ к решению их как средство деятельности студента по дешифровке авторского коммуникативного намерения, прямой коммуникации, о способах действий в условиях сетевого иноязычного социума, о нормах, принятых в профессиональной коммуникации. При этом запускается в действие механизм мотивирования на дальнейшее научное и практическое взаимодействие с носителями изучаемого языка. В сети, где говорят на разных языках, будущий специалист вынужден овладеть не одним, а 2-3 языками, т.к. иноязычные сайты

вынуждают студентов пользоваться несколькими языками в ограниченных рядовых ситуациях, когда они обучаются и овладевают специализированным тезаурусом и навыками познавательной деятельности (Болдова 2010:24).

Изучая иностранный язык с помощью облачных сервисов, студент сталкивается с целым рядом трудностей. Он должен уметь самостоятельно создавать оригинальные учебные продукты (рефераты, курсовые работы, дипломные работы), совместные мультимедийные презентации в модульной динамической обучающей среде (Moodle) и в режиме реального времени, интерактивно взаимодействовать в сети на иностранном языке (в блогах, на форумах, в чатах). Выполнение интерактивных заданий во время аудиторных занятий требует приобретения умений вести сетевой дискурс на сайтах изучаемого языка, осуществляя рефлексию и анализ. Поэтому преподаватель заранее знакомит студентов с типами интерактивных заданий, дает рекомендации к выполнению этих заданий. Он обращает внимание, что в интерактивном взаимодействии есть разные участники (один студент – группа студентов – профессор и т.п.), что существует разделение функций при выполнении заданий, если запрашивается помощь в сетевых проектах у иностранных студентов, как носителей изучаемого языка и т.д. Преподавателю рекомендуется обратить внимание студентов на новые необычные для них явления лингвистического характера, имеющих место в текстах блогов, чатов, форумов. Преподаватель объясняет студентам, как включаться в различные виртуальные проекты совместной работы европейских университетов с тем, чтобы понять различные приёмы преподнесения материалов лекций, семинаров и отдельных сообщений. Для тренировки выполнения определённых учебных действий в сети, студент получает ряд домашних заданий по конкретной теме профессиональной направленности. Так он постепенно набирается опыта в информационном поиске материалов, поиске партнёров для интеракций, что необходимо для совместного исследования учебной задачи и проектирования её решения. Это может быть дизайн-проектирование конкретных гипертекстовых макетов в сети с использованием веб-альбомов Picasa. После выполнения заданий студент может восстановить ход своей работы и последовательность действий, отслеживая при этом свой рейтинг в сети, а также оценки и комментарии к своим проектам от других студентов. Общение с иностранными партнёрами способствует формированию у студентов языкового самопознания, что в дальнейшем расширит языковой опыт студентов и сделает доступными индивидуальные и профессиональные установки других людей через сетевые дискуссии, виртуальные игры, виртуальные консультации при использовании тематических блогов. Студенты овладевают необходимыми приёмами, позволяющими решать и профессиональные задачи с помощью сети. Это приёмы входить в ресурсы виртуальных профессиональных сообществ, в интерактивный сетевой диалог как специфическую языковую обучающую среду, стимулирующую студентов к совместному обретению нового языкового опыта. Успехи в осуществлении общения в виртуальной реальности с носителями изучаемого языка мотивируют студента к продолжению регулярной работы в сети, которая способствует развитию лингвистических и профессиональных умений, социальной ориентации, позволяет оценить свои достижения касательно сформированных умений (в

языковом и содержательном плане). Таким образом, будущий специалист «вооружен» на каждый момент своей учебной и научной работы несколькими запасными вариантами своеобразных руководств поисковой и коммуникативной деятельности двух типов: а) руководством в работе с гипертекстами при проведении информационной и коммуникативной деятельности и б) оценочными листами по той или иной теме. Такая работа позволяет эффективно внедрять приемы активного взаимодействия студентов на диалоговой основе с обратной связью, в нашем примере, в интерактивных проектах: «Second Life», «SLoodle» (3D объекты) – обучение иностранному языку в естественной языковой среде; «Checkliste vor der Prüfung – план □ ответы для подготовки к экзамену «Prüfungspanik»; в языковых играх «Knotenbotschaft»; «Buchstaben pflügen»; «Zahlensalat»; «Kinderchinesisch»; «Taubstummalphabet»; «Handalphabet»; в кооперативных, мозаичных, коммуникативных проектах «Casanova», «Kufior», «Goethe Spiel», «Deutsch-Pokal».

Наряду с конкретными примерами, представляется ценным организация самоконтроля и самооценки учебных достижений студентов. Для этого рекомендуется сравнивать свою самооценку с оценкой других преподавателей и партнёров по иноязычному общению. Следует заметить, что развитие умений общаться в сети на иностранном языке развивает у студента способность включаться в сетевое общение по индивидуальным потребностям, а не только по заданию преподавателя. Ведь перед студентом стоит задача не только детально изучить структуру информационной сети и компоненты различных текстов, но и представить получаемую информацию в движении функциональных коммуникативных связей. Так как сетевые дискурсы образованы текстами различного уровня трудности и качества, то мультимедийные дискурсы интересны тем, что это та среда, которая ведёт к пониманию самого процесса обучения иностранным языкам с использованием новых технологий. Такая виртуальная среда позволяет обучать на сложных текстах от носителей изучаемого языка. А текст, который создал сам студент, полезен при шлифовке умений сетевого общения, для обеспечения правильности понимания письменной речи на иностранном языке. Чем сложнее для студента коммуникация в сети (как совокупность аутентичных текстов и мультимедиа), тем большую роль играет прямое сетевое взаимодействие носителей языка и наших студентов. Студент создает собственные учебные тексты на изучаемом языке и комментарии к ним, продумывает сетевые диалоги, которые почти одновременно используются другими студентами в процессе проектной работы в сети, используя различные дидактические тексты и их фрагменты, иллюстрации, видео- и аудиоматериалы, с тем, чтобы передать содержание изучаемой темы и представить своё видение проблемы. Таким образом, происходит формирование умений критического мышления в условиях работы с большими объёмами информации, формирование умений самостоятельной работы в сети, совершенствование умений находить и интерпретировать связь между отечественной методикой и немецкой дидактикой преподавания иностранных языков, развитие умений устанавливать и поддерживать контакты в социальном контексте сети на иностранном языке. У студента расширяется культурологический, лингвистический и коммуникативный опыт, который позволяет ему организовать самостоятельную работу, повысить

уровень владения языком, профессиональной подготовки как самостоятельной формы и как части общей системы обучения.

Литература:

Болдова Т.А. Монография. «Дорожная карта» для изучения иностранных языков в гипертекстовой сети. Киров, 2010 – 446с.

Воронцова М.В., МГУ

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ГРАММАТИКИ ПРИ КОМПЕТЕНТНОМ ПОДХОДЕ

Преподавание любого языка, и немецкого в особенности, начинается с грамматики. Знание правил грамматики часто считается знанием самого языка и степенью владения языком. Чем отличается знание правил от знания языка? Можно ли знание грамматических правил делать критерием оценки знания языка вообще? Грамматика является объективной основой в языке, можно все поделить на правильное и неправильное, что является очень привлекательным с точки зрения психологии. Зная грамматику, ты твердо стоишь на ногах. Грамматика позволяет проводить тесты, ставить оценки, разделить обучающихся на успешных и слабых.

В современной методике преподавания различают 3 основных метода преподавания – грамматико-переводной метод, аудиовизуальный метод и коммуникативный. У каждого из этих методов есть своя типология грамматических упражнений. Грамматико-переводной метод предполагает следующие виды упражнений: составьте предложения, применяя соответствующее правило; образуйте и вставьте в предложение вместо пропусков правильные формы; преобразуйте предложения в другие грамматические конструкции, сохранив лексический смысл высказывания, например, преобразуйте актив в пассив; наконец, переведите предложения с немецкого на русский и наоборот. Аудиовизуальный метод предполагает преобразование практически автоматическое вопросов в ответы, при этом образец задается в виде звучащего и написанного текста. Часто в ответы на вопросы оказываются практически лишены здравого смысла, например, Ты все съел? – Да, я все съел. Я все выпил, я все купил. Коммуникативный метод предлагает тренировку грамматических структур в реальных коммуникативных ситуациях. Не система языка диктует грамматическую тему или набор упражнений, а тренируются те грамматические структуры, которые реально употребляются в процессе коммуникации.

Встает вопрос о последовательности изучения грамматических тем. Есть система языка, в которой выделяются определенные группы слов – существительные, глаголы и т.п. Они имеют определенные грамматические категории. Понятно, что изучать практический язык при помощи его лингвистического описания невозможно. Делались попытки выделить в грамматике универсальные категории, изучать сначала их, потом специфичные явления для группы языков и в конце для одного конкретного языка. Такое построение курса иностранного языка может быть интересно только в теоретическом плане. Другая последовательность преподавания грамматических тем могла бы быть определена с точки зрения их сложности, т.е. с точки зрения

дидактики. Сначала следует проходить более легкое, потом более тяжелое. Например, сначала простое прошедшее время (Präteritum), потом – сложное (Perfekt). Понятно, что и в этом случае мы несомненно достигнем результата, когда обучающийся сможет выполнить коммуникативное задание. В коммуникативном методе главным является прагматика, т.е. частотность употребления той или иной грамматической модели в коммуникативно заданных ситуациях. Именно применимость модели, ее частотность является основным критерием отбора грамматических структур для преподавания. Введение и осмысление грамматики может быть дедуктивным – объяснение правила, запоминание и тренировка его применения в виде упражнений – и индуктивным, когда на основе текста, содержащего новую грамматическую структуру, делается вывод о новом грамматическом материале, который затем систематизируется, т.е. вводится в общую систему языка.

При компетентностном подходе, основным критерием которого является ориентация на практическое использование языка в профессионально значимых ситуациях, частотность грамматических структур, простота их применения являются основными факторами для определения последовательности грамматических тем в курсе иностранного языка. Не менее важным фактором успешности усвоения и применения грамматических структур является типология упражнений, направленная на автоматизацию соответствующего навыка. Перевод с иностранного языка на родной при этом не исключается, но это заключительная стадия освоения грамматики. Сначала грамматическая структура должна быть представлена в виде схем или таблиц, что способствует ее запоминанию на уровне краткосрочной памяти, потом при помощи набора упражнений она переходит в долгосрочную память. Главным, однако, является автоматизация самого навыка применения данной структуры, т.е. воспроизведение ее в нужной ситуации в естественном темпе в говорении и на письме. Затем наступает стадия соотнесения грамматической структуры иностранного языка с контекстами родного языка, имеющими такое же содержание. На этом этапе происходит поиск адекватных структур родного языка для соответствующей структуры иностранного. Но главным на данном этапе является тренировка самого процесса извлечения из памяти эквивалента соответствующей грамматической структуры. Это не тренировка грамматики, грамматическая структура к этому моменту уже должна быть освоена, это тренировка быстрого извлечения из памяти соответствующего эквивалента. Поэтому такой тип упражнений важен и нужен в том случае, если целью является развитие компетенции перевода, а не понимания иностранного текста или применения языка для поиска информации или реферирования на иностранном языке.

Основными принципами построения грамматики в компетентностно ориентированных курсах являются следующие:

- все грамматические модели, используемые для тренировки грамматических структур, должны быть полностью осмысленными с точки зрения их лексического содержания и быть связаны в сознании обучающегося с определенными коммуникативными ситуациями;

- осмысленное употребление грамматических структур должно происходить уже на занятии (тренировка в режиме реального времени), а не как домашнее задание после объяснения учителя;

- обучение грамматике должно происходить не только эксплицитно, т.е. целенаправленное обучение грамматическим структурам, но и имплицитно, т.е. при тренировке лексики или фонетики примерами являются словосочетания и предложения, содержащие тренируемую грамматическую структуру;

- грамматическая структура должна легко усваиваться в течение одного занятия, при этом она может быть лишь частью грамматической темы, заданной описанием языка, предел усвоения информации, не система языка, является определяющим фактором при создании модели урока;

- автоматизация навыка применения грамматических структур первична по отношению к описанию структуры языка, главное – не знание правил, а воспроизведение грамматических структур в потоке речи в естественном темпе и на письме.

Часто исходным тезисом построения курсов иностранных языков является следующая последовательность: объяснение грамматического материала, заучивание правила или модели, тренировка в виде грамматических заданий. Потом предполагается, что грамматический материал уже пройден и ожидается, что обучающиеся будут правильно применять его в речи или на письме. Однако этого не происходит. Количество ошибок иногда бывает столь существенным (оно часто определяется так называемыми языковыми способностями обучающихся), что преподаватель вынужден вернуть к объяснению грамматики снова. Почему это происходит? Во-первых, знание грамматических правил не означает автоматическое воспроизведение грамматической модели. Во-вторых, извлечение из памяти грамматической модели – процесс, требующий не меньшей тренировки (так называемая продуктивная память). Должен быть наработан алгоритм вызова соответствующей структуры из памяти и ее осознанного применения в нужном контексте. Разрыв между знанием и применением проявляется иногда в пользу неожиданного усвоения и успешного применения грамматических структур, например, говорение без пауз в естественном темпе реально достижимо, несмотря на многообразие правил, которые необходимо применить в немецком языке для построения высказывания. Иногда структуры, которые тренировались недолго и в небольшом количестве упражнений, применяются успешно, а другие, на которые было потрачено много времени и при объяснении, и в упражнениях, не удаются обучающимся. Часто случается, что успешно применяются грамматические структуры, объяснить которые обучающиеся не могут с точки зрения парадигматики и описания языка. Чем можно объяснить такие несоответствия? Ответ на этот вопрос дают нейропсихологии, исследовавшие процесс восприятия, запоминания и практического применения информации. Например, Манфред Шпитцер писал, что «мы учимся не на основе правил, а на основе хороших примеров» (Spitzer 2007). Известный в нейропсихологии эффект Стропа (Льери 2012) доказывает, что натренированные действия протекают практически автоматически, переработка информации практически не происходит. Необычные действия, напротив, являются контролируемыми процессами и требуют большой

концентрации внимания. Отсюда можно сделать вывод о том, что при компетентностном подходе преподавание грамматики должно ориентироваться на автоматическое воспроизведение грамматических структур, а не на осознанное следование правилам при составлении высказываний. Объем грамматики должен ограничиваться теми темами, которые являются базовыми для профессионального языка соответствующей направленности, например, язык юристов может отличаться от языка математиков или программистов. Поэтому базовыми для построения профессионально ориентированных курсов должны являться лингвистические исследования специфики профессионального языка. На их основе определяется необходимый и дополнительный грамматический объем, который лишь частично может соотноситься с описанием грамматического строя соответствующего языка. Типология упражнений должна строиться на основе максимальной автоматизации применения базовых структур, а не на основе их анализа. Переводные упражнения не исключаются из курса, но являются их завершающей стадией, при этом важна автоматизация навыка замены структур одного языка грамматическими структурами другого, что возможно только в рамках определенного смыслового отрезка, создаваемого, как правило, несколькими высказываниями, а не в пределах одного предложения. Выполнение грамматических упражнений типа подстановки правильной формы является контролируемым процессом, а применение уже готовых образцов – автоматическим. Поэтому работа на уровне одного слова представляется менее продуктивной, чем работа на уровне синтагм или целых высказываний. Устное речепроизводство является в значительной степени вызовом из памяти готовых языковых структур и только в редких случаях когнитивно-аналитическим продуктивным процессом.

Но нужны ли тогда вообще грамматические объяснения? Какую роль они играют при обучении языку взрослых? Парадигматическое описание грамматических структур помогает сосредоточить внимание на важных аспектах с точки зрения языка и позволяет четко ориентироваться в языковых формах и структурах. Но оно не является базой для развития речевых навыков. Итак, целью преподавания грамматики в компетентностно ориентированном преподавании иностранных языков является: создание базовых знаний о грамматике с указанием возможностей их применения, на этой основе создание восприимчивости к грамматическим структурам иностранного языка и автоматизация образцов грамматических структур с целью их последующего применения в речи.

Литература

1. Лъери А. Где находится память? М.: Ломоносов, 2012.
2. Spitzer M. Neurobiologie. Ulm, 2007.

Вьюшкина Е.Г., СГЮА

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИКТ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ
(НА ПРИМЕРЕ ОБУЧАЮЩЕЙ ПЛАТФОРМЫ MEMRISE.COM)**

Сегодня информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) прочно вошли в список средств обучения иностранным языкам (ИЯ). Интернет, как одно из ведущих СМИ (Игнаткина, 2014), является неисчерпаемым источником аутентичных печатных и видео материалов; социальные сети и вики-сайты используются для различных учебных целей, в частности, для обучения письму (Удина, 2015); массовые открытые онлайн курсы предполагают целый спектр применений: прямое использования по назначению (языковые курсы), дополнительный материал, организация самостоятельной работы (Вьюшкина, 2015). Многие организации (British Council, BBC, US Bureau of Educational and Cultural Affairs, etc.) обеспечивают работу сайтов, предназначенных для преподавателей ИЯ и изучающих ИЯ, и содержащих методические и обучающие материалы, интерактивные задания и игровые программы.

Существует множество обучающих платформ, созданных специально для изучения ИЯ (Douse), причем предлагается как бесплатное использование ресурса, так и дополнительные платные сервисы. В свободном доступе обычно возможно изучать лексику, распределенную авторами тематически. Предлагаемые темы охватывают повседневную жизнь, путешествия и т.п., т.е. лексику общего курса ИЯ. Такие платформы представляют интерес для преподавателей ИЯ для специальных целей только как ресурсы для организации самостоятельной работы студентов, нуждающихся в дополнительных занятиях для повышения уровня владения ИЯ.

Курс ИЯ для специальных целей, в частности курс юридического английского, требует освоения большого объема терминологических единиц, и наличие программного обеспечения, предназначенного для усвоения и отработки юридической терминологии, существенно облегчает данный процесс. Широко распространена практика использования авторских программ для изучения специальной лексики (Вьюшкина, 2008: 37), но, к сожалению, созданные в одном вузе программы недоступны преподавателям других вузов. Появившаяся в 2010 году обучающая платформа Memrise.com позволяет исправить такое положение вещей.

Отличительной чертой платформы Memrise является то, что предлагаемые курсы создаются пользователями, и хотя большинство курсов предназначены для изучения языков, есть курсы по изучению других дисциплин, связанных с запоминанием большого количества фактического материала. Разработчики выделяют три основных составляющих обучения на предлагаемой платформе: научный подход к процессам памяти, использование игровых элементов и сотрудничества в процессе обучения.

Основатели ресурса Edward Cooke и Greg Detre, психологи по образованию, используют новейшие исследования закономерностей памяти для разработки программного обеспечения платформы. Пользователи могут связать изучаемые слова с мемами, которые существенно облегчают процесс запоминания. В рамках одного учебного сеанса (session) вводится определенное количество изучаемых

единиц и тренируется их запоминание различными способами: множественный выбор (с увеличением количества вариантов ответов), установление последовательности, нахождение соответствий, введение ответов с клавиатуры. Во время последующих сессий уже изученные единицы предлагаются для повторения. Более того, пользователю регулярно предлагают повторить изученные слова, присылая напоминания на электронную почту. Параметры обучения (количество вводимых для запоминания единиц, интервал повторений и т.п.) устанавливаются пользователем самостоятельно.

Изучение новых слов и/или фактов сопровождается игрой – выращиванием цветущего сада. Введение новой единицы – посадка семечка в грунт, каждое новое повторение – полив растения, по окончании сеанса вырастает цветок, символизирующий выученное слово/факт. Повторение выученных единиц на стадии их перехода в долговременную память способствует укреплению корневой системы растений, в дальнейшем периодически проверяя единицы, закрепленных в долговременной памяти, поддерживают цветущий сад.

Любой пользователь-студент может стать преподавателем – создателем курса. Это позволяет обучающимся делиться своими подходами к запоминанию и помогать друг другу в процессе обучения. Оболочка позволяет дополнять изучаемые единицы комментариями, картинками, звуковым сопровождением, т.е. элементами, способствующими более быстрому переходу изучаемой единицы из кратковременной памяти в долговременную.

Как и большинство современных интернет ресурсов платформа Memrise имеет мобильные приложения для iOS и Android, что позволяет сделать процесс обучения и повторения доступным в любом месте и в любое время. Использование данной обучающей платформы преподавателями ИЯ существенно упрощает работу по закреплению лексического материала, и делает ее для студентов интересной и увлекательной.

Создание курса – списка слов, подлежащих усвоению – не требует особых знаний и усилий от среднестатистического пользователя компьютера. Существует множество инструкций, размещенных как на самой платформе, так и в открытом доступе в интернете. Более того, можно привлечь студентов к созданию таких списков, что также способствует лучшему усвоению нового словаря.

Преподаватель может создавать курсы по изучаемым темам самостоятельно, а может изучить курсы уже созданные другими пользователями Memrise и выбрать те, которые соответствуют поставленным целям обучения.

При условии, что студенты выбирают узнаваемые логины и/или сообщают их преподавателю, последний может легко отслеживать прогресс прохождения курса студентами. Еще один вариант контроля – создание группы обучающихся, сервис, предоставляемый платформой.

Использование созданных автором статьи курсов в работе со студентами в рамках курса юридического английского дало положительные результаты в усвоении лексики таких объемных по словарному составу тем как “Criminal Law” и “Tort Law”. Эксперимент по внедрению данной технологии в курс юридического английского продолжается.

Литература:

Вьюшкина Е.Г. Массовые открытые онлайн-курсы: теория, история, перспективы использования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т.15. № 2. С.78-83.

Вьюшкина Е.Г. Новые информационные технологии в преподавании иностранных языков: учебное пособие / Саратов, 2008.

Игнаткина А.Л. Когнитивная интерпретация приемов интертекстуальности в современном российском политическом дискурсе // Вестник саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 206-212.

Удина Н.Н. Проблемы юридического образования: концепция коллаборативного обучения иностранному языку для специальных целей // Глобальный научный потенциал. 2015. № 11 (56). С. 46-48.

Douse, Sadie. 10 Great Platforms To Learn Languages For Free. URL: <http://www.lifehack.org/321835/10-great-platforms-learn-languages-for-free> (дата обращения 03.03.2016)

Иванова И.В., АФСБ

**ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ
ИННОВАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Многочисленность новообразований последнего времени и постоянное их увеличение привлекают внимание современных фи-лологов.

К одному из таких вопросов принадлежит проблема появления нового названия у известного референта, т.е. проблема особого лингвистического явления – переименования [1].

Из анализа лингвистических источников становится очевидным, что термин «переименование» существует недавно. Многие языковеды, поднимая вопрос обновления лексики, не упоминают этой разновидности неологизмов, как правило, проходят мимо данного явления, не замечая его. В качестве исключения выступают не-многочисленные работы по неологии таких авторов, как В. Д. Дев-кин, В.Г. Костомаров, В.Г. Гак, В.Н. Телия, В.Н. Ярцева, С.О. Парфенова, ЕВ. Розен и др. Однако необходимо заметить, что сложилась традиция причислять данный термин к области «лингвистика текста», отмечая тем самым его речевой характер [2]. Нам же представляется целесообразным использовать его для объяснения со-временных инновационных процессов в лексике.

Традиционно новыми словами называют единицы, именующие новые реалии. Переименования выходят за рамки данного представления о неологизмах, так как являются новыми не по содержанию, а по форме: продолжающий существовать референт получает новую номинацию.

При сравнении переименований с другими лексическими явлениями отмечается сходство с вариантами, синонимами, параллелями, перифразами и модными словами, основывающееся на тождестве значений лексем. Важнейшей точкой их соприкосновения, на наш взгляд, является то, что они объединяются вокруг одного круга проблем, который мы предлагаем назвать нарушением стабильности лексического состава системы. Вышеперечисленные явления - случаи нарушения устойчивости и неизменности номинаций. Они группируются вокруг референта, но подходят к его наименованию с разных сторон. Переименования рассматриваются с позиции языковой диахронии, в то время

как варианты, синонимы, параллели и перифразы являются синхронными образованиями.

Установить факт принадлежности лексической единицы к переименованиям можно путем противопоставления двух лексем. Назовем их А и В. При противопоставлении должны соблюдаться следующие требования: А заменяет В в языке, В устаревает, носители предпочитают А, забывая о существовании В; при сохранении тождества референта меняется отношение к его названию.

Если лексические единицы выполняют описанные выше условия, то можно утверждать, что мы имеем дело с переименованием, в роли которой выступает А. Основой признания переименованием новой лексемы является соблюдение ею требования сохранения тождества значения, передача аналогичного смысла при помощи иных языковых средств. Переименование и вытесняемая им лексическая единица должны иметь одну денотативную соотнесенность.

В качестве наиболее типичных единиц переименования можно отметить имена собственные, которые сменяют друг друга при сохранении постоянства обозначаемого. Бесспорными переименованиями можно назвать топонимы. Например, переименования улиц в немецком городе Виттенберге. После второй мировой войны там было переименовано более шестидесяти улиц. Улицы получили новые названия в честь великих людей как Германии (Goethestraße (ранее Admiral-Scheer-Straße), Mozartstraße (ранее Boelckestraße), Robert-Koch-Straße (ранее Lesingenstraße), Heinrich-Heine-Straße (ранее Roonstraße)), так и России (Tschaikowskystraße (ранее Groβadmiral-von-Turpitz-Straße), Leo-Tolstoj-Weg (ранее Hans-Lody-Weg)). Некоторые прежние названия, представлявшие собой личные имена, сменились на нейтральные, вызывающие у людей положительные ассоциации: Blütenweg (ранее Georg-Küttemeyer-Straße), Lerchensstraße (ранее Hans-Maikowski-Straße), Am Bach (ранее Heinrich-Messerschmidt-Straße), Rosenweg (ранее Hermann-Fischer-Straße), Narzissenweg (ранее Paul-Berk-Straße).

К ядру переименований принадлежат также и антропонимы, появившиеся в результате сознательной замены одного имени на другое. Иногда родители дают имя своему ребенку, которое ему может не нравиться в силу каких-либо причин (неблагозвучие, ассоциации, смена языковой моды и т.д.). Поэтому позже ребенок меняет имя, выбирает по своему вкусу новое. Замена одного антропонима другим является классическим эпизодом переименования референта.

Периферия переименований представлена сменой имен референтов с привнесением незначительной дополнительной коннотации.

При рассмотрении границ переименований необходимо учесть возможность следующих типов отношений:

- классический случай полного забвения «старого слова»;
- преимущественная замена переименованиями прежних лексем в определенных ситуациях, от условий которых номинация не отделима;
- параллельное употребление с долей предпочтения переименований.

Последний тип отношений, как показал анализ фактического материала, превалирует. Параллельное существование новых и прежних номинаций является одной из заметных особенностей современного состояния языка. В лексическом составе содержится довольно большой пласт слов-кандидатов в "классические"

переименования, представляющий интерес для исследования. Обычно переименования не могут сразу вытеснить старые названия. До окончательного закрепления в языке переименования проходят своеобразную проверку временем, в течение которого переименование и заменяемая им лексема параллельно сосуществуют в языке. Такой параллелизм следует рассматривать как начальную стадию становления переименования. Переименование выступает сначала в роли параллели к уже имеющемуся в языке слову.

Процесс переименования протекает внутри довольно обширной сферы. Если ограничиться лексическим составом обиходного языка, то список переименований можно разделить на семантически связанные группы:

- 1) название людей и их характеристика;
- 2) предметы, окружающие человека;
- 3) развлечения;
- 4) эмоциональные, психические состояния;
- 5) формы вежливости;
- 6) оценивающие понятия.

Проанализированный фактический материал показывает, что именно эти понятийные области преимущественно подвергаются переименованию. В вышеприведенных группах встречается наибольшее количество переименований денотатов в немецкой разговорной лексике, с явным преобладанием примеров в 1 группе [3].

Структурный анализ переименований позволяет утверждать, что процесс переименования денотатов протекает не только по схеме «слово - слово», но и по схемам «словосочетание - слово», «предложение - слово», «слово - словосочетание» и т.п. Поэтому при идентификации переименований нельзя опираться на формально-структурный критерий и относить к их числу лишь отдельные слова. Необходимо подходить к понятию переименования шире: принимать во внимание как раздельно оформленные, так и цельно-оформленные единицы.

На появление в языке цельно-и раздельно оформленных единиц оказывают влияние две тенденции, которые давно известны в лингвистике как тенденция к экономии и жажда экспрессии. Первая заключается в том, что говорящий старается как можно больше сократить свою речь. Принцип экономии языковых средств предполагает при сохранении тождества значения сокращение длины языковых форм, упрощение структур, замену прежних громоздких имен на их краткие аналоги. Вторая внутриязыковая тенденция к экспрессивности направлена на осложнение и обогащение информации, на придание ей эффекта притягательности для слушающего. Ее действие обнаруживается в том случае переименования референта, когда "старое" название начинает восприниматься как заурядное, избитое и потому нежелательное. Параллелизма зависимости экономии и экспрессии, с одной стороны, и формы, с другой, не обнаружено.

Социолингвистический анализ состава переименований указывает на возможность их условного разделения на общелингвистические и социолектные. Под общелингвистическими переименованиями следует понимать лексемы, используемые всеми носителями языка независимо от социального положения. Социолектными переименованиями называются языковые единицы,

употребительные в отдельной социальной группе людей. Примерами социолектных переименований являются многочисленные замены слов в жаргоне, в молодежном языке, терминологии, диалектах, идеологические переименования, употреблявшиеся лишь в узком кругу молодых людей, становятся общеупотребительными. Разговорная лексика немецкого языка в последнее время особенно интенсивно пополняется за счет слов молодежного субъязыка, значительную долю среди которых занимают новые обозначения известных референтов.

Анализ словарного состава переименований в современном немецком языке, наблюдения за словоупотреблением в современной художественной литературе, средствах масс-медиа позволяют говорить об условности разделения переименований на отдельные социолектные группы. Четкость границ между некоторыми социолектами постепенно исчезает. Это объясняется многими причинами. Определенную роль играют как внутриязыковые, так и внешние факторы. Если раньше в лексике наблюдалась социальная окрашенность употребительности субстандартизмов, то в настоящее время данный пласт языка не является четкой принадлежностью отдельных социальных групп, достаточно часто встречается среди общелингвистической лексики и используется всеми носителями. Доказательством тому служит употребление социолектных переименований в прессе, ориентированной на широкую аудиторию.

Переименования могут как содержать оценку, так и не содержать ее. В измененном имени нередко выражается изменившееся аксиологическое отношение к денотату. Психологическим основанием для переименований-эвфемизмов является попытка замаскировать мир непонятными словами, выбирая при этом название, скрывающее от непосвященных истинное значение вещей. Суеверие, страх, стыд, отвращение - вот те частные причины переименования, скрывающиеся под общим словом «маскировка». Меняя имя, референт как бы прячется под новым. Переименования затушевывают истинный смысл вещей.

Семантические отношения между переименованиями отражают явления синонимии и антонимии.

Согласно традиционным определениям синонимии, базирующихся на близости значений лексем, переименования-синонимы должны обладать семантической взаимозаменяемостью. Между тем анализ переименований-синонимов показал, что они скорее подходят под определение квазисинонимов (термин Ю.Д. Апресяна). Однако нам представляется логичным не акцентировать «нестопроцентность» синонимичности.

Как известно, важнейшими семантическими функциями синонимов являются замещение и уточнение [4]. Замещение выражается во взаимной замене семантически адекватных единиц. Уточнение наблюдается в раскрытии свойств различных характерных признаков референта.

При обязательном семантическом сходстве лексемы-синонимы обладают также и некоторыми отличиями. Выделенные Т.Г. Винокур критерии различия синонимов русского языка [5] могут быть применимы и для переименований-синонимов немецкого языка в силу уже упомянутой универсальности явления синонимии. Отличия между переименованиями-синонимами заключаются:

1) в выражении субъективной оценки обозначаемого говорящим (для обозначения «глупый» могут быть использованы *be-kloppt, bestußt, behämmert, beknackt, hohlköpfig*);

2) в выделении того или иного признака понятия с точки зрения говорящего (так, для обозначения «родители» молодые люди применяют в своей речи слова *Erzeuger, Regierung, Ernährer, Geld-köpfe, die Alten*);

3) в степени интенсивности признака (например, для выражения отрицательной оценки чего-либо выбирается лексема, наиболее точно передающая желания говорящего показать степень своего негативного отношения: *uncool, ätzend, ungeil, gammelig, abgespitzt, beschissen*);

4) в степени интенсивности действия (например, значения «танцевать» в немецком языке могут передавать глаголы *dancen, go-cken, hotten*, а также словосочетания *das Parkett polieren, die Platte putzen, wilde Hupfparty veranstalten*).

Переименования-антонимы также могут быть разделены на определенные группы. Логическую основу антонимии образуют два вида противоположности: контрарная и комплементарная [6]. В зависимости от вида противоположности можно выделить два семантических класса переименований-антонимов.

Переименования, выражающие контрарную противоположность. Такие переименования-антонимы характеризуются градуальной оппозицией. Между ними есть средний, промежуточный член. Например, при обозначении размера женской одежды в немецком языке сегодня используются переименования-антонимы: *small (klein) - medium (mittelgroß) - large (groß) - extra large (sehr groß)*.

Переименования, выражающие комплементарную противоположность. Примеры таких переименований: *fair (anständig) - unfair (unanständig)*. Социолектные слова, передающие значение «приятное» (*geil, stark, hart, heavy, scharf, astrein, elephantös*), являются комплементарными антонимами другой группы переименований со значением «неприятное»: *abgespitzt, abgetönt, ungeil, uncool*.

На основании проанализированного в работе лексического материала можно сделать заключение, что среди переименований-заимствований подавляющим большинством являются слова английского происхождения. Еще в 1968 г. Б. Кастерсен и Г. Галински отмечали краткость англицизма по сравнению с его немецким эквивалентом. Стремление к краткости ведет к вытеснению исконно немецких лексем переименованиями из американского варианта английского языка. Примерами таких переименований могут послужить *Baby (Säugling), Babysitter (Kleinkindbehüterin) (gegen Geld), Hit (Erfolgsschlager), Kids (Kinder), Hobby (Lieblingsbeschäftigung), in (modern), Boss (Vorgesetzter), sexy (erotisch attraktiv), Box (kasten-förmiger Behälter), Start (Ausgangspunkt)*. Однако, наряду с очевидными «удобными» словами, можно встретить переименования, которые по сравнению с исконными не являются краткими. В речи немцев лексемы *Shoppingcenter, Outsider, fashionable* и *Small talk* постепенно вытесняют исконные *Einkaufszentrum, Außenseiter, mo-disch, (leichte) Konversation*.

Общественность высказывается против появления в языке заимствований. В Дортмунде в ноябре 1997 г. с целью сохранения самобытности художественного языка был организован «Союз охраны немецкого языка». Не случайно также появился «Словарь избыточных англицизмов», составленный Райнером

Погареллем и Маркусом Шредером [7]. В справочном пособии англо-американские лексемы легко заменяются на немецкие. Задача лексикографов - в документации избыточных для немецкого языка ан-глийских слов и в содействии желающим употреблять в речи немецкие лексемы. Большинство единиц словаря являются переименованиями, так как они соответствуют выделенным выше критериям переименований: называют уже известное понятие и заменяют существующие слова.

Итак, можно говорить об интенсивности переименования в современном немецком языке. Лексемы-переименования выступают в роли приемников прежних имен явлений и предметов в качестве результата лексической инновации. Благодаря своей массовости переименования представляют лексический портрет современности.

Литература:

1. Существование явления переименования впервые описано в статье: Девкин В.Д. Переименование // Речевые аспекты изучения современного немецкого языка. М., 1984. С. 3-30.
2. Гак В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование // Вопросы французской филологии. М., 1972. С. 123-136; Парфенова С.О. Семантика и прагматика речевых переименований. СПб., 1995; Ретунская М.С. Реализация эмоционально-оценочного потенциала слова в речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1983. С. 96-104; Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1968.
3. Шемчук Ю.М. Понятия, преимущественно подвергающиеся переименованию // Вестник Хакасского государственного университета им Н. Ф. Катанова. Абакан, 1998. С. 64-67.
4. Новиков Л.А. Синонимия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 446.
5. Винокур Т.Г. Синонимы // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997. С. 468-469.
6. Новиков Л.А. Указ. соч. С. 35-36.
7. Wörterbuch überflüssiger Anglizismen. 3. Paderborn, 2000.

Игнатенко А.В., РУДН

СПЕЦИФИКА ПРИЗНАКА ПОЛА И ГЕНДЕРА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Языковое сознание обуславливает картину мира носителя языка, которая порождает определённый тип мышления, в том числе и определённый взгляд на человека. Это обычное для современной культурологии положение особенно очевидно для китайской письменной культуры.

По-китайски культура 文化 буквально значит «знаковое (знак мыслится как иероглиф, орнамент, текст) преобразование (или трансформация)». Цивилизация в таком контексте понимается как письменная культура. Свойства знаков определяют общий характер цивилизации, а их набор – её особенности.

Становится очевидным, что основная единица китайского языка, по крайней мере литературного, – словознак, одновременный аналог буквы и звука. Это способствует выделению у иероглифа трёх аспектов – 形 формы, 声 звучания и 意 смысла. Эти аспекты взаимосвязаны: звучание осмысливается, а у звучания и

значения оказываются графические соответствия – детерминативы и фонетики иероглифов.

В частности, центральное для китайской научной (конфуцианской) традиции понятие 仁 (*ren*), обычно сближаемое с концепцией гуманности, трактуется как равнодушие к страданию или несправедливости 不忍 (*bu ren*) либо как «человечность» 人 (*ren*). А это просто иероглиф «человек», в глагольной трактовке дающий значения «вести себя по-человечески», «относиться к людям подобающим образом».

Широта значения базового знака китайского языка как словокорня позволяет в разных контекстах трактовать его в разных значениях, при этом письменная манифестация знака 文 остаётся первичной, инвариантной. Выражения, задающие основные оси («женское-мужское», «верх-низ» и др.), – это основные культурно-философские категории. Но они же – основные китайские слова в обычном, бытовом понимании (совпадение бытовой и философской лексики обосновывалось А.И. Кобзевым, 1982). Совокупность этих главных слов (категорий, иероглифов) и есть базовый словарь китайского языка и культуры и в то же время инвариант.

Одна из редких попыток совмещения «житейского» и философского в европейской культуре – это философский роман XVIII в. (прежде всего немецкий), классическим образцом которого выступает «Вильгельм Мейстер» Гёте. Этот роман во многом сродни китайскому классическому роману, синхронному «Вильгельму Мейстеру», – «Сон в красном тереме», в котором также можно видеть своего рода «путешествие» идей (символов) в пространстве и времени. Здесь вряд ли случайна базовая для китайской культуры антитеза военного 武 и гражданского, которое в Китае обозначалось всё тем же иероглифом 文.

В китайском языке нет ни категории рода, ни специализированного слова «пол». В нём даже не различаются местоимения «он» или «она» - китайцы во всех случаях говорят «та». Если бы Марина Цветаева была китайячкой, она бы не смогла сказать «Я не поэтесса, я – поэт», поскольку «поэт» по-китайски будет «человек поэзии» (诗人) и это высказывание можно «изобразить» по-китайски только как «Я не поэт-женщина, я – поэт-мужчина». Информация о поле человека в общем случае не содержится даже в его имени (разве что названия цветов и намёки на них свойственны прежде всего женским именам).

Таким образом, в китайском языковом сознании признак пола представляется вторичным. О человеке по-китайски можно долго говорить, не уточняя его пола, так как не возникает необходимости выбора между местоимениями «он» или «она» (аналогичная ситуация в русском языке наблюдается только во множественном числе).

Понятие «пол» - это буквальное, «конкретное» понимание словознака 性 «натура», составляющего пару с «чувствами-свойствами» 情. Современное двусложное обозначение пола 性别 буквально значит «различие по природе».

В современном китайском языке местоимение третьего лица «та» записывается иероглифами с одинаковыми фонетиками, но разными детерминативами – «человек» для «него» (他) и «женщина» для «неё» (她), но это

нововведение под влиянием европейской цивилизации, которым вряд ли стоит гордиться (выходит – он человек, а она – женщина). Это безусловный шаг назад с точки зрения современного гуманитарного сознания, причём искусственный, противоречащий природе языка. На Тайване используются и аналогичные иероглифы с детерминативами «бык» для скотины и «дух» для «Он», т. е. «Бог». Женского же «я» нет, возможно, потому, что иероглиф «я» вообще не имеет детерминатива, а добавление к нему детерминатива «человек» дало бы иероглиф 俄, обозначающий, в частности, Россию. Очевидно, что всё это – орфографические условности.

Сами языки, которыми мы пользуемся, ставят женщину в невыгодное положение. Вторая часть русской пословицы «Курица – не птица, баба – не человек» чисто формально может оказаться как истинной, так и ложной, поскольку русская лексика различает «человека» и «мужчину». Её же английский и французский аналоги на формально-языковом уровне по определению истинны, поскольку оба понятия и «мужчина», и «человек» обозначаются одним словом: *A woman is not a man; Une femme n'est pas un homme*. Китайский же аналог этого высказывания [一个]女人不是[一个]人 – ложен уже формально, поскольку его пословное соответствие таково: «Человек-женщина (или женского пола) не есть человек». И выглядит оно не лучше софизма типа «Белая лошадь не есть лошадь».

Стоит ли после этого удивляться неожиданно высокому, на фоне достигнутого на данный момент уровня производства материальных благ и степени развития политической культуры и демократии, статусу женщины в современном Китае, отмечаемому социологами и просто внимательными наблюдателями. На роль лингвистического фактора в формировании в Китае естественного для современного цивилизованного мужчины отношения к женщине как к равноценному себе существу уже обращалось внимание в литературе (Вэй Чжицян, 1992).

На первый взгляд сказанное противоречит принятым представлениям о традиционных китайских ценностях и устройстве китайского общества. Однако наши впечатления на этот счёт в значительной мере искажены как влиянием на китайский образ жизни маньчжурского нашествия, так и недоразумениями, одно из которых – обнаружение в Китае института многожёнства. Впервые покров над истинным положением «женского» вопроса в традиционном Китае приоткрыл в своей классической работе «*Sexual life in Ancient China*» Ван Гулик – один из многочисленных европейских наблюдателей, которому удалось описать китайскую культуру изнутри.

Таким образом, род в китайском языковом сознании не является грамматической универсалией, а адекватное понимание чужой культуры возможно лишь при учёте специфики её языка, причём языка прежде всего в обычном, бытовом понимании.

Литература:

1. Ван Гулик. Сексуальная жизнь в древнем Китае. Спб., 2000.
2. Кобзев А.И. О категориях традиционной китайской философии. М., 1982.

Игнатенко И.И., МПГУ

**УНИВЕРСИТЕТСКИЙ МИР
В АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ Д. ЛОДЖА**

Академический роман носит обычно комический или сатирический характер и призван высмеивать забавные стороны университетской жизни. Жанр вошел в моду во второй половине 20 века после выхода романов К. Эмиса (“Lucky Jim”, 1954; “One Fat Englishman”, 1963), М. Бредбери (“Eating People is Wrong”) и др.

Дэвид Лодж (род. 1935г.), известный английский писатель и критик, до 1987г. работал профессором, преподавателем английской литературы в университете Бирмингема. Огромную популярностьнискали его романы в жанре университетской прозы: «Академический обмен» (“Changing Places”, 1975), «Мир тесен» (“Small World”, 1984) и «Хорошая работа» (“Nice Work”, 1988), составляющие прославленную “Campus Trilogy”. Эти произведения представляют собой ироническое отображение академического мира Британии и США. Они имеют четкую структуру, наполняемую художественными идеями. Циклическое единство романов достигается взаимопроникновением контекстов, с нарастанием интертекстуальной нагрузки. Центростремительный характер сюжетов позволяет сосредоточиться на образах героев. Главное действие разворачивается в городке Раммидж, очень похожем на Бирмингем, в котором живет и работает сам автор. Персонажами, объединяющими романы трилогии, являются профессор-либерал Филипп Суоллоу, преподающий английскую литературу в университете Раммиджа, и его американский коллега Моррис Зэпп, нацеленный на построение карьеры, работающий в университете Юфориа города Плотинус, который во многом напоминает Калифорнийский университет в Беркли, где автор работал по обмену.

Гротескный роман «*Мир тесен*», как отмечал сам Лодж, содержит множественные аллюзии с легендой о короле Артуре, где рыцари искали Грааль, бродя по свету в поиске любви и славы, соперничая при неожиданных встречах. В современном мире есть тоже свой Круглый стол, элитная группа профессоров, чьи пути постоянно пересекаются на конференциях (идея «порочного круга»). Они ездят по миру, иногда втягиваясь в амурные интриги шутовского хора страстей, в научных дебатах добиваясь славы «лучших в профессии» [2]. В романе много символов: здесь странствует современный рыцарь Перссе (аллюзия с Персивалем и Персеом), ищущий по всему свету девушку с говорящим именем Ангелика, есть дракон (академический корифей Кингфишер), и есть зловещая черная рука (черная перчатка фон Турпица) и история идентичных близнецов, находящихся в итоге своих блудных родителей. Лодж показывает, что благодаря технологическим возможностям общения и путешествий на смену маленьким университетским кампусам приходит глобальный кампус.

В романе «*Академический обмен*» в силу сложившихся обстоятельств профессора Суоллоу и Зэпп вынуждены поехать по обмену: в итоге они не только меняются университетами, но заодно и женами. В тексте романа ощущается недовольство автора низкими зарплатами британских профессоров по сравнению с американскими. Британский Раммидж жена Зэппа по ошибке называет “rubbish” («мусор»), в то время как его американский университет-партнер носит

говорящее название Euphoria, а студенты и преподаватели там действительно пребывают будто в райской эйфории: интересная программа обучения, богатые дома и наряды, свободные мнения и нравы, шикарные машины и вечеринки. Поэтому зрелый профессор из Раммиджа чувствует себя очарованным мальчиком (“like a boy in wonder”), приехав в Юфорию, и напротив, заслуженные американские профессора не видят смысла ехать по обмену в захолустный британский университет. По сравнению с американским университетом, британский отличается умеренностью во всем: “all was moderate, qualified, temperate” [1, С.182]. Лодж на примере профессора Суоллоу, который не имеет звания PhD, критикует британскую академическую систему, когда после сдачи немислимого количества экзаменов и тестов студент достигает своего пика к получению степени бакалавра, но не получает должного общественного стимула к написанию докторской диссертации. Спустя несколько лет стареющий профессор Суоллоу, возглавивший кафедру благодаря удачному стечению обстоятельств, вынужден будет мириться с сокращениями финансирования университетов, когда он не сможет взять в штат молодых и талантливых людей. Профессор Зепп показан, напротив, чрезвычайно успешным, настроенным на опережение коллег и повышение своей репутации. Темы современных исследований, как показано, изменяются от литературных на постструктуралистские, металитературные. Поэтому Зепп бросает прежде так занимавшее его изучение творчества Джейн Остин и берется за новомодную теорию деконструкции, в то время как его британский коллега Суоллоу, как очевидно, и сам Лодж, остается верен чтению литературных текстов с целью понимания заложенных в них смыслов, а не декодирования возможных заложенных смыслов.

С одной стороны удивительно, с другой стороны – естественно, что ни у кого из описываемой академической среды нет подлинных друзей: все преподаватели хотят быть лучшими, поэтому их отношения заведомо пропитаны духом конкуренции. Новоприбывшего профессора Зеппа воспринимают прохладно, пока вернувшийся заведующий, профессор Мастерс, не дает знак снять знак снять это непонятное табу (“as if some obscure taboo had restrained them from introducing themselves”)[1, С. 89]. В романе “Крушение Британского музея” (“The British Museum is falling Down”, 1965) автор также касается темы интриг в академической среде: “There are all kinds of forces in the academic world, as you will discover for yourself. Discretion is vital” [4, С.129]. Только в романе «Мир тесен» у профессора Зеппа, можно сказать, появляется друг, которому он оказывает поддержку: это Перссе, ищущий девушку своей мечты.

Роман «Хорошая работа» был написан Д. Лоджем в 1988 году и сразу получил премию «Sunday Express Book of the Year», был включен в шорт-лист номинантов на Букеровскую премию, в 1989 году по роману был снят четырехсерийный фильм. Основные события являются следствием встречи лектора по английской литературе местного университета, специалиста по жанру промышленного романа Робин Пенроуз и топ-менеджера инженерной фирмы Вика Уилкокса. Робин и Вик представляют абсолютно разные социальные сферы.

Устами Робин автор противопоставляет творческий и осмысленный труд в университете тяжелому и неосмысленному заводскому труду: “It’s nice work. It’s

meaningful. It's rewarding. It would be worth doing even if one wasn't paid anything at all. And the conditions are decent – not like this". Ей, как работнику интеллектуальной сферы, производственная среда, куда ее случайно занесло в качестве "shadow" по программе Industrial Year, кажется дикой: "The wilderness of factories ... itself seemed a shadowland". Конечно, в офисе заводских менеджеров чище и светлее, но все же вначале Робин и Вик очень далеки друг от друга. После первого обеда в заводской столовой один из топ-менеджеров иронично говорит Робин: "Not exactly cordon blue, is it?" Тем не менее, Робин и Вик духовно обогащаются за счет узнавания иной сферы социума: "She led a double life these days, and felt herself to be a more interesting and complex person". Будучи представителями противоположных миров, они многое узнают в общении друг с другом: Робин учится прагматизму, Вик начинает видеть семиотику окружающего мира [3, С.155]. Уже со второй встречи герои выявляют общие черты, привлекающие их друг к другу: открытость и прямолинейность, равнодушие к богатству как единственному мерилу успеха, желание и умение мыслить, трудолюбие и стремление к справедливости. Вспыхнувший роман феминистка Робин не намерена продолжать. Но у героев завязывается перспективное дружески-деловое сотрудничество. Автор, восхищаясь своей героиней, намеренно не ставит все точки над «и» в судьбе Робин, предоставляя читателям самим домыслить ее дальнейшую историю.

Складывается ощущение, что Лодж подсмеивается над либералистскими взглядами Робин, придавая этому персонажу некую карикатурность; напротив, образ Вика более живой, цельный и наполненный авторской симпатией. Сочетание "nice work" в романе употребляется неоднократно, например, Вик употребляет его в отношении идеального университета, как его видит Робин, а также в отношении самой Робин. Но пока социальные круги интеллектуалов и рабочих продолжают быть далеки друг от друга, как бы Робин в своих утопических видениях ни мечтала увидеть рабочих-мигрантов на студенческих скамьях. В конце романа автор пишет об университетском садовнике, работающем на лужайке среди сидящих там студентов: "No communication takes place between them – no nods, or smiles, or spoken words, or even a glance. It seems a very British way of handling differences of class and race".

Д. Лодж сумел в своей трилогии познакомить академический и неакадемический миры. Читателям из обоих миров интересны как фабула, так и комические приемы его романов: пародия, ирония, сатира. Интересно также противопоставление британских и американских персонажей, отражающее стиль жизни, системы образования, взгляды, окружение.

Литература:

1. Lodge D. Changing Places. London: Vintage Books, 2011
2. Lodge D. Small World. London: Vintage Books, 2011
3. Lodge D. Nice work. London: Vintage Books, 2011
4. Lodge D. The British Museum is Falling Down. London: Vintage Books, 2011

Калмазова Н.А., СГЮА

**ТРАДИЦИИ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ ДЕТЕКТИВОВ
С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ**

Перевод названий детективных романов и детективных историй с английского языка на русский тесно переплетён с традицией подбора языковых средств данного жанра. Как известно, основной целью переводчика любой единицы перевода является создание коммуникативного эффекта в принимающей культуре, схожего с коммуникативным эффектом источника, а «качество перевода в соответствующей сфере во многом зависит от экстралингвистических и прагмакультурных факторов» (Атабекова, 2012:25). Профессиональный переводчик анализирует исходную единицу и подбирает репрезентативный вариант её перевода в принимающей культуре, основываясь на понятии прагматический потенциал. Прагматический потенциал любой единицы перевода включает два аспекта: общий (знание истории, культуры, социальной сферы, реалий языка-источника и реципиента) и специальный (в данном случае это традиция жанра). Понятие *традиция жанра* является специальным аспектом прагматического потенциала перевода и означает наличие особых жанровых характеристик, специфичных для каждой отдельно взятой культуры.

Анализируя вопрос о переводе названий необходимо определить, насколько название связано с текстом. Вопрос о соотношении названия и текста неоднозначно решается разными лингвистами. Существуют три точки зрения. Некоторые исследователи считают, что название и текст являются независимыми друг от друга единицами (Береговская, 1991; Мужев, 1970). По мнению других ученых название является обязательным элементом текста напрямую связанным с его содержанием (Блисковский, 1981; Кухаренко, 1998; Швейцер, 1973). Сторонники третьей точки зрения приписывают названию двойственный характер, считая его, с одной стороны, частью текста, а с другой стороны независимой единицей (Кожина, 1987; Лотман, 1981). По нашему мнению название – это неотъемлемая часть текста, его квинтэссенция. Фактически любое название включает небольшое количество слов (в среднем от одного до десяти), которые тщательно подбираются автором в соответствии с определёнными целями, выражающими основные функции любого названия – называть, информировать, выделять, передавать авторское отношение и рекламировать текст. Небольшое количество слов передаёт основную идею текста, его квинтэссенцию, в то время как основное содержание и доскональные подробности могут быть получены лишь после полного понимания всех слов, фактов и идей полной версии текста. Наглядным примером взаимосвязи названия и текста служат классические детективы Е.А. Poe's *The Murder in the Rue Morgue*, С. Dickens's *The Mystery of Edwin Drood*, А.С. Doyle's *The Hound of the Baskervilles*, А. Christie's *Murder on the Orient Express*, J. Chase *Blonde's Requiem*, S. Gardner's *The Case of the One-Eyed Witness*. Основное содержание текста заключено в словах названия, которые сразу передают информацию о жанре произведения (*murder, mystery, case, requiem, witness*), о главных действующих лицах (*Edwin Drood, the Baskervilles*) или о месте действия (*the Rue Morgue, the Orient Express*). Перевод на русский язык выполнен без применения каких-либо трансформаций: «Убийство на улице Морг», «Тайна Эдвина Друда»,

«Собака Баскервиллей», «Убийство в Восточном экспрессе», «Реквием блондинок», «Дело об одноглазой свидетельнице».

Большинство современных английских и американских авторов следует классической традиции при создании названия, то есть они используют жанровое слово (жанровое слово – слово с отрицательной мистической или тревожной коннотацией, показывающее связь с детективным жанром) или юридический термин: Sidney Sheldon *Rage of Angels* «Гнев ангелов»; David Roberts *Bones of the Buried* «Кости похороненного», *Dangerous Sea* «Опасное море», *The More Deceived* «Более обманутый», *Something Wicked* «Что-то злое»; Jim Butcher *Proven Guilty* «Доказательства вины», *Blood Rites* «Обряд на крови»; Robert Crais *Demolition Angel* «Ангел разрушения», Michael Connelly *The Black Echo* «Чёрное эхо», *The Black Ice* «Чёрный лёд», *Blood Work* «Кровавая работа», *The Scarecrow* «Пугало», *The Fifth Witness* «Пятый свидетель», *The Black Box* «Чёрный ящик», *Reversal* «Аннулирование». Данная традиция создания названий является самой многочисленной, следовательно, продуктивной.

Имена собственные и географические названия редко встречаются в современных детективных названиях (Michael Connelly *The Lincoln Lawyer* «Линкольн для адвоката»).

Иногда авторы прибегают к использованию нейтральных слов: David Roberts *Hollow Crown* «Полая корона»; Michael Connelly *The Narrows* «Теснина», *The Overlook* «Смотровая площадка».

Также существует тенденция использовать в названии слово, ассоциирующееся с лицом (Robert Crais *Hostage* «Заложник», *Suspect* «Подозреваемый», *The Watchman* «Сторож», *The Sentry* «Часовой»; Michael Connelly *Concrete Blonde* «Блондинка в бетоне», *The Poet* «Поэт»).

Современные английские и американские авторы детективов стали прибегать к использованию в названиях стилистических приёмов, чаще всего метафор (Sidney Sheldon *Windmills of the Gods* «Мельницы богов», *The Stars Shine Down* «Звёзды светят вниз»; David Roberts *Sweet Poison* «Сладкий яд», *The Quality of Mercy* «Качество милосердия», *Sweet Sorrow* «Сладкое горе»; Robert Crais *The Two-Minute Rule* «Правило двух минут»; Michael Connelly *Trunk Music* «По сценарию мафии», *Lost Light* «Потаённый свет»). При переводе данных названий в большинстве случаев в русском языке реконструируется стилистический приём.

Все вышеперечисленные названия переведены дословно.

Итак, можно сделать вывод, что при переводе названий детективов с английского языка на русский переводчики не прибегают к трансформациям. Большинство названий переведено дословно. Далее необходимо выяснить, насколько такого рода традиция создания названий характерна для российской культуры.

Переводы английских и американских детективов появились в России в XIX веке и приобрели широкую популярность. Российские авторы массово обратились к данному жанру позже, в конце XX века. Вместе с жанром заимствуется и традиция создания названия. Так, в названиях российских детективов наблюдается использование жанровых слов, юридических терминов, имён собственных и географических названий, а также названий мест: А. Гуляшкин «Приключения Аввакума Захова» (1959); А. Стругацкий, Б.

Стругацкий «Парень из преисподней» (1973); Б. Акунин «Смерть Ахиллеса» (1998); Д. Донцова «Личное дело женщины-кошки» (2004), «Маникюр для покойника» (2005); А. Маринина «Седьмая жертва» (2014), «Ангелы на льду не выживают» (2014), «Последний рассвет» (2015). Встречаются случаи использования нейтральных слов: Б. Акунин «Внеклассное чтение»; Л. Шапиро «Я люблю дышать, и только» (2012). Иногда российские авторы прибегают к использованию стилистических приёмов, чаще всего это метафоры: И. Хмелевская «Всё красное» (1974); А. Стругацкий, Б. Стругацкий «Жук в муравейнике» (1979); А. Вайнер, Г. Вайнер «Волны гасят ветер» (1987), Б. Акунин «Турецкий гамбит» (1998), Д. Донцова «Медовое путешествие втроем» (2012), «Приват-танец мисс Марпл» (2014), «Самовар с шампанским» (2014); А. Маринина, «Оборванные нити» (2012). Отличительной чертой названий российских детективов является использование мифологии: А. Вайнер, Г. Вайнер «Визит к Минотавр» (1972); Б. Акунин «Левиафан» (1998), «Алмазная колесница» (2003); Д. Донцова «Аполлон на миллион» (2015) (100 лучших...). Таким образом, очевидно, что российская традиция словесного состава названий детективов совпадает с англо-американской традицией за исключением случаев использования мифологии в русском языке.

В нашем исследовании также единично встретились названия детективов, переведённых с использованием приёмов перевода. Перевод названий детективов связан с переводом названий художественных произведений. В. Рогов (Рогов, 1998) указывает на следующие трудности перевода названий художественных произведений: наличие полисемии, цитат, архаизмов и аллитерации. Все эти трудности в полной мере относятся и к переводу названий детективов. Полисемия представляет собой трудность из-за структурных отличий языков (аналитический английский и синтетический русский) - David Roberts *The Quality of Mercy, mercy 1) а) милосердие; жалость, сожаление, сострадание; б) милость (Божия), милосердие (Господне) 2) а) милость; помилование, прощение; 3) Мерси (женское имя)*. При переводе названий, содержащих цитаты, как, например, в случае с названием детектива Агаты Кристи *The Pale Horse*, являющимся цитатой из «Апокалипсиса», трудность состоит в распознавании аллюзии и принятии решения о сохранении / не сохранении её в переводе. Так существующий перевод «Вилла «Белый конь»» не содержит исходной аллюзии, хотя в русском языке есть вариант - «Конь блед» (Рогов, 1998). При наличии аллитерации в исходном названии (Michael Connelly *The Black Box, The Gods of Guilt*) переводчики не сохраняют её в переводе («Чёрный ящик», «Револьвер для адвоката»). Иногда дословный перевод приводит к потере смысла, созданию неблагозвучного варианта или неточностям. Причинами такого рода случаев могут быть полисемия, неблагозвучие и культурные различия. В таких случаях профессиональные переводчики прибегают к использованию приёмов перевода, связанных с перефразированием: Jim Butcher *Dead Beat* - «Барабаны зомби»; Michael Connelly *Trunk music* - «По сценарию мафии»; *The Gods of Guilt* - «Револьвер для адвоката»; *The Reversal* - «Ловушка для адвоката» (приём перевода – функциональная замена). Так переведённое название звучит привлекательнее, даёт представление о жанре и помогает поддержать связь с основной идеей произведения.

Итак, традиция создания названий детективов в англо-американской и русской культурах в большинстве случаев совпадают, что объясняется заимствованием данного жанра из англо-американской культуры. Следовательно, жанровая традиция, как особый прагматический компонент в основном не требует дополнительной культурной адаптации. В обеих культурах авторы детективов используют в названиях жанровые слова, юридические термины, имена собственные, географические названия, названия мест действия и стилистические приёмы (чаще метафоры). Иногда англо-американские и Российские авторы используют в названиях нейтральные слова. Перечисленные выше сходства облегчают процесс перевода, так как нет необходимости решать, стоит ли переводить в рамках традиции принимающей культуры, или же заимствовать чуждый ей способ наименования.

Основными трудностями перевода названий детективов с английского языка на русский являются полисемия, цитаты, архаизмы, аллитерация, неблагозвучие и культурные различия. Данные трудности встречаются единично и чаще всего решаются либо посредством нейтрализации (цитаты, архаизмы, аллитерация), либо посредством применения приёма функциональная замена (полисемия, неблагозвучие, культурные различия).

Литература

- Атабекова А.А. Профессионально ориентированная культурно-прагматическая адаптация в юридическом переводе: к основаниям концепции // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 17 (271). Филология. Искусствоведение. Вып. 66. С. 25–29.
- Береговская Е.М. О типологии и семантике однофразового текста // Экспрессивный синтаксис и анализ художественного текста. Смоленск, 1991. С. 59-66.
- Блисковский З.Д. *Муки заголовка*. М.: Книга, 1981.
- Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1987. С. 167-183.
- Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988. 189 с.
- Лотман У.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1981.
- Мужев В.С. О функциях заголовков // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. 1970. Т. 55. С. 86-94.
- Рогов В. О переводе заглавий // Иностранная литература. 1998. №4
- Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика: О газетно-информационном и военно-публицистическом переводе. М.: Воениздат, 1973.
- 100 лучших книг. Веб-сайт. URL: www.100bestbooks.ru (дата обращения 03.03.2016)

Косматова Е. В., Белик Ю.А., ООО "Т-Сервис"
ИЗУЧЕНИЕ СИСТЕМ АВТОМАТИЗАЦИИ ПЕРЕВОДА В ВУЗАХ:
ДЕМОНСТРАЦИЯ SDL TRADOS STUDIO 2015 PROFESSIONAL

С развитием информационных технологий и активным внедрением их во все сферы человеческой деятельности произошли изменения и в переводческой отрасли. Сегодня системы автоматизации перевода являются неотъемлемой

частью процесса профессионального письменного перевода. Данные системы представляют собой целый комплекс технологий и инструментов для перевода документации, редактирования, ведения глоссариев специализированной терминологии, локализации программного обеспечения, проверки качества перевода, формирования и распределения переводческих проектов. С их помощью решаются задачи по созданию качественного перевода в рамках кратчайшего производственного цикла.

Навыки работы с системами автоматизации перевода сегодня являются обязательным требованием к квалифицированному переводчику и вводятся в учебные программы вузов.

Эффективным решением представляется взаимодействие вузов с компаниями – разработчиками и поставщиками систем автоматизации перевода.

В рамках выступления представителей компании T-Сервис будут рассмотрены вопросы изучения современных систем автоматизации перевода в вузах с привлечением данных по академической программе компании SDL и представлен опыт сотрудничества вузов с компанией SDL.

Цель академической программы SDL – оказать вузам помощь в передаче актуальных знаний учащимся и способствовать подготовке высококвалифицированных специалистов, востребованных современным рынком переводов. Подготовлены специализированные учебные материалы, включающие учебные пособия, видеозаписи, презентации, разнообразные практические примеры; студентам и преподавателям предоставляется доступ к программе Сертификации SDL, которая является технологическим стандартом для оценки мастерства владения средствами автоматизации перевода, признаваемым в переводческой отрасли.

Завершит презентацию демонстрация SDL Trados Studio 2015 Professional, где будут показаны основные принципы работы с системой.

Лагутенкова М. В., ВГУЮ (РПА Минюста России)

СФЕРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ И ТЕНДЕНЦИИ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Сфера функционирования ОПЛ – это в принципе любая сфера общения за исключением научной. Особенно широко общественно-политическая лексика употребляется в средствах массовой информации, на различных общественных мероприятиях, достаточно часто она фигурирует в художественной литературе, звучит в повседневном общении. От другой общеупотребительной лексики она отличается тем, что ей присуще свойство идеологизированности. Нельзя сказать, что во всех названиях непосредственно отражаются идеологические взгляды носителей языка, но они обозначают понятия, важные для общественной жизни, часто в них репрезентируются особенности социального устройства, присущие разным общественно-экономическим формациям, поэтому они являются идеологически значимыми.

Следует отметить, что ОПЛ чрезвычайно мобильна. Более подвижна та ее часть, куда входят обозначения понятий и реалий, характерных для различных общественных систем. По мере изменений, происходящих в социальной жизни, постоянно возникают новые понятия и вместе с ними новые обозначения

наиболее актуальных явлений и событий быстро меняющейся политической жизни, с другой стороны, какие-то явления и обозначающие их слова исчезают из узуса.

Основной тенденцией в формировании фразеологического состава языка является сохранение в нем накапливающихся веками устойчивых сочетаний слов, и особенно тех, естественно, которым свойственна образность и экспрессивность.

Однако, следует еще раз отметить, что ФЕ экспрессивной сферы, разумеется могут устаревать и выпадать из фразеологического состава языка по мере его развития, но, в отличие от слов, они, как правило не заменяются другими фразеологизмами, в то время как устаревшие слова заменяются другими.

Рассматривая особенности формирования и развития общественно-политических ФЕ, нужно отметить, что ярко выраженный идеологический характер обуславливает их быстрое устаревание в условиях отсутствия идеологической потребности.

Причинах устаревания и выпадения из узуса общественно-политических ФЕ и ФО:

- оно может быть обусловлено как стихийным воздействием социальных факторов, так и сознательным воздействием общества на язык;
- ярко выраженный идеологический характер обуславливает быстрое устаревание фразеологизмов в условиях отсутствия идеологической потребности;
- утрата предметной соотнесенности, т.е. устаревание обозначаемого понятия;
- утрата фразеологизмом своей актуальности как образно-экспрессивного средства выражения на данном историческом этапе развития языка;
- неустойчивость внутренней формы;
- затемненность образа, замысловатость в семантическом плане может привести к усложнению восприятия и декодирования словосочетания и, в конечном счете, выпадению его из узуса.

Приведем примеры из сферы характеристики политических деятелей:

1. Bit player – «актер на эпизодических ролях». Политический деятель, довольствующийся ролью «на подхвате».
2. Boston Brahmins – «бостонские брамины». Нетитулованная аристократия, политическая и деловая элита Северо-Востока США.
3. Cold warrior – «рыцарь холодной войны».
4. Dinosaur wing – «крыло динозавров». Экстремистское крыло политической партии. Выражение принадлежит Э. Стивенсону (Stevenson, Adlai), назвавшему так республиканских консерваторов в ходе президентской избирательной кампании 1952г.
5. Do-gooder – «добрый дядя». Иронично-издевательское прозвище реформаторов, участников движений за гражданские права, против расовой и иной дискриминации, бытующее в среде циничных политических деятелей.
6. Economic royalists – экономические ройалисты. Определение, данное президентом Рузвельтом магнатам бизнеса, противившимися вмешательству государства в трудовые отношения, признанию профсоюзов, введению социального страхования и другим реформам Нового курса.
7. Elder statesman – политический старейшина. Пожилой политический деятель, некогда занимавший высокий политический пост и продолжающий

пользоваться всеобщим уважением; нередко так называют бывших президентов США, за которыми титул «президент» сохраняется пожизненно.

8. Fair weather friend and sunshine politician – «друг-политик на хорошую погоду». Ненадежный политический деятель, на которого можно положиться лишь при благоприятных обстоятельствах. При малейшем осложнении обстановки может предать соратников или совместное дело.

9. Five-percenter – «пятипроцентник». Политический делец, бравирующий связями в правительственных кругах, который проявляет готовность «быть полезным» в случае получения 5 процентов от заключенной с его помощью сделки. Размер взятки может быть и иным.

10. Prophets of gloom and doom – «пророки жути и мрака». Кандидаты, запугивающие избирателей тем, что в случае победы политических оппонентов в стране наступит «жуть и мрак».

11. Grandstand play – «игра на публику». Выражение популярно среди политиков. Заимствовано из бейсбола: так говорят об игроке, который пытается обратить на себя внимание зрителей и сорвать аплодисменты.

12. Hidden-hand presidency – «Невидимая рука президента». Элемент критической характеристики Д. Эйзенхауэра, который в годы своего президентства якобы плел многочисленные интриги. Отсюда название книги политолога Ф. Гринстайна (Greenstein, Fred) “The hidden- Hand Presidency: Eisenhower as Leader”.

13. Knee-jerk liberal – «рефлекторный либерал». Саркастическое прозвище политика, который бездумно и автоматически реагирует в своих действиях на требования левых. Выражение было пущено в обиход политическими деятелями США и адресовано в первую очередь сторонникам Ф.Д. Рузвельта и его реформ.

14. Little old ladies in tennis shoes – «старушки в теннисных туфлях». Прозвище правоэкстремистски настроенных членов женских организаций. Фраза была особенно популярна среди либералов Республиканской партии, выступавших против Б. Голдуотера (Goldwater, Barry) в начале президентской кампании 1963-64гг.

15. “Ev and Charlie Show” – поведение, соединяющее пристрастную политику с самодовольно глупой комедией. Название появилось благодаря двум представителям Республиканского меньшинства в Конгрессе сенатору Эверетту Дирксену и республиканцу Чарльзу Халлеку, которые проводили объединенные ежемесячные появления по телевидению в 1960-х. Шоу было популярным, но автор Роберт Донован, назвав его «арлекинадой», распустил.

16. Heat-seeking missile – «самонаводящаяся ракета». Описание конгрессмена, берущегося за непопулярные действия.

17. Ottinger effect – Явление несовпадения имиджа и реальности. Словосочетание связано с именем бывшего республиканца Ричарда Оттингера во время выборов в Сенат 1970г. По телевидению он выглядел эффектно, но в живых дебатах был не на высоте и проиграл выборы.

18. Reagan robot – Прозвище, бытовавшее во времена эпохи Рейгана, применяемое к законодателям, всегда голосовавшим как президент.

19. Rocket scientist – «Ракетчик». Применялось в значении «не надо иметь большого ума, чтобы понять очевидное». Репортер Washington Post Guy

Gugliotta писал 4 июля 1991г.: “We may write and debate incredibly complex legislation, have lunch with the president, and get on national television all the time, but, hey, this isn’t Rocket Science.”

20. Watergate babies – «Дети уотергейта». Группа из 70 новых конгрессменов-демократов и 6 бывших членов, избранных в 1974г. избирателями, потрясенными коррупцией, вскрывшейся в Уотергейтском скандале.

Лебедева А.А., ВГУЮ (РПА Минюста России)
НЕКОТОРЫЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

У лингвистов не вызывает сомнений, что процесс овладения лексико-грамматическими особенностями иностранного языка должен идти параллельно с изучением многослойного пласта национально-культурных традиций языкового коллектива носителей данного языка, в том числе специфики фразеологических единиц. Вспомним анекдот "с бородой". "Однажды знакомая немка спросила у Гейне, трудно ли выучить французский язык. Поэт рассмеялся и ответил, что это очень просто: нужно вместо немецкий слов произносить французские." Однако, как известно, в каждом языке объективная действительность отображается в соответствии с историческим опытом конкретного народа, его культурой. Ни для кого не будет новостью наличие многочисленных семантических расхождений, которые необходимо учитывать при переводе с одного языка на другой. Люди в процессе своей жизнедеятельности приобретают определенный образ объективного мира, создают концептуальную систему, непосредственно отображающуюся в семантике языковых знаков, образуя при этом языковую картину мира.

Это явление четко прослеживается на примере фразеологических единиц. Мы говорим «уйти по-английски», англичане говорят “to take French leave” (букв. ‘уйти по-французски’), мы говорим «после дождичка в четверг / когда рак на горе свистнет», англичане - “when pigs fly / when the devil is blind”; русские говорят «буря в стакане воды», англичане - “a storm in a tea-cup” (букв. ‘буря в чайной чашке’); русскую поговорку «И на солнце есть пятна» обычно коррелируют с английской поговоркой равноценной смысловой канвы “Every bean has its black” (букв. ‘У каждого боба есть своя червоточина’); мы снисходительно посмеиваемся: «Америку открыл!», английская версия этого восклицания: “The Dutch have taken Holland!” (букв. ‘Голландцы захватили Голландию!’); у русских принято выражение «убить двух зайцев одним выстрелом», у англичан – “to kill two birds with one stone” (букв. ‘убить двух птиц одним камнем’). Нам не придет в голову сказать «холодный как огурец», у русских принято говорить «холодный как лед», в английском же языке функционируют такие выражения как “as cool as a cucumber; as cold as ice / as a stone / as a key”, “as cold as charity” (‘холодный как лед, бессердечный’). В ходе исторического процесса иногда возникают необычные ассоциации и, как следствие, неожиданные переводы. Американские горки в США, например, часто называют «русскими горками», наш любимый салат «оливье» во Франции всем знаком как «русский салат», а распространенные в России кафе «бистро», как известно, появились после победы над Наполеоном в 1812 году, когда русские

солдаты требовали подать им еду «Быстро! Быстро!», что у французов стало ассоциироваться с быстрым обслуживанием. Многочисленные примеры подобных семантических расхождений в разных языках можно найти в разнообразных учебных пособиях со списками пословиц и поговорок, в словарях обычно даются переводы фразеологических единиц.

Национальная специфика лексических единиц четко прослеживается при сопоставлении языков и обусловлена двумя факторами: объективным и субъективным.

Объективный заключается в появлении в каждом языке определенного слоя лексики, отражающей природные и культурно-исторические реалии, свойственные жизни данного народа и отсутствующие в жизни другого. К примеру, институт понятых в англо-американской правовой системе отсутствует. Хотя словари дают перевод слова "*понятой*" как "*witness (at an official search)*", смысл данного понятия для англоязычного читателя будет искажен, поскольку он воспримет слово *witness* как *свидетель*. В российском праве, как известно, свидетель и понятой выполняют разные функции. Термин "*отвод присяжных*" также может вызвать необходимость уточнения при переводе на английский язык и выбора между *challenge for cause / peremptory challenge* (мотивированный / немотивированный отвод присяжных), т.к. в российском процессуальном кодексе не конкретизирована мотивированность отвода присяжных (см. другие примеры в: 3, 4, 5).

Объективный фактор наличия в разных языках специфичных только для данной языковой общности лексических единиц четко виден на примере фразеологических единиц, в частности, с расхождениями в географических названиях: ср. «Не ездь в Тулу со своим самоваром» - "Don't carry coal to Newcastle" (букв. 'не вози уголь в Нью-Касл'), "Rome was not built in a day!" – «Не сразу Москва строилась!»; "to fiddle while Rome is burning" (букв. 'играть на скрипке, когда горит Рим') – «пировать во время чумы»; "When at Rome do as the Romans do!" – В чужой монастырь со своим уставом не ходят; "He'll never set the Thames on fire!" (букв. 'ему никогда Темзы не поджечь!') – «Он с неба звезд не хватает». В лингвистической литературе в качестве примера часто приводят французское выражение "*pale comme une endive*" - «мертвенно-бледный» (букв. «бледный как эндивий»). Растение эндивий (садовый цикорий, бледный, т.к. его разводят при недостатке света) не очень широко распространен в России и в результате отсутствует во фразеологии русского языка.

Субъективный фактор представляет собой произвольную избирательность языкового сознания разных народов при отражении одних и тех же природных и культурно-исторических реалий в языке. Субъективный фактор наиболее четко просматривается на примере фразеологических единиц разных языков, где лексические единицы, обозначающие одни и те же реалии, по-разному представлены во фразеологии разных языков (см. примеры в: 2). В лингвистической литературе в качестве примера часто приводят отсутствие фразеологизмов со словом *артишок* в русском языке, так как это растение нетипично для русской культуры. Оно представлено во фразеологии итальянского и французского языков, но, как указывает Гак [1:261], получает различную символизацию. Французская идиома *avoir un coer d'artichaut*

переводится "быть ветреным, влюбчивым" (букв. «иметь сердце, т.е. мягкую сердцевину, артишока»). Итальянский фразеологизм *la politica di carciofo* (букв. «политика артишока») отражает другие свойства растения и переводится как «политика, направленная на последовательное приобретение новых территорий», подобно тому, как при поедании артишока отделяют один за другим его листочки. Различие между русским и романскими языками здесь объективное, между двумя романскими – субъективное.

Перевод выражения "*Department of the Interior*" (*Департамент / Министерство внутренних дел*) требует уточнения, что в России и США это государственные органы, выполняющие разные функции. В США "*Department of the Interior*" отвечает за состояние дорог, соблюдение экологических норм и не является силовым правоохранительным ведомством. Напомним, что название *Министерство внутренних дел Великобритании* переводится как *Home Office*. Как видно из данного примера, перевод некоторых названий органов государственной власти может вызывать определенные трудности.

Слово *associate* трактуется в Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English под ред. A.S. Hornby, как "*a person who has been joined with others in work, business or crime; person given certain limited rights in an association; companion*". При этом российским читателям книга Д. Гришема (John Grisham) "The Associate" известна под названием "Юрист". Английскими эквивалентами слова *jurist* при переводе могут быть и *lawyer*, и *attorney*. В книге Гришема объяснено, что *associate* - это наименование высшей должности в карьере юриста, работающего за зарплату, в крупной юридической фирме США. Конечная цель в карьере в подобной фирме - это партнер. Вероятно, в другом контексте (не в названии литературного произведения), с учетом отсутствия подобных фоновых знаний у русскоязычной аудитории, может быть целесообразным лексическое расширение при переводе рассматриваемого термина.

В связи со всем вышесказанным видна необходимость построения профессионально-ориентированного обучения студентов иностранным языкам на базе комбинированного изучения основ специальности в лингвострановедческом ракурсе.

Литература:

1. Гак, В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. - С.261-265.
2. Лебедева А. А. Основные принципы профессионально ориентированного обучения иностранному языку студентов юридических специальностей: формирование профессиональной лингвокультурологической модели юриста / А. А. Лебедева; РПА Минюста России. - М.: РПА Минюста России, 2010. – 242 с.
3. Лебедева, А. А. Проблемы юридического перевода. Методика обучения студентов переводу контрактов // Вестник МГОУ, сер. "Лингвистика". М.: МГОУ, 2011. №6, т. 2. С. 92-97.
4. Лебедева, А. А. Проблема эквивалентности и безэквивалентности лексических единиц при переводе юридических текстов // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Сер. "Филологические науки". 2013. №3. С. 74-79.

5. Лебедева, А. А. Некоторые лингвистические и социокультурные аспекты перевода юридических текстов // Вестник МГОУ, сер. "Лингвистика". М.: МГОУ, 2015. №4. С. 209-216.

**Мешкова И.Н., Шереметьева О.А., РУДН
ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ
ДОКУМЕНТАЦИИ**

В последнее время расширяются деловые связи между государствами и возникает потребность в переводе административно-правовой документации.

Практика специального перевода формирует у студентов базовые профессиональные компетенции, позволяющие иметь целостное представление о процессе перевода юридических текстов на всех его этапах. В процессе обучения будущие юристы-переводчики овладевают основами стратегии переводчика и получают чёткое представление о нормах перевода текстов данного типа. Обучаемые изучают юридические термины, знакомятся с лексико-грамматическими и функциональными особенностями отдельных видов административно-правовых текстов, учатся структурировать работу по переводу данного типа текстов (анализировать исходный текст, определять параметры перевода, выявлять трудные для перевода единицы, выбирать стратегию перевода, редактировать перевод).

Пособия, подготовленные на кафедре иностранных языков юридического института РУДН (французский язык) помогают совершенствовать навыки перевода специальных текстов, обучению переводу и реферированию, углубляют знания студентов в области французского языка, формируют коммуникативную компетенцию, развивают и автоматизируют навыки и умения использования специального лексико-грамматического материала в письменной и устной формах.

В рамках разработки методического обеспечения дисциплины модуля «Переводчик» на кафедре иностранных языков юридического института было подготовлено учебное пособие ПЕРЕВОД АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ. Французский язык. (Мешкова И.Н., Шереметьева О.А.)

Пособие направлено на формирование компетенций студентов и соотношенных с ними результатов освоения дисциплины: овладение основными принципами перевода юридических текстов, лексико-грамматическими особенностями изучаемых в рамках данной дисциплины типов юридических текстов, умение выполнять перевод данного типа текстов с французского языка на русский язык (и с русского на французский), находить необходимую справочную информацию при переводе юридических текстов с использованием бумажных и электронных словарей и других интернет ресурсов, автоматически производить выбор переводческой стратегии при переводе с французского языка на русский язык, а также с русского на французский.

В своей практической работе юристы – переводчики чаще всего работают с такими документами, как: Documents personnels, Certificats et Diplômes, Curriculum vitae, Procuration, Contrats (vente – achat, de travail, de bail, etc). Именно это обусловило подбор такого типа документов. В качестве текстового

материала использованы материалы и документы официальных франкоязычных и русскоязычных сайтов.

Принцип последовательности и преемственности в овладении методами перевода административно-правовых текстов реализуется в выполнении предложенных типовых заданий, целью которых является автоматизация языкового и речевого материала, его свободное использование в устной и письменной речи.

Выполняя предложенные задания, студенты овладевают исследовательской компетенцией, которую формируют задания на перевод базовой лексики урока (работа с двуязычными и толковыми словарями, справочной литературой); переводческой компетенцией, формирующейся в процессе выполнения заданий на перевод с французского на русский; коммуникативной компетенцией, формированию которой способствуют задания на активное употребление лексико-грамматических конструкций.

Каждый из 8 уроков пособия содержит аутентичные документы определённой тематики, упражнения на закрепление специальной лексики и перевод специфических конструкций. Система поурочных упражнений носит коммуникативный характер, содержит подстановочные лексические и грамматические упражнения, задания на перевод с французского языка на русский и с русского на французский.

Предтекстовые упражнения, направлены на овладение тематической лексикой и грамматическими структурами, что облегчает перевод основных текстов урока с французского языка на русский. Посттекстовые упражнения направлены на дальнейшее закрепление и контроль полученных умений и навыков. Каждый урок завершается переводом текстов с русского языка на французский.

Предлагается использовать материалы пособия на аудиторных занятиях, а также для текущего контроля овладения лексикой, грамматикой, навыками говорения и письма на материале административно-правовых текстов.

Литература:

Мешкова И. Н., Шереметьева О. А. - Москва : РГГУ, 2015. - 91 с. - Режим доступа : <http://elib.lib.rsuh.ru/elib/000009806>. - Загл. с экрана. - ISBN 978-5-7281-1715-

Мордакина М. В., ГСГУ

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФЕЛЬЕТОНА
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ)**

Понятие фельетона складывается не только в рамках стилистики журналистской формы, но и служит обозначением классического места внизу газетной страницы, отделенного от прочего газетного материала толстой чертой. На сегодняшний момент фельетон мыслится как особый жанр газетной статьи. Однако это не всегда было так. Природа данного вопроса весьма спорна. Появившись во Франции на рубеже XVIII – XIX веков, данное слово не имело в это время ничего общего с конкретным жанром. Как показывает сам термин, взятый с французского языка, явившись производным образованием от *feuille* (лист – газета), фельетон был действительно в момент своего появления листком

в газете, специально посвященным вопросам театра, литературы, искусства. Но уже в первые годы своего существования фельетон перешел на страницы самой газеты, заняв определенное место. Рождение фельетона в этом смысле связано с деятельностью аббата Жоффруа, который в течение ряда лет, начиная со времени дирекции, помещал в *Journal de Débats* несколько раз в неделю свой фельетон.

Правда, у этой теории возникновения фельетона есть и критики. В частности, Е. Журбина весьма скептически относится к статье автора сотен статей, театральных фельетонов, путевых заметок, биографических очерков Б. В. Томашевского, который рассматривал упомянутый вкладыш в «*Journal des Debats*» в качестве первого образца жанра: «Автор не только не ставит вопроса о расчленении истории газетной рубрики и истории рождения нового литературного жанра, а, напротив, с первых же строк статьи стремится связать эти вопросы в один узел...» [Журбина 1965: 16]. По мнению исследователя, смешение терминов и подмена понятий привели к неизбежной путанице.

Фельетон можно по праву считать одним из речевых жанров газетной публицистики. Чтобы охарактеризовать его с точки зрения стилистики, возьмем за основу классификацию текстов функционального газетно-публицистического стиля, предложенную М. П. Брандес. В рамках данной классификации фельетон наряду с такими речевыми жанрами как «речь», «статья», «очерк», «репортаж», «эссе», «глосса», «памфлет», «рецензия» относится к художественно-публицистическому типу текстов. По мнению М. П. Брандес, данный тип текстов отличает «единство аналитического, объективного, эмоционального и субъективно-личностного содержания, что характеризует композицию целого, стилистический ритм частей, переходы, между звеньями содержательной структуры» [Брандес 2004: 204]. Фельетон – это такой речевой жанр, в котором художественное и публицистическое начала настолько тесно переплетены друг с другом, что превращают его в один из наиболее действенных и эффективных жанров. Синтез двух начал реализуется через единство отражающего сознания автора, образ которого должен быть устойчивым и, в то же время, неповторимым. Вывод автора начинает становиться явным через противоречие, переданное посредством введения ярких образов, использования особых стилистических приемов.

В основе любого фельетона лежит конфликт. Фельетонист должен умело выстроить сюжет и композицию повествования, чтобы яркие подробности или смешные ситуации существовали не сами по себе, а выявляли суть конфликта и черты характера. При всей своей свободе и кажущейся порой причудливости композиция фельетона должна подчиняться законам выражения публицистической темы. «Основа фельетонной композиции – сопоставление жизненных материалов, широкое ассоциирование их. Это отвечает характеру фельетонного конфликта и придает фельетону ту особую интеллектуальную силу, в которой такую большую роль играет мысль, поднятая над фактом» [Журбина 1965: 243].

Специфика фельетона создается посредством комического способа реализации общественно-актуальной проблематики и фактов. При этом в определенных фельетонах преобладают обобщение и гротеск, некая заостренность образа, в других – авторская ирония, интерпретация фактов, в

третьих – синтезируются оба приема. Огромное распространение получил прием комической ситуации, основанной на существовании «двух логик» –логике здравого смысла и логике глупости, посредством чего и проявляется сатирический характер персонажей. Широкое применение находят также устойчивые метафоры, фразеологизмы, литературные цитаты, афоризмы, приемы комической гиперболы, комические «неологизмы», приемы иронической «эвфемизации» и др.: «OhduschrecklichesWeihnachtessen. Weihnachtsessen gehören zu den heikelsten familiären Veranstaltungen überhaupt. Läuft es gut, tauscht man sich entspannt über Urlaubserlebnisse, die hervorragenden Schulnoten der Kinder oder die Herkunft der Weihnachtsgans aus. Läuft es weniger gut, kreist das Gespräch bald um allerlei kleinere und größere Gebrechen, um Lebensmittelunverträglichkeiten wie Laktoseintoleranz etwa oder Allergien (Sellerie, Tomaten, Paprika etc.), weshalb früher oder später jeder am Tisch die Verdauungsprobleme seiner Sitznachbarn kennt. Für all jene, die unter Misophonie, sprich, dem Hass auf Geräusche, leiden, läuft es so oder so katastrophal. Bezieht sich diese Geräuschintoleranz auf das Ticken von Uhren, lässt sich die Sache zwar noch handhaben, indem man die Uhr des Gastgebers von der Wand montieren – zu Irritationen wird ein solcher Schritt jedoch allemal führen. Wer hingegen Kaugeräusche, Schmatzen, Schlürfen, Kieferknacken und Zähneklappern hasst, für den ist ein Weihnachtsessen der wahr gewordene Alptraum» (FrankfurterAllgemeine Zeitung, 23.12.15).

В данном отрывке газетной статьи речь идет о такой болезни, как мизофония. Уютный семейный рождественский ужин может стать проблемой из-за подобного недуга.

Текст достаточно эмоционален и комичен, что наглядно продемонстрировано уже в первом предложении (OhduschrecklichesWeihnachtessen). Также необходимо отметить, что такие стилистические тропы, как устойчивая метафора (schreckliches Weihnachtsessen), гипербола (größere Gebrechen), создают определенный эмоциональный фон высказывания и являются важными элементами художественного мышления.

Как правило, в фельетоне осуществляется функциональная переориентация стилистических стандартов, особенно «высоких» стилей, порождающая антипоэтизмы, «газетизмы»-штампы, бюрократические «деловизмы», комические «варваризмы». К примеру, газетные штампы и стереотипы, использование которых вполне оправданно в информационных и аналитических материалах, в обычном виде фельетону просто противопоказаны. Зато фельетонисты широко используют казенно-деловой стиль для пародирования, что придает их творениям новые краски и ярко публицистическую направленность.

Рассмотрим еще один пример фельетона из немецкой газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung», интегрирующего основные лингвостилистические особенности в качестве одного из публицистических жанров и наглядно демонстрирующего свою филигранную отточенность:

Neue Biene Maja
Vom Moppel zum Magermodel

29.03.2013 · An diesem Freitag Morgen kehrt die beliebte Trickfilmfigur zurück ins deutsche Fernsehen – mit neuen Folgen und in computeranimierter 3-D-Optik. Wiederzuerkennen ist sie kaum.

Von Ursula Scheer

Vor gar nicht allzu langer Zeit, in der Fernsehzeitrechnung aber vor Ewigkeiten, entwarf ein amerikanischer Comiczeichner eine Biene. Der Zeichner hieß Marty Murphy, was man sich merken sollte, weil er sich vermutlich gerade im Grab umdreht, sein Auftraggeber war das ZDF, und die Biene hieß Maja. Murphys Maja glich eigentlich keiner Biene, sondern eher einem pummeligen Mädchen im Streifendress. Aus ihren gelben Strubbelhaaren wuchsen zwar zwei Fühler, doch statt sechs Beinen hatte sie nur zwei, dazu ein rundes Gesicht mit Stupsnase, einen breiten Lachmund und Kulleraugen, aus denen beim Anblick des Mondes schon mal eine Träne rollen konnte.

Für ihren Auftritt in den 78 neuen Folgen hat die kleine, freche, schlaue Biene radikal abspecken müssen. Von Pummeligkeit keine Spur mehr: Maja ist zum stromlinienförmigen Magermodel mutiert, und auch ihr bester Freund Willy ist sichtlich erschlankt und längst nicht mehr so faul, wie er mal war. Der Sender begründet das damit, dass die Figuren passend zur neuen, computeranimierten 3-D-Optik mehr Dynamik und Frische ausstrahlen sollen, außerdem hätten die Sehgewohnheiten der Kinder sich verändert.

So saust nun die Kamera durch eine dreidimensionale, knallbunte und glänzend durchgestylte Klatschmohnwiese, die alte Aquarelloptik ist ebenso passé wie das leise Ruckeln der handgezeichneten Charaktere. Auf der Strecke aber bleibt jeder Charme. Maja in 3D wirkt selbst dann noch steril, wenn eine kreißende Schmeißfliege ihre Eier in eine stinkende Mistkäferkugel legt.

Denn hinter den optisch so hübsch gerundeten Oberflächen verbergen sich reichlich flache Charaktere. Aus Maja und Willy ist ein gefälliges Gute-Laune-Duo geworden, selbst die Spinne ist nicht mehr so furchterregend wie einst – fehlte nur noch, dass Prinzessin Lillifee auf einen Gastauftritt vorbeikommt.

В данном фельетоне речь идет о новой героине детского мультфильма «Пчелка Майя». Интригующим является сам заголовок статьи «Vom Moppel zum Magermodel», где подчеркивается превращение героини из толстушки в девушку модельной внешности (причем слово «Moppel» имеет стилистическую помету «шутл.»). Сама пчелка Майя описана как самая настоящая девочка: «Murphys Maja glich eigentlich keiner Biene, sondern eher einem pummeligen Mädchen im Streifendress. Aus ihren gelben Strubbelhaaren wuchsen zwar zwei Fühler, doch statt sechs Beinen hatte sie nur zwei, dazu ein rundes Gesicht mit Stupsnase, einen breiten Lachmund und Kulleraugen, aus denen beim Anblick des Mondes schon mal eine Träne rollen konnte», «...Maja ist zum stromlinienförmigen Magermodel mutiert,...».

Последнее высказывание включает в себе определенного рода комическую гиперболизацию. Заметно построил и ее друг Вилли, вместе с которым они создают «eingefälliges Gute-Laune-Duo» (комический «неологизм»). С определенной иронией использованы следующие предложения: «Vor gar nicht allzu langer Zeit, in der Fernsehzeitrechnung aber vor Ewigkeiten, entwarf ein amerikanischer Comiczeichner eine Biene», «Maja in 3D wirkt selbst dann noch steril, wenn eine kreißende Schmeißfliege ihre Eier in eine stinkende Mistkäferkugel legt». В первом предложении иронически подчеркивается, что пчелка Майя была создана

давно, во втором – в новом воплощении она выглядит более «стерильно», чем навозная муха. Автор как бы ставит ее на ранг выше. Есть слова с разговорной окраской: «sausen», «knallbunt»; встречаются также фразеологизмы: «im Grab umdrehen» и др.

Таким образом, фельетон в силу своей функциональной наполняемости является своеобразным публицистическим жанром. Комически трансформированные устойчивые образные метафоры, фразеологизмы, литературные цитаты, афоризмы, комические «неологизмы», приемы иронической «эвфемизации» являются неотъемлемыми элементами фельетона как одного из речевых жанров газетно-публицистического стиля, что было наглядно продемонстрировано на материале немецкой прессы.

Литература:

1. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс. – М.: Прогресс-Традиция; Инфра-М, 2004.
2. Журбина Е. И. Искусство фельетона. – М., 1965.

Надточенко Б. Я., Институт Дальнего Востока РАН ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК (НИХОНГО)

Государственный язык Японии, кроме этнических японцев им пользуются Айну, жители архипелага Рюкю и постоянно проживающие в Японии корейцы и китайцы, также представители японской диаспоры в Калифорнии, на Гавайях, г. Сан-Паулу (Бразилия) и Перу.

Японский язык преподавался в странах Японской империи, в оккупированных странах и марионеточном государстве Маньчжоу-го. В настоящее время в мире японским языком пользуются около 140 млн. человек, 9-е место.

В 70-е годы 19 века в Японии было введено всеобщее обязательное образование, поэтому все пользуются стандартным языком, диалекты существенной роли не играют. В начале 20 века из китайских компонентов была создана современная политическая лексика, которая органически вписалась в китайский, корейский и вьетнамский языки.

По морфологическому типу японский язык агглютинативный, генетическая связь с другими языками не ясна.

Японский язык наряду с фарси является одним из самых благозвучных языков Азии, а использование в одном тексте трех видов письма придает особую зрительную эстетику. В настоящее время преобладает горизонтальное письмо слева направо, но возможно и вертикальное справа налево.

Первоначально в японском языке использовались почти все китайские иероглифы, было также создано около 100 чисто японских иероглифов, обозначающих эндемические растения. В результате реформы 1946 г. было осуществлено упрощение написания некоторых иероглифов, а их количество сократилось до обязательного минимума 1850. Однако в научных изданиях для обозначения терминов могут использоваться любые иероглифы.

Японский язык является сложным для изучения даже для самих японцев, половина времени школьного образования (всего 12 лет) тратится на изучение

родного языка. В России для изучения английского языка требуется 500 часов, для японского 1500.

Особую сложность представляет большое количество форм вежливости, выражаемых грамматическими и лексическими методами. Однако с каждым годом нарастают процессы демократизации и общения, и языка.

Несмотря на своеобразие, японский язык один из самых открытых для мирового сообщества и активно впитывает понятия из любых языков, как научные термины, так и бытовую лексику.

Зачем же люди учат японский язык? У каждого свои причины. Многие восхищаются самобытной японской культурой, но главным является экономический фактор. Япония - одна из самых процветающих стран, японцы на протяжении последних десятилетий демонстрируют всему миру революционные достижения в области науки и технологий. В 80-е годы в СССР появилось большое количество специалистов, владеющих японским языком в пределах своей специальности и выполняющих достаточно качественные технические переводы.

Последнее время Япония проявляет большую политическую активность, борется за место постоянного члена Совбеза ООН, участвует в международных и региональных организациях, миротворческих силах.

Экономическое возрождение после спада привлекает все большее количество людей во всем мире к изучению японского языка. Россия не является исключением.

Знание языка позволяет не только повышать свой профессиональный уровень, но и возможности трудоустройства и заработка.

**Новикова Т.Л.,
Университет штата Небраска, США**

**НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ РАБОТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО ПРИ ОБУЧЕНИИ
ГРАММАТИКИ В АМЕРИКАНСКОЙ АУДИТОРИИ**

При изучении иностранных языков эффективной оказывается практика сопоставления, а иногда и противопоставления типологических характеристик родного и изучаемого языка. В своём анализе смысловых полей английского и русского языков А.Б. Костромин отмечает, что такой подход «поможет преодолению трудностей освоения иностранного языка, поскольку новые смысловые связи будут формироваться не стихийно, а целенаправленно» (Костромин 176-7). Другие исследователи справедливо указывают на возникающие трудности в изучении иностранных языков, вызванные именно «давящим влиянием родного языка» (Арутюнян и Лебедева 32). Тем не менее, опыт преподавания в американской аудитории показывает, что овладению русским языком способствует понимание студентами системных различий изучаемого и родного языка. Предметом нашего исследования стала практика преподавания русских глагольных форм, в процессе которой русское глагольное словоизменение вводилось в сравнении с английским языком. Нам представляется, что такая методика является особенно продуктивной на начальном уровне изучения языка.

Как известно, на этом этапе у учащихся закладывается основа для дальнейшего овладения языком, поэтому особенно важно сформировать необходимую компетентность в достигнутых знаниях и навыках. В этот период обучения учащимся вводится определённый грамматический минимум, который содержит наиболее типичные и широко употребляемые грамматические формы. Как одна из наиболее функциональных частей речи, глагол в русском языке является конструктивным элементом грамматической организации русского предложения, практически формулируя законченную идею. Однако, как известно, русский глагол это и часть речи со множеством различных форм и широкой системой категорий с различающимися параметрами. Неудивительно поэтому, что многие американские студенты допускают частые ошибки в спряжении русских глаголов, особенно тех, где происходит чередование согласных и гласных в разных глагольных формах настоящего и будущего времени, поскольку подобное явление не наблюдается в глагольной системе английского языка. Существенные различия, свойственные системе формообразования в русском и английском языках, приводят к многочисленным ошибкам в употреблении русских глагольных форм американскими студентами.

С целью лучшего понимания глаголов и устранения подобных ошибок, американским студентам был предложен не просто эмпирический материал для усвоения, а системный сравнительный подход к русским и английским глаголам, создающий возможность успешно изучать и структурировать новые глаголы и быстрее переходить к их эффективному использованию. Опыт работы по этой методике показал, что такой сопоставительный подход к изучению грамматики может превратить процесс усвоения трудных глаголов не только в необходимость, но и в познавательное явление, а проведённая оценка знаний студентов подтвердила, что осознание типологии глагола оказалось весьма эффективной для учащихся первого года обучения.

Прежде всего, мы обратили внимание студентов на синтетизм русского языка, который задаёт построение глагольных форм путём наращивания вокруг корня приставок, суффиксов и окончаний. Исходя из этой особенности русской грамматики (не свойственной английскому языку), студентам было предложено начать сравнительный анализ глагольных систем обоих языков. В результате сопоставительного анализа всем классом были выявлены важные расхождения глагольных систем и специфические черты русского глагола. Это прежде всего тот факт, что если в английском языке неправильные формы глагола наблюдаются в прошедшем времени, то в русском языке глаголам свойственны неправильные формы (чередование звуков) в настоящем времени и в будущем времени глаголов совершенного вида. Студентами было отмечено, что в английском языке все глагольные формы настоящего времени являются правильными глаголами, образуются по одной модели и имеют только одно окончание -s в третьем лице единственного числа. Исключения составляют модальные глаголы *can, may, must*, которые утрачивают это окончание. Из своего опыта изучения русского языка студентам уже было известно, что многие глаголы настоящего времени являются неправильными, образуя глагольные формы по разным схемам. Поэтому совпадения комплекса грамматических форм, характеризующих отдельные категории глагольных единиц в русском и

английском языках, не наблюдается. Далее, в системе глагольных форм в английском языке вспомогательные глаголы маркируют перфектные времена, сложные формы прошедшего и будущего времени, а также страдательный залог. Кроме обозначения времени и залога, важной функцией английского вспомогательного глагола является обозначение лица и числа. В русском языке вспомогательный глагол не употребляется в настоящем и прошедшем времени, и только сложное будущее время выражается с помощью вспомогательного глагола «быть». Интересно, что студенты также отметили, что в русском языке вспомогательный глагол в будущем времени выражает лицо и число субъекта, но не выражает род, а глаголы прошедшего и настоящего времени выражают и лицо, и число, и род, но не используют вспомогательных глаголов. Наконец, студенты обратили внимание на важное место, которое в системе русского глагола занимает ударение. Были приведены примеры как подвижного, так и неподвижного ударения, явления, полностью отсутствующего в английском языке.

Проанализировав выявленные расхождения системы глагола обоих языков, всем классом мы составили удобную схему русского глагольного словоизменения, которую мы далее успешно применяли на начальном этапе изучения языка. Разработанная схема включает основные, наиболее иллюстративные признаки, отражающие типичные явления русской грамматики. В основе такой схемы лежит принцип продуктивности явлений русского глагольного словообразования, а также ряд характеристик глагольного словоизменения русского и английского языков. Среди последних мы учитывали: 1) аналогии и несоответствия в методах выражения категорий лица, числа, рода, времени и залога глагола в русском и английском языках; 2) наличие в русском глаголе категории вида, что влечёт за собой образование моделей глагольных форм от одной или двух основ; 3) функциональную возможность русской глагольной основы изменять окончания, а также терять суффиксы при образовании глагольных форм настоящего и будущего времени.

Исходя из этой системы, была составлена классификация всех глаголов, входящих в активный словарь начального этапа обучения русскому языку. Глаголы первого уровня определяются образованием глагольных форм без чередования и с чередованием согласных в конце основы или гласных и согласных в корне глагола. Глаголы второго уровня отличаются совокупностью чередования в личных формах, они включают глаголы с чередованием только в первом лице единственного числа и с чередованием во всех личных формах. Отдельно были выявлены неправильные глаголы, где отмечается чередование согласных и гласных. Таким образом, данная схема учитывает основные трудности, которые испытывают студенты при освоении формообразования русского глагола. Созданная в помощь учащимся, она позволяет быстро найти место каждого нового глагола в полученной классификации, соотнести его с уже изученными глаголами и сразу начать правильное употребление в устной и письменной речи. Как отмечалось выше, эта схема может успешно применяться в американской аудитории благодаря тому, что в ней учитываются особенности родного языка учащихся – английского – которому не свойственны явления чередования. Усвоение именно этого явления вызывает затруднения при

овладении русским глаголом, особенно на начальном этапе обучения, когда студенты впервые сталкиваются с чередованием гласных и согласных в русских глагольных формах и часто не способны разобраться в многосторонности этого явления; практика показала, что такая схема может служить не только эффективным обучающим средством для усвоения и закрепления грамматических знаний, но и обеспечить совершенствование знаний, навыков и умений учащихся. Нам представляется, что подобный сопоставительный подход языков может успешно применяться при обучении русскому языку разных категорий учащихся, но особенно носителей тех языков, в которых отсутствует явление чередования в глагольных формах.

Литература

Арутюнян В.С., Лебедева А.А. Способы повышения усваивания студентами театральная фразеологии английского языка//Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в ВУЗЕ.-М., РУДН, 2009.

Костромин А.Б. Принцип построения семантических полей в русском и английском языках в связи с методикой преподавания/ Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в ВУЗЕ.-М., РУДН, 2009.

Рязанцева О.Ю., МГТУ им Н.Э.Баумана
ОСОБЕННОСТИ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ВИРТУАЛЬНОГО ИНЖЕНЕРНОГО ДИСКУРСА
И ТЕХНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
В ОБЛАСТИ МАШИНОСТРОЕНИЯ

Инженерный дискурс – мало изученная область в современной науке о языке. Широкое распространение интернет ресурсов в качестве канала связи с потребителями технической продукции, как способа распространения информации, в том числе инженерного и научного знания, дает основание для серьезного изучения влияния особенностей виртуальной реальности на современный инженерный дискурс. Вместе с тем, появление ярких и ценных работ [1], в которых предлагается теоретическое обоснование и практическое подтверждение использования определённых языковых средств (социолингвистические характеристики общения, а именно доминанта коллективности, ориентированность на социокультурные традиции восприятия, высокая частотность употребления эмоционально-риторические компоненты , нацеленность на адресат и др.) в виртуальной среде задаёт необходимый вектор исследования.

Известное определение дискурса как речи, погружённой в жизнь [2] в полной мере можно отнести и к области современного виртуального инженерного дискурса. Из многообразия интернет ресурсов для анализа инженерного машиностроительного дискурса по специализации «Краны и строительная техника» были выбраны производственные сайты компаний по строительству кранов GGR(Великобритания) [3] и американской компании Thackray crane rentals [4].

Сходство и различие содержания и структуры сайтов.

Сходство компонентов меню – частичное – совпадают ряд разделов “home”, “about us”, “FAQ” (на сайте Thackray этот раздел называется “resources”), “contact us”, примеры описания образцов техники, статьи о работе данных компаний. Между тем, английская компания GGR в меню размещает блог, что позволяет информировать потенциальных клиентов о результатах работы компании.

Компания GGR позиционирует себя как Family, подкрепляя историю своего создания (семейный бизнес) видеорядом групповых корпоративных фотографий. The Thackray подчёркивает командный характер компании (The Thackray team), размещая отдельные фотографии специалистов - членов команды компании. В обоих случаях содержится акцент на доверительные межличностные отношения в компании.

Лексико-синтаксические особенности выражения семантических слоёв в современном инженерном дискурсе

“Can you believe that summer is over and it’s back to school time already?”[5] – с вопросительно-риторического вопроса начинается статья “Grade a lifting from GGR ready for a new school term”. Она обращает внимание читателей на то, какие образцы техники использовались в ограниченном пространстве школ и университетов Англии, и в подтексте слово “school” напоминает о возможности прохождения тренинга по управлению кранами в компании.

“Lifting wizardry from GGR” [6] – статья, в которой оборудование компании упоминается в контексте популярного фильма о Гарри Поттере. (“GGR has created mini crane magic at some of the filming locations made famous by the Harry Potter films” –начало статьи). Это не только усиливает рекламный характер сотрудничества со съёмочной группой фильма, но и подчёркивает близость к широкой аудитории читателей и зрителей, т.е. потенциальных клиентов компании. Употребление названия компании, слов crane, lifting machine в сочетании с wizardry, magic, witchcraft в контексте фильма о волшебстве с одной стороны расширяет круг возможных клиентов компании (зрители экранной сказки не только дети), снимая барьер между высоко технологичным знанием, доступном специалистам и профанностью обычного человека, который, возможно, не равнодушен к волшебным сказкам и которому необходимо оборудование компании. С другой стороны, семантическое поле слов magic/witchcraft расширяется (“No witchcraft was required, just a **well chosen** lifting machine!”) в восклицательно-утвердительно предложение до значения well chosen, меняя модальность [7] по ментальному и эмотивному планам и придавая восклицательно-утвердительно предложению характер перформатива [8]. И волшебство (witchcraft) для современного читателя, зрителя и клиента компании становится оценкой его поступка - правильным выбором практически идеальной подъёмной машины.

Техническое описание возможностей крана в сочетании эмоционально окрашенной лексики и синтаксиса позволяет показать доступность сложной техники высокого качества для всех, кто захочет её использовать, создавая тем самым новую модальность: привлекательную реальность для обычных людей, которые покупая новую совершенную технику становятся причастными к этому совершенству. Более того, покупателям услуг и техники обещают полную

ориентированность на потребности заказчика, т.е. по сути, можно говорить о персонализации оборудования и услуг.

“Need a crane lift?” Обращается на главной странице компания Thackray, предлагая своим клиентам “a personalized commitment to you” и подчёркивая индивидуальный подход лексически (прилагательное *personalized* и личное местоимение *you*).

В разделе “FAQ” используются вопросительно-риторические предложения от первого лица (местоимение 1 лица –I и смысловой глагол *need*), что является одним из стилистических средств эмоционально окрашенной речи. (“Do I need a crane?”); вопросительно- побудительные предложения (“What type of crane do I need? What crane lift information do you need from me?”) превращают фразу в перформативный акт, требующий выполнения.

В качестве ответа на вопросительно- риторическое предложение “Do I need a crane?” не предполагающего отрицательного ответа предлагается характеристика мобильного гидравлического крана (восклицательное предложение- *sic!*). “Modern mobile hydraulic cranes are capable of safely lifting loads weighing hundreds of tons to heights exceeding 500 feet or about 40 or more stories! [9]” Эмоционально окрашенный синтаксис в сочетании с технической лексикой (характеристика предлагаемой компанией продукции) создаёт модальность персонализации в виде виртуальной и, вместе с тем, некоей “идеальной” реальности, отвечающей индивидуальным или корпоративным нуждам заказчикам. Необходимо подчеркнуть, что эта виртуальная, идеальная реальность далека от утопичности.

Для разъяснения созданной компаниями реальности читателям сайта, потенциальным клиентам предлагается *glossary* с подробным описанием видов техники и отдельных деталей [10].

Вопросы, которые предлагает GGRgroup в разделе “FAQ” лишены эмоциональной окрашенности, но при этом они построены как личные вопросы, обращенные читателем, пользователем сайта, потенциальным заказчиком к самому себе. Это вопросительные предложения (но с личным и притяжательным местоимениями первого лица “I”) “How do I get **my** equipment? How do I pay?” Они также содержат перформатив, подчёркивая неизбежность совершения заявленного действия (*get, pay*). Возможная утопичность потребностей заказчика становится возможностью их выполнения благодаря техническому совершенству продукции и квалификации инженеров.

На главной странице, GGR подчёркивает своё профессиональное превосходство. Лексико-семантическое поля чувств (*pride ourselves*), степеней превосходства качества (*better equipped, unrivalled range; truly; first-rate*), лексико-семантическое поле описания услуг (*on helping customers; products, services; one-stop-shop*) накладываются на лексико-семантическое поле корпуса технической лексики (“From vacuum lifters and glazing robots, to restricted access lifting equipment, mini crawler cranes, spider cranes, pick and carry cranes and even crane operator hire”), которое, в свою очередь, переплетается с полем личных местоимений (*for all your lifting needs*).

Таким образом, необходимо отметить, что персонализация инженерного дискурса и технической коммуникации – отличительная особенность современного виртуального инженерного дискурса. Ориентированность

современного инженерного бизнеса на нужды заказчика отражается на лингвистических особенностях контента сайта компании, оказывает влияние на выбор лексико-грамматических и семантических средств. Сочетание технической лексики, терминов с эмоционально-окрашенным синтаксисом, использование личных местоимений, перформатива, наложения различных семантических полей для изменения модальности высказывания, для его субъективизации – основные черты персонализации инженерного виртуального дискурса.

Литература:

- [1] Атабекова А.А. (2004) Сопоставительный анализ функционирования языка на англо- и русскоязычных Web- страницах. Автореферат на соискание учёной степени доктора филологических наук. Введение. С. 14
- [2] Арутюнова Н.Д.(1990) Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М. : Сов. Энциклопедия. – С. 136 – 137.
- [3] <http://thackraycrane.com> – сайт компании// дата обращения 10.01.2016
- [4] <http://www.ggrgroup.com> – Сайт компании // дата обращения 29.12.2016
- [5] www.ggrgroup.com/news/grade-lifting-ggr-ready-new-school-term/
- [6] www.ggrgroup.com/news/lifting-wizardry-from-ggr-at-harry-potter-lifting-locations/
- [7] Копытов О.Н.(2011) О фундаментальных категориях текста // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета №3(15). С.152.
- [8] Арутюнова Н.Д. Перформатив.//Лингвистический энциклопедический словарь / Электронный ресурс – URL: tapemark.narod.ru/les/372c.html- дата обращения 23.12.2014)
- [9] <http://thackraycrane.com/faqs/>
- [10] Glossary: <http://thackraycrane.com/resources/crane-glossary/>; <http://www.tilgroup.com/glossary>; <http://www.mhi.org/glossary>

**Семенкова Л.А., Фёдорова Н.Г.
ИСАА МГУ, РУДН**

ОБЗОРНОЕ ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА СУАХИЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «MZALENDO» («МЗАЛЕНДО»)

Суахилийский текст, текстовая информация – это не только языковое, но и социальное явление, средство социальной коммуникации. Поскольку газетные тексты образуют особую разновидность, то им присущи определённые дифференциальные признаки, например, официальность изложения, безличные высказывания, особого рода заголовки, текстовые штампы.

В танзанийской газете «Мзалендо» («Патриот») 28 страниц. По количеству страниц эта газета приближается к журналу. Она является одной из самых популярных газет в Танзании. Последняя страница посвящена спорту, который является востребованной темой не только среди спортсменов, но и среди большинства населения. В этой газете чётко озаглавлена каждая страница или разворот в ней. Далее следует название каждой статьи или другого газетного материала, краткого сообщения. Возьмём для примера один экземпляр этой газеты, учитывая то, что большинство рубрик её повторяется из номера в номер. Мы берём для анализа тексты на первых четырех страницах. Все статьи на первой странице представляют собой продолжение на последующих страницах.

У них яркие заголовки и разнообразные шрифты. Здесь имеется сообщение о зверском убийстве альбиноса и его семьи, которое произошло в г. Мванзе. На второй и третьей страницах - заголовок «Nabagi» («Новости»). Полностью продолжается изложение событий, опубликованных лишь кратко на первой странице. Большая статья содержит подробное изложение об экзаменах, прошедших в средней школе. Один из родителей экзаменуемого не доволен результатами экзамена своего сына. По его просьбе экзамен был проведён второй раз и экзаменующийся успешно сдал его. По его примеру другой учащийся также получил переэкзаменовку по ряду предметов, и он также сдал два экзамена на «Хорошо». Отсюда автор делает вывод: надо бороться за успешную сдачу экзамена.

Важные события помещены 1-2 страницах. Они касаются количества членов в парламенте. Член парламента Дж. Мхагама выступает против государственного министра в офисе президента, который предлагает 12 членов парламента в поддержку депутата. Он считает, что двух человек вполне достаточно. Претендент должен иметь среднее образование «6 лет» и удостоверение о среднем образовании. Мхагама предлагает также осуществлять финансовый контроль за состоянием дел в офисе президента. Для этого должна быть создана специальная комиссия. Здесь же опубликовано сообщение о смерти и похоронах Шейха С. Горогоси, который погиб в автомобильной катастрофе в округе Линди.

Третья страница занята тремя статьями. Первая статья (Автор - президент Киквете) посвящена проблеме нехватки продовольствия во многих округах страны. Президент призывает население как можно скорее определить цену и качество пищи и обращается к главам округов, где испытывается недостаток продовольствия, как можно скорее решить эту проблему. Он посоветовал доставлять продовольствие из округов, где нет недостатка этого важного продукта туда, где есть такая потребность. Вторая статья посвящена проблеме зарплаты членам парламента, которые получают достаточно высокую зарплату по сравнению с той зарплатой, которую получают служащие. Это может привести к сокращению занятости служащих в регионах. Последняя статья на этой странице (автор её Н. Нгота) рассказывает о том, как полицейский с трудом убежал от женщины, которая преследовала его с тем чтобы ограбить.

На этой странице имеются фотографии, регламентирующие проверку на СПИД и объявление войны с этим опасным заболеванием. Активное участие в этом мероприятии принимает супруга президента Сальма Киквете, которую мы видим на каждой из трёх фотографий.

Четвёртая страница озаглавлена «Uchambuzi» («Критический обзор»). Целая колонка занята весьма важным материалом «Maoni yetu» («Наше мнение»). Данная статья посвящена вопросу парковки автомобилей, зачастую нарушению правил парковки служебных машин. Помощник комиссара полиции заявил, что подобного рода автомобили будут задержаны, а их водители – арестованы и наказаны.

Привлекает внимание материал о недостойном поведении бывшего президента Танзании во время его работы в этой стране. Автор статьи Х. Шимье отмечает: «Следует помнить, что президенты такие же люди, как и все мы». По

мнению автора, им не чужды подобные действия и нужно обращать внимание на то хорошее, что у них есть.

Треть 4-ой страницы занимает карикатура, призывающая правительство разрешить населению ездить на мотоцикле, имеющем две или три покрышки для перевозки пассажиров, которые занимаются торговлей. Ему возражает один из тех, кто занимается их продажей, заявляя о том, что это противозаконно.

Нами были изложены результаты описания суахилийского газетного материала, которые свидетельствуют о том, что в этом языке можно выделить определённые стилистические черты, которые проявляются на публицистическом уровне.

Семина В.В., РЭУ им.Г.В. Плеханова

КОМПЬЮТЕРНОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ

В настоящее время в России, как и во всех развитых странах мира, идет активный переход к "информационному" обществу, отличительной чертой которого является широкое и повсеместное использование информационных технологий и компьютера в частности.

Массовое использование компьютеров постоянно расширяет объем и виды информационной деятельности. Важным условием этого является использование технических средств в обучении и компьютера. Одной из сфер применения компьютера в вузе является обучение иностранным языкам. При изучении английского языка могут применяться как прикладное программное обеспечение: текстовые редакторы, графические редакторы, системы управления базами данных, так и специальные программы, предназначенные для усвоения английского языка: мультимедийные обучающие программы, тесты, электронные учебники.

В.С. Аванесов определяет тестирование как метод диагностики, позволяющий с известной вероятностью определить актуальный уровень развития у индивида необходимых навыков, знаний, умений, его речевые и мыслительные способности [1].

Переход от традиционных форм контроля к компьютерному тестированию отвечает концепции модернизации и компьютеризации системы образования. По сравнению с традиционными формами контроля компьютерное тестирование имеет ряд преимуществ:

- быстрое получение результатов. Следует отметить, что это является одной из ключевых преимуществ компьютерного тестирования. Задача тестируемого – просто нажимать клавишу, которая соответствует выбранному ответу. Полученные данные автоматически подсчитываются, обрабатываются, оцениваются, анализируются и интерпретируются. В итоге компьютер выдает готовый результат, который часто сопровождается всевозможными диаграммами, графиками и другими наглядными изображениями. На всю процедуру, включая обработку и интерпретацию результатов, уходит значительно меньше времени, чем при обычном тестировании;

- объективность в оценке знаний. При наличии правильно работающей компьютерной программы данный вид контроля практически исключает возможность ошибки при обработке результатов тестирования;
- достоверность. Компьютерное тестирование позволяет получить достоверную информацию о владении обучающимися определенными знаниями, умениями и навыками;
- дает возможность преподавателю сопоставить полученные данные с поставленными задачами на данном этапе обучения и провести при необходимости коррекцию процесса усвоения новых знаний;
- компьютерное тестирование считается более интересной формой контроля знаний по сравнению с традиционными формами, что влияет на повышение познавательной активности студентов и создает у них положительную мотивацию. Кроме того, компьютерное тестирование представляется обучающимся более фундаментальным видом контроля знаний, к которому требуется более основательная подготовка. Следует отметить, что при выполнении компьютерного тестирования у студентов не возникает мнения о том, что задания составлены их преподавателями, что иногда вызывает негативное отношение в связи с тем, что преподаватели намеренно составили слишком сложные задания. В данном виде тестирования задания ассоциируются исключительно с компьютером, что также способствует созданию атмосферы соревновательного духа: кто победит? Компьютер или я? [2]

Прежде чем начать работу с компьютерными тестами, необходимо сформировать содержание тестовых заданий, распределить их по типам и уровню сложности и создать программное содержание теста. Необходимо учитывать возможности программной оболочки. В качестве тестовой оболочки можно использовать компьютерную программу «АСТ-ТЕСТ». Она позволяет создавать банки тестовых заданий, организовывать и проводить сеансы тестирования, формировать результаты тестирования в удобной форме, осуществлять технологическое сопровождение процедуры тестирования.

«АСТ-ТЕСТ», безусловно, дает ряд вышеперечисленных преимуществ, но существуют и определенные недостатки: так в заданиях открытого типа (закончить высказывание, заполнить пропуски и т.д.), например, нельзя чтобы ответы включали в себя больше двух слов (предлоги и артикли тоже считаются). Это исключает возможность использования заданий такого типа, как «Исправьте ошибки в предложениях, если это необходимо», «Перевод» и т.д. Кроме того, существуют определенные требования к содержательной части компьютерного тестового задания. Основным условием является то, что формулировка тестового задания должна быть в повествовательной форме (то есть не может быть вопросов) и недопустимо использование повелительного наклонения. В отличие от обычных тестов среднее время выполнения одного компьютерного тестового задания составляет 2-3 минуты, в то время как обычное тестовое задание студент способен выполнить в среднем за 1 минуту [4].

Психологи утверждают, что первичное тестирование знаний студентов, проводимое с использованием компьютеров, часто приводит к неожиданным результатам. Даже студенты, обладающие высоким уровнем сформированности знаний, умений и навыков, могут показать достаточно низкие результаты.

Однако, следует отметить, что при повторном тестировании, количество правильно выполненных заданий возрастает. Такая ситуация говорит о неготовности обучаемых к такому виду работы. Решением этой проблемы может стать регулярное использование компьютерного тестирования в вузе для контроля сформированности знаний, умения и навыков студентов.

Хотелось бы привести в качестве примера результаты эксперимента нидерландских ученых. В ходе эксперимента эксперты обнаружили следующую закономерность: экзамен с использованием компьютера (даже в стране, где почти у каждого школьника есть домашний компьютер) девочки сдают хуже, чем мальчики [3]. Следовательно, существует еще одна проблема – отношение к компьютеру в зависимости от пола. Следует отметить также, что отношение к компьютеру имеет еще одну специфическую черту. Если студент видит в компьютерном тестировании какие-либо познавательные или игровые моменты, то мотивация, и, следовательно, результат будет положительным. Но если тестирование затянется и станет слишком утомительным, то мотивация может резко измениться на отрицательную, и это вызовет быструю утомляемость тестируемых. Этот аспект также необходимо учитывать при использовании компьютерных тестов в качестве формы контроля знаний, умений и навыков студентов.

Кроме того, существует еще один вариант тестирования – это когда только обработка и подсчет результатов проводится с использованием компьютеров. Наглядным примером может служить Единый Государственный Экзамен (ЕГЭ), проводимый в нашей стране среди выпускников школ. Тестирования такого вида проводятся также и в других странах, и во время их проведения также возникают некоторые трудности. Так, по словам директора Федерального института педагогических измерений Андрея Ершова, российская делегация во время посещения Национального института педагогических измерений (СИТО) в Нидерландах обнаружила, что в помещении СИТО, где бланки национального экзамена обрабатываются с помощью компьютерной техники, стояла гладильная доска. Сотрудники СИТО объяснили, что во время экзамена многие обучаемые в связи со стрессовой ситуацией нервно складывают бланки тестирования. Поэтому сотрудникам, проводящим компьютерную обработку тестов, перед отправкой на сканер приходится разглаживать бланки, так как пока не удастся избавить участников тестирования от стрессов [3].

Но, несмотря на все это, достоинств у компьютерного тестирования все же больше. И можно сказать, что компьютерное тестирование как одна из форм контроля знаний, умений и навыков студентов, безусловно, будет развиваться и совершенствоваться в ближайшем будущем.

Литература:

1. Аванесов В.С. Теоретические основы разработки заданий в тестовой форме. – М.: МГТА, 1995. – 314 с
2. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности. М.: ПЕРСЭ, 2001. - 511 с.
3. Кириллова С. Всемирное тестирование // Первое сентября, 2005. - № 87.
4. Семина В.В. Методика формирования лексической компетенции студентов на основе системы тестовых заданий. диссертация ... кандидата

педагогических наук : 13.00.02 / Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова. Москва, 2013. – 191 с.

Серебрякова Е.В., ГСГУ

**ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ВЗРОСЛЫХ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ**

На первый взгляд, что общего имеет сказка с современной действительностью? Как она может помочь, например, взрослым людям, изучающим иностранный язык для работы или жизни в другой стране? Ответ на эти вопросы становится очевиден, если более детально проанализировать жанр сказки. Попробуем рассмотреть текст сказки с культурологической, лингвистической и дидактической стороны.

Большая советская энциклопедия определяет сказку как «один из основных жанров устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел. Сказками называют различные виды устной прозы, отсюда разноречивость в определении её жанровых особенностей. От других видов художественной эпики сказка отличается тем, что сказочник подаёт её, а слушатели воспринимают прежде всего как поэтический вымысел, игру фантазии. Это, однако, не лишает сказку связи с действительностью, определяющей идейное содержание, язык, характер сюжетов, мотивов, образов» [БСЭ].

Сказки делают возможным понимание души и менталитета другого народа, помогают увидеть общность и различие культур, и тем самым облегчить адаптацию в стране изучаемого языка. Сказки – это часть культурного наследия страны, они сопровождают человека с детства и продолжают напоминать о себе в повседневной жизни в форме устойчивых выражений, намеках в рекламе или политических комментариях. Поэты и писатели черпают вдохновение в сказках, создавая свои произведения (например, «Камбала» Гюнтера Грасса или «Фауст» Иоганна Вольфганга Гёте). И в новом тысячелетии сказка не сдаёт своих позиций, а даже, как замечает Лутц Рёрих переживает «невероятное возрождение» («unvorstellbaren Renaissance»). [Röhrich 2003: 5] Эти процессы оставили свой отпечаток на преподавание немецкого языка как иностранного.

Так, анализируя немецкие сказки, читатель получает представление о немецком национальном характере. Немцы аккуратны, точны, последовательны, что находит отражение, например, в описании ведьмы, которая живет в красивом, опрятном домике из печенья и белоснежного сахара: «...es war aber ein kleines Gärtchen an dem verwünschten Häuschen, darin standen zwölf Lilien Blumen» (Brüder Grimm “Die zwölf Brüder”). У нее в домике чисто и уютно, все вещи имеют свое место: «Hernach wurden zwei schöne Bettlein weiß gedeckt, und Hänsel und Gretel legten sich hinein und meinten, sie wären im Himmel.» (Brüder Grimm “Hänsel und Gretel”). Герои сказок – крестьяне, солдаты, ремесленники, отличающиеся трудолюбием, смекалкой, точным расчетом, рациональностью и радующие за справедливость. И судьба всегда вознаграждает простую крестьянку, нелюбимую падчерицу или доброго пастушка за их честность и

трудолюбие. Все эти наблюдения позволяют преподавателю уже на первом этапе познакомить учащихся с другой культурой, сформировать представления о стране и народе изучаемого языка.

Сказка обладает мотивационным потенциалом. По содержанию сказка – это всегда фантастика, где невозможное становится возможным и воспринимается вполне естественно. При этом сказочный текст затрагивает такие реальные темы как голод, война, болезнь или поиск спутника жизни. При этом сказки хорошо знакомы учащимся с детства, со многими из них у слушателей связаны положительные воспоминания. Такие положительные впечатления можно использовать на занятии иностранного языка, т.к. усвоение учебного материала проходит успешнее, если он (материал) связан с изначально позитивными эмоциями. Сказки при своей простоте являются эстетическими явлениями, которые, прежде всего, обращены к чувствам читающего или слушающего.

Еще одним преимуществом сказочного текста является его формальная структура. Сюжет сказки развивается в одном направлении и состоит из нескольких эпизодов. Большинство сказок при этом построены по принципу триады, т.е. ситуация повторяется три раза, причем иногда слово в слово. Это обстоятельство служит положительным фактором для усвоения учащимися языкового материала.

Следует обратить внимание на композицию сказочного текста. Традиционная волшебная сказка, как указывает В.Я. Пропп, состоит из трех, следующих последовательно одна за другой частей. Начнем с того, что инициальная (начальная) формула сказки, как правило, имеет довольно распространенные и устойчивые модели (формулы), указывающие на время, на место действия, дающие точку отсчета. Наиболее характерна для сказок инициальная формула, включающая факт существования героя в некоем определенном месте: «es war ein armer Bauersmann, der saß abends beim Herd und schürte das Feuer, und die Frau saß und span...», «es war einmal eine alte Geiß, die hatte sieben junge Geißlein und hatte sie lieb, wie eine Mutter ihre Kinder lieb hat...», «es waren einmal zwei Brüder, die dienten beide als Soldaten, und war der eine reich, der andere arm...», и т. д. Благодаря этим формулам, мы узнаем, кто является главным героем, иногда можем определить место и время, но это не всегда удается. Сказочное повествование представляет собой последовательность ситуаций, каждая из которых воспринимается как происходящая в данный момент. Вторая часть в сказках - перемещение героя. В этой части можно отследить действия главного героя с помощью функций действующих лиц. Начнем с функции, которая характерна почти для всех сказок разных народов – герой покидает дом. В сказке «Der Wolf und die sieben jungen Geißlein» свой дом покидает коза «Eines Tages wollte sie in den Wald gehen und Futter holen... Da meckerte die Alte und machte sich getrost auf den Weg», в сказке «Daumesdick» мальчик-с-пальчик покидает дом после того как услышал, что два мужика предлагают за него деньги «... als er von dem Handel gehört, war an den Rockfalten seines Vaters hinaufgekrochen, stellte sich ihm auf die Schulter und wisperte ihm ins Ohr: «Vater, gib mir nur hin, ich will schon wieder zukommen!» Da gab ihn der Vater für ein schönes Stück Geld den beiden Männern hin...» и т. д. Следующая функция - к герою обращаются с запретом. В сказке «Der Wolf und die sieben jungen Geißlein» со своим запретом обращается

коза к своим козлятам, она просит, чтобы козлята не отворяли дверь волку «Liebe Kinder, ich will hinaus in den Wald, seid auf eurer Hut vor dem Wolf, wenn er hereinkommt, so frißt er euch all emit Haut und Haaren. Der Bösewicht verstellt sich oft, aber an seiner rauchen Stimme und an seinen schwarzen Füßen werdet ihr ihn gleich erkennen.» В сказке «Die weiße Schlange» никто не должен знать, что ест король каждый день в полдник «und der Diener wußte selbst nicht, was darin lag, und kein Mensch wußte es, denn der König deckte sie nicht eher auf und aß nicht davon, bis er ganz allein war.» В сказке «Die zwölf Brüder» отец запретил всем рассказывать его дочери о том, что у нее есть еще 12 братьев «... dann gab er der Königin den Schlüssel und gebot ihr, niemand etwas davon zu sagen.» и т. д. Но несмотря на это, во всех сказках запреты были нарушены. Козлята выпускают волка «... dann machten sie die Türe auf...», любопытный попробовал змею «...bei ihrem Anblick konnte er die Lust nicht zurückzahlen, sie zu kosten...», королева рассказала своей дочери о ее 12 братьях «Liebes Kind, die gehören deinen 12 Brüdern» и т.д. [Пропп 1986: 118-125]. Такая устойчивая структура сказки помогает учащемуся легче воспринять иноязычный текст, понять основные действия и характеры героев.

В каждой сказке главные герои могут быть как счастливы, например, в сказке «Daumesdick» мальчик-с-пальчик возвращается домой к своим родителям и они шьют ему новую одежду «... Sie gaben ihm zu essen und trinken und ließen ihm neue Kleider machen, den die seinigen waren ihm auf der Reise verdorben.», «Sneewitchen» - «... und ihre Hochzeit ward mit großer Pracht und Herrlichkeit angeordnet...»так и нет. Например, сказка «Von dem Tode des Hühnchens» заканчивается трагически, все герои данной сказки.

Языковая форма сказки является на первый взгляд достаточно сложной для начального этапа обучения, что связано с использованием временной формы претерита и многочисленными архаизмами и историзмами, присущими этому типу текстов. Глобальное понимание сказки, однако, возможно даже для начинающих благодаря простому языку текста, например, короткие характеристики героев, вещей, не очень распространенные описания сюжета. Важными характеристиками стиля сказки является паратактические структуры предложения, наличие устойчивых словосочетаний, переходящих из одной сказки в другую, использование прямой речи и рифмы. Большое количество диалогов облегчают понимание, делая текст более живым. Вышеназванные сложности можно снять грамотной подготовительной работой на предтекстовом этапе.

Итак, в последние десятилетия становится очевидным повышение интереса к сказке как эффективному средству обучения иностранным языкам не только в школе, но и при работе со взрослой аудиторией. Сказка обладает огромным дидактическим потенциалом для развития всех видов речевой деятельности.

Литература:

1. Большая Советская Энциклопедия (БСЭ) [Электронный ресурс] URL:<http://bse.slovaronline.com/%D0%A1/%D0%A1%D0%9A/41270-SKAZKA> (дата обращения: 19.09.2015)
2. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки [Текст] /В.Я. Пропп – Л, 1986. – 361 с.

3. Röhrich, Lutz: Schneewittchen. Ein Beitrag zur volkskundlichen und literaturwissenschaftlichen Erzählforschung. IN: KURT, Franz (H.g): Märchenwelten. Das Volksmärchen aus der Sicht verschiedener Fachdisziplinen. (=Schriftenreihe Ringvorlesungen der Märchenstiftung Walter Kahn. Hrsg. v. FRANZ, Kurt. Band 1). Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren 2003. S. 5 - 32.
4. <http://gutenberg.spiegel.de>

Соболев С.А., МГУ

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ И МЕТОДАХ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

По сложившейся традиции при преподавании языка профессии достаточно большое внимание уделяется изучению и особенностям перевода терминологических единиц, поэтому работа в основном ведется со специальными текстами различного уровня сложности языкового и композиционного оформления. Однако в настоящее время этого навыка недостаточно, так как будущие специалисты должны уметь не только понимать специальную литературу, но и вести беседу на профессиональные темы. В этой связи все большую значимость и актуальность приобретает профессиональная коммуникация. Перед преподавателями возникает вопрос, как наиболее эффективно, затратив небольшое количество времени, развить соответствующие навыки. В данной статье кратко описываются некоторые методы обучения коммуникации в профессиональной деятельности.

Представляется целесообразным вводить элементы профессиональной коммуникации уже на начальном этапе обучения. Так, например, при изучении способов представления себя и своих коллег можно разобрать лексические единицы, обозначающие профессии, место работы, а также круг профессиональных обязанностей. Ср. следующие предложения (Sobolev 2016:24-26):

□ Ich komme von der Firma X. Müller ist mein Name. – Я являюсь представителем фирмы X. Мюллер моя фамилия (Меня зовут Мюллер).

□ Mein Name ist Müller, und ich bin in der Kanzlei für Kaufverträge verantwortlich. – Меня зовут Мюллер. В нашей адвокатской конторе (в нашем бюро) я отвечаю за договоры купли-продажи.

□ Ich bin zuständig für Zivilprozesse. (Ich arbeite in der Abteilung für Prozessführung.) – Я специализируюсь на гражданском процессе (на процессе по гражданским делам).

□ Ich möchte Sie mit unserem besten Juristen Paul Klein bekannt machen. – Я хотел бы познакомить Вас с нашим лучшим юристом с господином Паулем Кляйном.

После анализа подобных предложений изучается диалог-образец (Sobolev 2016:26), а также даются комментарии по особенностям перевода некоторых фраз.

Musterdialog

▫ Guten Tag! Darf ich mich vorstellen? Ich komme von der Kanzlei X. Müller ist mein Name.

▫ Karl Schmidt. Nett, Sie mal persönlich kennen zu lernen. Kommen Sie bitte (he)rein.

▫ Danke. Ich hatte ja bereits häufig mit Ihnen telefoniert.

- Ja genau. Setzen Sie sich doch bitte. Darf ich Ihnen etwas zu trinken anbieten?
- Ein stilles Mineralwasser, bitte.
- Wenn es Ihnen recht ist, würde ich Ihnen unsere Firma erst einmal kurz vorstellen. // Ich würde vorschlagen, dass wir gleich mit dem geschäftlichen Teil beginnen.

В приведенном выше диалоге особого внимания заслуживает фраза «Darf ich Ihnen etwas zu trinken anbieten?», которая при ее буквальном переводе «Могу ли я Вам предложить что-нибудь выпить?» может вызвать у носителя русского языка улыбку или недоумение, так как чаще всего предлагают выпить алкогольные напитки. Поэтому в профессиональной коммуникации этот глагол можно опустить и сразу назвать напитки: «Могу ли я Вам предложить что-нибудь (выпить) – чай, кофе, минеральная вода?» Подобные культурологические знания позволят избежать недопонимания и чувства неловкости в профессиональном общении.

В последней реплике есть два идиоматических выражения, которые не могут быть переведены на русский язык буквально. Для адекватного перевода следует использовать общепринятые в русской профессиональной коммуникации выражения. Ср.: 1) Wenn es Ihnen recht ist, ... - Если Вам подходит (= Если Вас устроит), то ...; 2) ..., dass wir gleich mit dem geschäftlichen Teil beginnen. - ..., чтобы мы сразу перешли к делу. Использование частотных в той или иной языковой среде клишированных выражений в данном случае весьма уместно, так как это ускоряет коммуникацию и не вызывает недопонимания.

Для выхода в активную профессиональную коммуникацию студентам предлагаются ситуации (Sobolev 2016:26), которые они должны разыграть без подготовки, продемонстрировав при этом владение изучаемыми лексическими единицами и их переводом.

Rollenspiele

1. A. Sie sind Frau Cool vom Unternehmen X. Sie stellen sich vor.

B. Eine Frau ist gekommen. Sie wollen sie kennenlernen.

2. A. Sie kennen Herrn Müller schon seit langem. Er ist ein bekannter Anwalt.

Sie wollen ihn Ihrem Kollegen vorstellen.

B. Ihr Kollege will Sie mit einem befreundeten Anwalt bekannt machen. Sie freuen sich darauf.

3. A. Sie stellen Herrn Schneider Ihre Kollegen vor.

B. Sie sind in einer Kanzlei. Dr. Klein zeigt Ihnen sein Büro und stellt seine Mitarbeiter vor.

Рассмотренный алгоритм работы позволяет достаточно быстро освоить азы профессиональной коммуникации в той или иной сфере деятельности. Более подробный перечень выражений, а также образцы диалогов можно найти в учебнике «Einführung in die deutsche Rechtssprache und die Berufskommunikation» (Sobolev 2016).

На продвинутом этапе обучения в центре внимания должны находиться наиболее частотные в данной профессиональной деятельности понятия. При этом следует изучать не только само понятие и его перевод, но и данное понятие в широком контексте, то есть особенности его сочетания с различными единицами языка.

Ср., например, Vertrag – договор. В данном случае необходимо проанализировать следующие содержательные пласты этого понятия (DER BROCKHAUS RECHT

2005:780-783): 1) Vertragsfreiheit – свобода выбора условий, сроков или содержания договора; 2) Die Gültigkeit von Verträgen – действительность договоров; 3) Verträge im Privatrecht und im öffentlichen Recht – договоры в частном и публичном праве; 4) Vertragsarten – виды договоров. Далее нужно изучить сочетаемость этого понятия с глагольными единицами, рассмотреть наиболее употребительные сложные слова (см. Sobolev 2016:91-93). После этого можно более предметно рассмотреть частотные в любом договоре выражения и их эквиваленты:

□ Die Parteien haben den vorliegenden Vertrag wie folgt abgeschlossen. – Стороны заключили договор о нижеследующем.

□ Der vorliegende Vertrag wurde in zwei gleich rechtskräftigen Ausfertigungen je eine für jede der Parteien in russischer und deutscher Sprache unterschrieben. – Настоящий договор подписан сторонами в двух экземплярах, по одному для каждой из сторон, на русском и немецком языках, имеющих одинаковую юридическую силу.

□ Der vorliegende Vertrag erlischt, falls eine der Parteien unter Einhaltung einer Frist von einem Jahr diesen Vertrag kündigt und wenn ... – Прекращение срока действия договора может быть осуществлено по инициативе каждой стороны с уведомлением другой стороны за один год при условии, что ...

Далее следует проанализировать различные виды договоров с юридической и лингвистической точек зрения.

Так, например, при заключении договора купли-продажи необходимо учитывать следующие права и обязанности сторон (DER BROCKHAUS RECHT 2005:393): со стороны продавца – 1) rechtzeitliche Lieferung der Ware laut Vertragsbedingungen – своевременная поставка товара в соответствии с условиями договора; 2) Übereignung der im Vertrag zugrunde gelegten Ware – переход права собственности на товар, обозначенный в договоре; со стороны покупателя – 1) rechtzeitige Annahme der gelieferten Ware – своевременное принятие поставленного товара; 2) rechtzeitige Bezahlung der Ware – своевременная оплата товара. Ненадлежащее исполнение (gestörte Erfüllung) может выражаться в следующем: со стороны продавца – 1) Lieferverzug – задержка поставки; 2) mangelhafte Lieferung – неполная поставка или поставка товара в неудовлетворительном состоянии; со стороны покупателя: 1) Annahmeverzug – задержка в принятии товара; 2) Zahlungsverzug – задержка в оплате товара. Вышеперечисленные права и обязанности имеют соответствующие правовые последствия, которые также следует изучать.

Все условия и обязанности сторон фиксируются в договоре. Часто для этого используются клишированные выражения, которые не подлежат изменению. В профессиональной коммуникации желательно использовать именно эти устойчивые обороты. Это способствует устранению недопонимания сторон.

Ср., например:

□ Der o.g. Verkäufer versichert, dass der genannte Artikel alleiniges Eigentum des Verkäufers, nicht als gestohlen gemeldet ist und frei von Rechten Dritter ist. – Вышеназванный продавец гарантирует, что обозначенный товар является его единоличной собственностью, он не числится украденным и свободен от прав третьих лиц.

□ In beiderseitigem Einverständnis beträgt der nach Übergabe bar zu entrichtende Kaufpreis ... Euro. – По обоюдному согласию сторон цена составляет ... евро. Обозначенную сумму следует оплатить наличными после передачи товара.

□ Bis zur vollständigen Bezahlung des Kaufpreises behält sich der Verkäufer das Eigentum an dem Kaufgegenstand vor. – Продавец является собственником товара до полной оплаты обозначенной цены.

Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что изучение профессиональной коммуникации – это сложный и многоступенчатый процесс. В данном виде коммуникации следует учитывать как особенности той или иной специальности (нужно хорошо знать, что стоит за тем или иным понятием), так и наиболее частотные способы выражения специальной информации. При переводе особое внимание следует обращать на клишированные устойчивые в профессиональной коммуникации обороты, а также на культурную и правовую традиции, принятые в соответствующих странах.

Литература:

DER BROCKHAUS RECHT (2005): Das Recht verstehen, seine Rechte kennen. Leipzig, Mannheim: F.A. Brockhaus

Sobolev, Sergej (2016): Einführung in die deutsche Rechtssprache und die Berufsko

Столярова Е.В., Федотова М.Г., РЭУ им. Г.В. Плеханова ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Изучение и определение профиля и потребностей обучения иноязычному общению будущих специалистов представляется важным поскольку, во-первых, обучение ESP (английскому языку для специальных целей) направлено на формирование и развитие навыков решения различных задач в профессиональной сфере на иностранном языке. Во-вторых, при коммуникативном подходе фокус обучения смещается с обучения исключительно языку и включает направленное на решение определенных задач взаимодействие в определенном контексте деятельности. В-третьих, в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе ставится задача обучения коммуникации для реализации профессиональных целей.

Как справедливо отмечает М. Хухта [Huhta, 33-50], обучение английскому языку для специальных целей основано на понимании деталей самой коммуникативной ситуации и события коммуникации; ESP обладает особенностями в плане профессионального контекста, а не профессиональной области и имеет отношение к динамичной коммуникации определенных профессиональных сообществ, порождающих дискурс [Huhta, 36].

Европейский Совет (Common European Framework) [Council of Europe, 2001] определяет 6 измерений значимых для определения профиля специалистов какой-либо профессиональной области: а) профессиональная сфера иноязычного общения, б) информация, связанная с видом деятельности и выполнением работы, с) контекст, d) наиболее типичные ситуации в профессиональной деятельности, е) наиболее сложные и проблемные ситуации, f) пример описания рабочего дня.

В результате применения разработанного Европейским Советом подхода к определению профиля профессионалов в той или иной сфере были описаны профили менеджеров по продажам, медицинских сестер, инженеров, юристов и др. Также были опубликованы различные учебники для обучения английскому языку профессионалов различных специальностей [Gutjahr, Mahoney, 2013, Pledger, 2007, Stolyarova, Fedotova, 2014]. Однако, очень мало работ посвящено исследованию потребностей в обучении языку и профиля специалистов в области управления персоналом. Также нет достаточного количества учебников, созданных для обучения студентов вузов, обучающихся по данному направлению.

Ниже авторами изложены шесть категорий исследуемого профиля специалистов в области управления персоналом и представлена основа разработанной ими анкеты для работающих студентов и магистрантов, обучающихся по направлению «Управление персоналом» в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова.

1. Образование/Программа

1.1 Специализация

2. Информация о работе

2.1 Работаете ли Вы в настоящий момент по специальности УП (Управление персоналом)?

2.2 Типичные примеры должностей УП, сферы ответственности

2.3 Сфера деятельности компании, где Вы работаете.

2.4 Ваши должностные обязанности.

2.5 Для чего Вам необходим иностранный язык?

- Устное общение с сотрудниками.
- Устное общение с партнерами и клиентами.
- Написание отчетов.
- Подготовка презентаций.
- Работа с документами.
- Другое (указать).

3. Контекст

3.1 Где Вы обычно проводите свой рабочий день?

- На своем рабочем месте
- Переговорная в офисе
- Встречи вне офиса
- Конференции
- Тренинги
- Другое (указать)

3.2. Где сотрудники УП встречаются с персоналом компании?

- Офис, рабочие места
- Конференц-зал
- Переговорная
- Другое (указать)

3.2. Связаны ли неформальные события/мероприятия с какими-либо определенными местами?

3.3. С сотрудниками каких отделов и должностей специалисты УП в Вашей компании работают/решают задачи в своей ежедневной работе?

3.4 Личные качества, необходимые для сотрудников в области управления персоналом

4. Наиболее типичные ситуации на Вашей работе.

5. Наиболее сложные ситуации на Вашей работе.

5.1 Опишите пример подобной ситуации

5.1.1 Какие люди (должности, функции) были вовлечены в коммуникацию и решение рабочих вопросов и проблем?

5.2. Что было причиной непонимания или конфликтов?

5.3. Приведите пример непонимания или конфликта

5.4. Как решались эти конфликты?

6. Описание типичного рабочего дня.

Практическое применение результатов изучения потребностей обучения иностранному языку и профиля специалистов в области управления персоналом будет необходимо и полезно при разработке заданий, упражнений и структурирования учебной деятельности на уроке английского языка. Изучение и описание профиля также будет способствовать ознакомлению студентов с дискурсом и коммуникативной деятельностью на изучаемом языке, мотивации для развития необходимых профессиональных и языковых навыков.

Литература:

1. Базарова Б.Б. Гуманитарные технологии в преподавании теории иностранного языка. Отечественная и зарубежная педагогика. 2013. № 6 (15). М.: Институт стратегии развития образования Российской академии образования. 2013. С. 119-122.
2. Калибердина Е.В., Фридлянская Е.А., Фролова И.Г. Роль упражнений в процессе обучения языку делового общения на примере учебника «The Business 2.0». Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2016. № 6. Прага. Vedecko vydavatel'ske centrum Sociosfera-CZ s.r.o, 2016
3. Столярова Е.В., Федотова М.Г. К вопросу о дискурсе электронного учебного пособия при обучении иностранному языку в профессиональной сфере. Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 49. С. 149-155.
4. Петровская С.А. К вопросу обучения аннотированию англоязычных профессионально ориентированных текстов // Повышение академической мобильности преподавателей и студентов, в рамках сотрудничества РЭУ им. Г.В. Плеханова с международной образовательной корпорацией «Pearson». Сб. науч. трудов Международной научно-практической конференции. Москва, 25-26 января 2016 г. М., 2016.
5. Удина Н.Н. Модель аккультурации в профессионально-ориентированном обучении иностранному языку // В сборнике: Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку и переводу в ВУЗе. М.: РУДН, 2010. С. 526-528.
6. Council of Europe, (2001). Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Ershova O.V., Stolyarova E.V. Interactive means of communication and collaboration with representatives of global pedagogical community. Сборники

- конференций НИЦ Социосфера. Prague. Vedecko vydavatel'ske centrum Sociosfera-CZ s.r.o. 2015. № 56. P. 42-46.
9. Gutjahr L., Mahoney S., Express Series: English for Sales and Purchasing, Oxford University Press, 2013
10. Huhta M., Vogt K., Johnson E., Tukki H., Needs Analysis for Language Course Design, A holistic Approach to ESP, Cambridge University Press, 2013, 266 p.
11. Khromov S.S., Udina N.N. The Magic of Innovation. New Techniques and Technologies in Teaching Foreign Languages / Edited by Dmitry A. Kryachkov, Elena B. Yastrebova, Olga A. Kravtsova. Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 27-42.
12. Pledger P., Express Series: English for Human Resource, Oxford University Press, 2007
13. Stolyarova E.V., Fedotova M.G., Professional and Personal Development, Moscow, 2014.
http://issuu.com/elenastolyarova/docs/professional_and_personal_developme
8.03.2016
14. Fedotova M.G., Stolyarova E.V., E-textbooks in teaching English for Specific Purposes, Nauka i Obrazovanie v XXI veke. Volume 17, 2014. p. 8-9. mmunikation. Moskau: STATUT.

Томсон Г.В., МГИМО МИД России

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ. ИННОВАЦИИ

Весной 2007 года МГИМО МИД России стал одним из победителей конкурса по отбору образовательных учреждений высшего профессионального образования, внедряющих инновационные образовательные программы. Наш университет предложил программу «Формирование системы компетенций для профессиональной деятельности в международной среде в интересах укрепления позиций России».

К основным задачам данной программы относятся следующие:

1. Внедрение компетентностного подхода в образовании в области дисциплин международного профиля.

2. Создание инновационной инфраструктуры и системы управления университетом, необходимых для перевода его образовательной деятельности на компетентностный подход.

Инновационная заявка МГИМО опирается на компетентностный подход, на основе которого сейчас разрабатываются образовательные стандарты нового поколения.

Естественным продолжением Инновационной образовательной программы, реализованной в 2007-2008 гг. в рамках приоритетного национального проекта «Образование», стала «Стратегическая программа развития МГИМО МИД России на 2009-2015 гг.» Результатом реализации данной программы явилось удержание лидирующего положения университета в сфере высшего профессионального образования России, его успешная интеграция в мировое научно-образовательное пространство. В настоящее время образовательный процесс в университете ориентируется на «Стратегическую программу развития МГИМО МИД России на 2014-2018 гг.».

Стрежнем всех программ остается компетентностный подход. Такой подход, приобретающий в последние годы все большую популярность как в образовательной, так и в бизнес-среде, предполагает, что основной акцент делается не просто на получение обучающимися некоторой суммы знаний и умений, но и на формирование системного набора компетенций. Источником формирования такого подхода являются объективные требования современной «экономики знания», в которой более значимыми являются не разрозненные знания, но обобщенные умения, проявляющиеся в умении решать жизненные и профессиональные проблемы, способности к иноязычному общению, подготовка в области информационных технологий и др.

Целью компетентностного подхода является модернизация образования на основе сближения принципов организации, содержания обучения и оценки образовательных результатов в условиях глобализации и изменяющихся условий рынка труда. Поэтому стандарты профессионального образования нового поколения формулируются на основе компетенций.

Необходимо, однако, дать определение некоторых понятий, которые четко сформулированы С.В.Евтеевым. «В 90-х годах понятие «квалификация» в Европе (в частности, в Германии), а затем в России было заменено на понятие англ. «competence», нем. «Kompetenz», которое в зависимости от содержания на русский язык переводится как «компетентность» или «компетенция». В отличие от квалификации, т.е. конечных требований к определенной профессии или деятельности, понятие «компетентность» или «профессиональная компетентность» означает способность личности эффективно решать задачи в ситуациях профессиональной деятельности на основе умения, знаний и практического опыта и характеризует уровень профессиональной подготовки работника в целом. Этим удалось увязать квалификационные требования с формируемыми и развиваемыми профессиональными способностями личности по осуществлению определенного вида профессиональной деятельности в условиях глобализации, т.е. на глобальном рынке труда. По сравнению с компетентностью компетенция трактуется более узко. Компетентность рассматривается как определенный набор и объем компетенций» (Евтеев 2014: 132-133).

Под компетенцией понимается личная способность специалиста решать определенный класс профессиональных задач и готовность к своей профессиональной роли в той или иной области деятельности. Понятие «компетенция» включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, вида деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним. Так, например, компетенции менеджера могут охватывать системность мышления, умение анализировать ситуацию, навыки ведения переговоров и управления персоналом, знания в соответствующей области экономики и т.д.

Освоение определенного уровня компетенций рассматривается как способность использовать и сочетать знания, умения и широкие компетенции в зависимости от меняющихся требований конкретной ситуации или проблемы.

Другими словами, уровень компетенции определяется способностью справляться со сложными непредсказуемыми ситуациями и изменениями.

Компетентностный подход является важным связующим звеном между образовательным процессом и интересами работодателей.

Является очевидным, что занятия по юридическому переводу и языку профессии не должны ставить своей целью обучение праву страны изучаемого языка (это является компетенцией других дисциплин), кроме того, предполагается, что на момент обучения студентов иностранному языку профессии у них есть эти базовые знания. В частности, языковые занятия должны быть направлены на создание у студентов и магистров предметно-лексической базы по определенной отрасли права и на формирование языковых, коммуникативных, исследовательских, информационных компетенций и компетенции менеджмента для подготовки к профессиональной деятельности (Sobolew 2013: 171).

На основе Шкалы Совета Европы по уровням для общего языка нами еще в 2008 г. были разработаны, также по уровням, компетенции по языку профессии. В данном случае речь идет об уровне C1, во главу угла ставятся образовательные результаты, т.е. то, что должен уметь студент или магистр после прохождения определенного курса.

Особое значение при этом уделяется работе с аутентичным текстом, который «представляет собой сложную коммуникативную единицу высокого порядка, продукт и предмет познавательной деятельности. В этой связи можно говорить о том, что овладение умениями и навыками работы с ним не только способствует решению общеобразовательных, воспитательных и практических задач, но и ведет к приобретению общей коммуникативной компетенции, поскольку иноязычный текст является также важным средством самообразования» (Чигашева 2005: 109).

Как уже было упомянуто выше, в качестве образовательных результатов предполагается формирование следующих компетенций:

1. языковых и коммуникативных:

- способность к переводу аутентичных текстов с немецкого языка на русский и с русского на немецкий (устно и письменно);
- способность к работе с правовыми источниками других стран;
- способность к представлению своих работ в письменной форме по профессиональной направленности на немецком языке (реферат, курсовая работа, диплом);
- способность выступать с докладом по профессиональной направленности на немецком языке;

2. исследовательских:

- способность к анализу и оценке юридических текстов с точки зрения их соответствия определенной тематике;
- умение найти необходимую предметную информацию в литературе профессиональной направленности;
- способность к сравнительному анализу и синтезу (национальное право Германии, Австрии, России);

3. информационных:

- способность самостоятельно работать с информационными обучающими программами;

- способность к эффективному поиску информации по профессиональной направленности на немецком языке в Интернете, включая поисковые системы, образовательные программы и базы данных;

4. компетенции менеджмента:

- умение работать в команде;

- способность учиться у других, заниматься самообразованием;

- способность брать ответственность за выполнение задач;

- способность определить ролевое место сокурсника, его профессиональный и личностный потенциал;

- способность и стремление через самостоятельное повышение профессиональных и языковых знаний оптимизировать работу своих сокурсников.

Разработка данных компетенций (образовательных результатов) является для преподавателя языка профессии руководством в образовательном процессе. Однако недостаточно их разработать, сформулировать и руководствоваться ими. Нам, вероятно, удалось сделать маленький шаг вперед. В готовящемся к изданию УМК «Основы финансового права Германии» (модуль «Язык профессии») авторы Томсон Г.В., а также Еременок В.В. и Юхно А., выпускники МГИМО, кандидаты юридических наук и практикующие в настоящее время юристы, разработали ряд заданий для формирования конкретных компетенций. Таким образом, теоретические знания находят практический инструмент для их воплощения.

Хотелось бы привести лишь некоторые примеры:

1. языковые и коммуникативные компетенции

Юридический перевод является основной составной частью формирования языка профессии. С прохождением курса усложняются лишь виды перевода. На уровне С1 магистр должен иметь навыки по следующим видам

а) устного перевода:

- зрительно-устного перевода (устный перевод письменного текста после ознакомления с ним);

- перевод с листа (устный перевод письменного текста без предварительного чтения);

- перевод на слух (устный перевод текста, воспринятого на слух);

- абзацно-фразовый перевод (устный перевод части устного текста, от одного до пяти предложений);

- последовательный перевод (устный перевод устного текста после его предъявления в целом, осуществляется с применением системы сокращенной записи);

- двусторонний перевод (абзацно-фразовый или последовательный перевод беседы с повторяющимся изменением направления перевода с одного языка на другой)

б) письменного перевода:

- зрительно-письменный перевод или письменный перевод (письменный перевод письменного текста) [Евтеев 2014: 86-87].

В соответствии с этими видами перевода в УМК включены следующие задания:

- Übersetzen Sie den Text schriftlich!
- Übersetzen Sie den Text mündlich!
- Übersetzen Sie den Text vom Blatt!
- Machen Sie die Rückübersetzung!
- Sprechen Sie zum Thema....!
- Referieren Sie mündlich/schriftlich den russischen/deutschen Text auf Deutsch/Russisch!

2.информационные компетенции

- Machen Sie sich mit den Informationen im Anhang (I, II, III) bekannt!
- Informieren Sie Ihre Kollegen über den Zustand des Gesetzes in der Fassung 2015!

•Informieren Sie Ihre Kollegen über die Einstellung der deutschen Juristen zu diesem Problem in den letzten Jahren!

- Vergleichen Sie die alte Fassung des Artikels mit der neuen!

3.исследовательские компетенции

- Bereiten Sie eine Präsentation zum Thema...vor!
 - Berichten Sie über das Thema Ihrer Masterarbeit!
- 4.компетенция менеджмента
- Verteilen Sie einzelne Fragen zum Thema...! Besprechen wir zusammen das Thema...! (Als Moderator bestimmen wir Herrn/Frau N.!)

- Wiederholen wir feste Wortgruppen zum Thema...! Arbeiten wir paarweise!

Список подобных заданий естественно может быть расширен.

Конечным образовательным результатом, практическим выходом, такой работы можно считать то, что наши студенты и магистры выступают на научных конференциях общероссийского и международного уровня, активно участвуют в дискуссиях на лекциях зарубежных профессоров, проходят ежегодно курс Falllösung (case study) у юриста г-на Т.Штюдемманна (первый курс магистратуры факультета международного права), используют зарубежные источники при написании своих рефератов и диссертаций, проходят стажировки в Германии и Австрии, проходят оценку своих знаний в Гете-Институте. Все это позволяет им таким образом формировать свой профессиональный портфель [Крузе 2016: 92]. Подобные образовательные результаты, безусловно, заслуживают самой высокой оценки.

Литература:

- 1.Евтеев С.В. Немецкий язык. Теория перевода. Основные положения: учеб. пособие / С.В.Евтеев; под общ. ред. А.Л.Семенова. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – 185 с.
2. Крузе И.И. Языковой портфель как лингводидактическая технология иноязычного профессионально ориентированного обучения студентов: монография. – М.: Юнити-Дана, 2016. – 127 с.
3. Чигашева М.А. Типы текстов по специальности и их использование на занятиях по иностранному языку / М.А.Чигашева// Технологии обучения иностранным языкам в неязыковых вузах. Межвузовская научно-практическая конференция, сборник научных статей. – Ульяновск: УлГТУ, 2005. – С. 109-111.

4. Sobolew S. Zur Spezifik des juristischen Wortschatzes im Vergleich mit dem gemeinsprachlichen Wortschatz // Schriften zu Mittel- und Osteuropa in der Europäischen Integration. Band 13: Die Rechtssprache in der internationalen Diskussion. – Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2013. – S. 163-164.

Финикова Ю.Б., ГСГУ

**АФОРИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА АВТОРА
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Ф. БЕГБЕДЕРА
«Я ВЕРЮ – Я ТОЖЕ НЕТ»)**

В начале XXI века афористическая мысль приобрела особую литературную тонченность и достигла большого культурного значения. Сегодня авторами и «героями» афоризмов становятся актеры, кинорежиссеры, музыканты, политики, бизнесмены и другие известные личности, а источниками – устные выступления, интервью, анекдоты и т. д. Слово «афоризм» произошло от греческого «aphorismos», что означает «краткое изречение». На сегодняшний день в науке существует достаточное количество определений данного понятия. Они варьируются в зависимости от эпохи, страны и взглядов конкретного ученого, например:

□ Толковый словарь В.С. Даля: «Афоризм – короткое и ясное изречение, правило, основанное на опыте и рассуждении; отрывочное, но полное по себе положение» [Даль 1911: 98].

□ Словарь литературоведческих терминов: «Афоризм – краткое изречение, содержащее в себе законченную мысль, философскую или житейскую мудрость; поучительный вывод, обобщающий смысл явлений. К афоризмам часто относят пословицы; вместе с тем афоризмы имеет автора, в то время как пословицы – продукт народного творчества» [СЛТ].

□ Малый академический словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой: «Афоризм – это оригинальная законченная мысль, изречённая или записанная в лаконичной запоминающейся текстовой форме и впоследствии неоднократно воспроизводимая другими людьми. В афоризме достигается предельная концентрация непосредственного сообщения и того контекста, в котором мысль воспринимается окружающими слушателями или читателями» [МАС, 1999: 84].

В работе М.Н. Эпштейна «Краткая литературная энциклопедия» афористика определяется как вид словесного искусства, отражающий жизненный опыт в виде кратких по форме и обобщающих по смыслу высказываний-суждений. По мнению автора словарной статьи, афоризмы отличаются: 1) от крылатых слов – своей обязательной логико-синтаксической законченностью и самостоятельностью 2) от пословиц – своей принадлежностью к письменной литературе, в результате чего смысл афоризма – более отвлеченно-нравственный по сравнению со смыслом пословицы, и он чужд конкретно-вещественной образности [Бай Юй]. Таким образом, анализируя приведённые выше определения, можно сделать вывод, что афоризмы обладают такими признаками, как: обобщенный отвлеченно-нравственный (не конкретно-вещественный) смысл явлений; наличие философской или житейской мудрости; законченность, определенность, лаконичность; логическая упорядоченность; остроумность,

парадоксальность, глубина и ясность мысли; сжатость; выразительность, яркость, красочность. Подобно тому, как хамелеон меняет окраску, приспособляясь к среде обитания, так и афоризм, его трактовка, его восприятие мимикрирует в зависимости от культурно-исторического фона, научного контекста, лингвокультурной традиции и позиции автора [Ольшанский, Мельникова].

Говоря о современной литературной традиции, следует заметить, что афористичность авторского стиля присуща многим французским писателям (М. Леви, А. Гавальда, Г. Мюссо, Э.-Э. Шмидт), среди которых особого внимания заслуживает Ф. Бегбедер и стилистика его романа, отличающаяся богатством, оригинальностью и индивидуальностью. Используя в своих произведениях иронию и метод контрапункта («параллельное переплетение и прерывание нескольких разговоров или линий мысли») Ф. Бегбедер является мастером афористического стиля [Beigbeder 2005: 145].

Всё в романе Ф. Бегбедера подчинено стремлению удивить, изумить, потрясти, шокировать, вызвать возмущение. Он критикует и высмеивает наш современный мир, реалистический тип мышления, используя эпатаж [Beigbeder 2005: 142]. Его произведения отличаются открытостью и искренностью, иногда шокирующей читателей. Он не боится критики и осуждений, и поэтому сам с легкостью критикует и осуждает, иногда необдуманно, но зачастую справедливо. Персонажи его романов – жертвы современного общества, уставшие от «городского» образа жизни, денег, случайных связей и обмана.

Увлечение Ф. Бегбедера философией не только сформировало его взгляды, но и отшлифовало его манеру мышления и письма. Так возник особый «бегбедеровский» стиль – ясный, запоминающийся, афористичный. Практической основой нашего исследования послужил роман Фредерика Бегбедера и Жана-Мишеля ди Фалько «Я верую – я тоже нет». Данное произведение представляет собой живой увлекательный диалог двух персонажей с разными взглядами на жизнь: звезды современной французской литературы, знаменитого скандалиста, хулигана, бунтаря и священника. Основная идея книги состоит в поиске баланса, гармонии между современным человеческим миром и миром духовным, миром религии, через взаимоотношения Человека и Бога, где главным условием этого «сотрудничества» является Вера.

Семантический анализ выявленных нами авторских афоризмов позволил разделить их на следующие категории: вера, счастье, молитва, человек, Бог, религия. Данный выбор не случаен, так как он отражает важные, животрепещущие вопросы человеческого бытия, обсуждаемые героями романа Ф. Бегбедера и М. Ди Фалько на фоне мировых катаклизмов и столкновений разных цивилизаций:

(Jean-Michel di Falco) (Frédéric Beigbédér)

Вера

- «Croire n'est pas un traitement contre l'angoisse!»

(«Вера – не лекарство от страха!»)

- «La foi est la réponse libre de l'homme à Dieu, qui se révèle à lui»;

(«Вера – это свободный ответ человека Богу, который открыл ему Себя»)

- «La foi n'est pas une grande surface dans laquelle on chargerait son Caddie en selectionnant ce qui nous plait, et en abandonnant le reste...»

(«Вера – это не универсам, где ты нагружаешь тележку, выбирая то, что нравится, и оставляя все прочее...») - «Croire est un alibi pour accepter d'être là sans raison»

(«Вера – алиби для тех, кто соглашается существовать без цели»)

- «Je crois, donc je suis!»

(«Верую – значит, существую!»)

- «Croire qu'il y ait tout ça sans raison est aussi fou que de croire qu'il y ait une raison»

(«Верить в то, что все появилось без причины, – такое же безумие, как верить в наличие причины»)

Счастье

- «Être heureux, c'est un état qui se prolonge, qui, lorsqu'il est atteint, fait partie de nous»

(«Быть счастливым – состояние длящееся, когда оно достигнуто, оно становится частью нас самих»)

- «Le bonheur n'est pas « dans le pré» mais au Ciel!»

(«Счастье – не «на лугу», а на Небе!») - «Le bonheur, cela ne veut rien dire»

(«Счастье – бессмыслица»)

- «Le bonheur, c'est juste un mot»

(«Счастье» – всего лишь слово»)

- «La religion va vous apporter le bonheur, Dieu vous rendra heureux, donc croyez»

(«Вера принесет вам счастье, Бог вас осчастливит, и потому верьте»)

Молитва

- «Le désir de prier - même s'il l'on n'y parvient pas - est déjà une prière»

(«Желание молиться – даже если не получается – это уже молитва»)

- «Prier, ce n'est pas une fuite du monde mais une lutte, au contraire»;

(«Молитва – не бегство от мира: напротив, это борьба»)

- «La prière, c'est précisément une musique personnelle, celle des vibrations de sa foi»

(«Молитва и есть глубоко личная музыка, когда звучат струны веры»)

- «Si tu pries tu seras récompensé, tu iras au paradis, si tu pêches tu iras en enfer!»

(«Молишься – будешь вознагражден, попадешь в рай; гречишь – отправишься в ад!»)

- «Mais ma prière, c'est de marcher au jardin du Luxembourg au printemps, ou de traverser le pont des Arts...».

(«Но моя молитва заключается в том, что я иду по Люксембургскому саду весной или прохожу по мосту Искусств...»)

Человек

- «Ce désir d'éternité est inscrit dans la nature même de l'homme !»

(«Стремление к вечности свойственно самой природе человека!»)

- «On parle beaucoup de son silence, mais trop rarement de notre surdité»

(«Мы часто говорим о Его молчании и слишком редко – о нашей глухоте»)

- «Ce n'est pas Dieu qui fait la guerre, ce sont les hommes»

(«Воюет не Бог, а люди») - «J'ai besoin de Dieu, donc je suis un humain»;

(«Мне нужен Бог, следовательно, я человек»)

 - «Je suis donc pratiquant dans les grandes occasions»

 («Я – человек церковный по торжественным случаям»).

 - «Je me prends pour Dieu !»

 («Я сам для себя Бог!»)

 Бог

 - «Le Christ c'est quelqu'un qui est présent, à mes côtés, en permanence»

 («Христос – это Кто-то, кто постоянно присутствует рядом со мной»)

 - «Dieu a donné aux hommes un ticket, la faculté d'être « capables » de Le trouver, à eux de faire bon usage de cette possibilité, de cette chance»

 («Бог вручил людям талончик, дал им «способность» Его найти, их дело – использовать эту возможность, этот шанс») - «Dieu c'est la littérature. Tous les croyants sont des écrivains frustrés. Tous les écrivains sont des croyants frustrés».

 («Бог – это литература. Все верующие – несостоявшиеся писатели. Все писатели – неудовлетворенные верующие»)

 - «Dieu est un grand écrivain!»

 («Бог – великий писатель!»)

 Религия

 - «Le christianisme est porteur de valeurs»

 («Христианство – носитель ценностей»)

 - «Les évêques sont les successeurs des apôtres, et leurs coopérateurs – les prêtres»

 («Епископы – наследники апостолов, священники – их сотрудники») - «Le prêtre catholique est plutôt un ovni»

 («Католический священник – что-то вроде НЛО»)

 - «Moi, ce qui me plaît le plus dans la religion, c'est son inutilité absolue»

 («Что мне больше всего нравится в религии, так это ее абсолютная бесполезность»)

Таким образом, афоризмы, представленные в романе Ф. Бегбедера «Я верую – я тоже нет» и их тематическое разнообразие, указывают на высокий уровень афористичности произведения и языка автора. Построенные на сравнении и противопоставлении образов, парадоксальности фактов, афоризмы анализируемого романа отражают вечные вопросы человеческого бытия и делают их доступными читателю.

Литература:

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, в 4 ч. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб., 1911. – 877 с.
2. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.Gramma.ru (дата обращения – 20.02.2016).
3. Малый академический словарь русского языка в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1999. – 702 с.
4. Современная литература: поэтика и нравственная философия / Под ред. А.В. Татарина // А.А. Аржанова «Флоберовский код в творчестве Фредерика Бегбедера». – Краснодар: ZARLIT, 2010. – 256 с.
5. Beigbeder F., Di Falco J.-M. Je crois moi non plus. – Editeur d'origine: Calmann-Lévy, 2005. – 288 p.

6. Бай Юй Признаки афоризма как литературного жанра в русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1402484849.pdf> (дата обращения – 10.03.2016).
7. Ольшанский И.Г., Мельникова О.В. Афористика как объект филологического исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/> (дата обращения – 12.03.2016).

Фролова И.Г., РЭУ им. Г.В. Плеханова
ПРОПИСНАЯ ИЛИ СТРОЧНАЯ?
К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ОРФОГРАФИИ
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Лексикография – это, как известно, раздел языкознания, занимающийся теорией и практикой составления словарей. В данной статье мы ограничимся примером английского языка, который признан одним из языков международного общения. В эпоху бурного развития новых информационных технологий произошел и «взрыв» лексикографической деятельности. Благодаря интернету скорость обмена информацией исчисляется мгновениями. Как любят теперь говорить, все делается в один клик. Компьютеризация многих сфер коммуникации снизила актуальность английской орфографии и важность владения правилами написания сложных слов: появилась надежда, что стандартные корректоры написания, электронные словарные ресурсы укажут на орфографическую ошибку и предложат варианты корректного написания слова. Однако многолетний опыт активного применения компьютера в различных сферах деятельности позволяет сделать вывод о том, что орфографические знания все-таки необходимы. Казалось бы, каждый из нас имеет свободный доступ к любой необходимой информации. В том числе и лексикографической. К огромной армии бумажных словарей прибавилось много онлайн-изданий. К нашим услугам словари переводные и энциклопедические, фразеологические и терминологические, синонимов и антонимов, сленга и неологизмов, словари идеографические (тезаурусы) и сокращений, личных имен и американизмов. Перечень этот можно продолжать бесконечно долго. Кроме того, мы располагаем разнообразными справочниками по всевозможным отраслям знания.

Кажется, можно вздохнуть с облегчением: письменная коммуникация – процесс порождения, передачи и восприятия письменных высказываний – больше не представляет никаких проблем. Это тем более важно, что именно письменная речь играет все большую роль как в жизни общества в целом, так и отдельного человека, что опять-таки связано с уже сложившейся культурой общения в интернете, а также передачей смс-сообщений посредством мобильных телефонов. Стилистические разновидности этой письменной речи чрезвычайно многообразны.

Однако, зададимся вопросом о том, насколько легко выловить из этого моря информации примеры того, что считается нормой, то есть принятым речевым употреблением языковых средств, совокупностью правил, упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида. Эта проблема особенно актуальна в сфере международного делового и профессионального общения. Значимость использования кодифицированного

языка – языка, соответствующего совокупности правил, которые обеспечивают его образцовое литературное воспроизведение, – трудно переоценить.

В связи с вышесказанным хотелось бы в качестве примера остановиться на употреблении прописных и строчных букв в английском языке. Тема эта возникла далеко не случайно. Кроме того, как показывает практика, преподаватели часто недооценивают серьезность орфографических ошибок, наличие которых отрицательно сказывается на качестве иноязычной компетенции будущих специалистов.

Авторы на собственном опыте убедились в том, насколько часто возникает этот вопрос и насколько сложно найти на него адекватный ответ, особенно учитывая то обстоятельство, что английская орфография обладает большой гибкостью. Весомую роль здесь играют правильно подобранные упражнения на орфографию и пунктуацию.

Основное правило заключается в следующем: если нет уверенности в правильности найденного ответа, пишите все со строчной буквы! Нам могут возразить: Зачем поднимать такой частный вопрос? Разве нет гораздо более существенных тем в деле преподавания английского языка в вузе, тем более в экономическом, как в нашем случае? Нам не до изысков, это не лингвистический университет. Со всей ответственностью отвечаем: Пренебрежение к обучению орфографии и пунктуации приводит к ужасающей безграмотности и беспомощности при ведении деловой переписки. (На это, кстати, часто обращают наше внимание бывшие выпускники.) Разве электронная почта не является сегодня одним из наиболее распространенных способов общения между партнерами, независимо от того, где они находятся в данный момент времени? Письменная речь – показатель в том числе и деловой компетенции, общего уровня интеллектуального развития. Многочисленные ошибки в письменной речи подрывают доверие. Ни родна компьютерная программа пока еще не способна в полной мере помочь в этом вопросе.

Хотелось бы привести ряд примеров из нашей практики, иллюстрирующих то, за какими разъяснениями к нам обращаются работающие студенты и выпускники, активно использующие английский язык в своей трудовой деятельности в связи с обсуждаемой темой. Располагаем их в порядке частотности.

Какие слова нужно писать со строчной, а какие с прописной буквы в названиях

- 1) различных государственных учреждений;
- 2) в официальных и неофициальных названиях профессиональных групп, союзов,
а также заключенных ими договоров;
- 3) в названиях компаний, корпораций, производственно-промышленных объединений;
- 4) в названиях праздников;
- 5) в названиях колледжей и университетов, а также кафедр и других подразделений;
- 6) в званиях и обозначениях государственных наград и отличий;
- 7) в названиях расовых, этнических, национальных и религиозных групп:

8) в сложных названиях разных видов продукции;

9) в аббревиатурах.

Всего в нашем списке на момент написания статьи насчитывается 118 пунктов, к каждому из которых прилагается перечень исключений.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что даже обладая знанием источников, из которых можно почерпнуть нужную информацию, приходится тратить очень много времени на ее обобщение и систематизацию, что, безусловно, не под силу изучающим английский язык. Полагаем, что именно такой частный, на первый взгляд, вопрос, как написание слов со строчной или прописной буквы, позволяет особенно четко выявить, а также и привлечь внимание к огромному белому пятну на карте преподавания английского языка в высшей школе в свете резко возросших требований к качеству навыков письменной речи.

Литература:

1. Блинов Р.Ю. Орфография в системе обучения английскому языку. Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Выпуск № 48, Нижний Новгород, 2008.

2. Осипян Т.Г. Обучение иноязычной орфографической компетенции студентов-лингвистов. Пятигорск, 2009.

3. Калибердина Е., Фридлянская Е., Фролова И. Роль упражнений в процессе обучения языку делового общения на примере учебника «TheBusiness 2.0». НИЦ «Социосфера», 2016

4. Ершова О.В. Повышение эффективности контроля учебной деятельности студентов вузов (на примере изучения иностранного языка): автореф. дис. канд. пед. наук. – Москва, 2014.

Хомутская Н.И., ГСГУ

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ЗАГОЛОВКАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ КОРОТКИХ РАССКАЗОВ

В контексте процесса развития межкультурной коммуникации повышается роль культурологического аспекта номинаций. Любое слово в языке помимо основного значения обладает ещё и дополнительными значениями, которые часто отражают определённый культурно-исторический пласт, и имена собственные не являются исключением. Известно, что изучением имён собственных с давних времён интересовались многие учёные, относящиеся к различным направлениям научных исследований – истории, географии, этнографии, психологии, литературоведения. Но, на наш взгляд, наиболее актуальным является исследование данного пласта лексики с лингвистических позиций. Будучи единицей наименования, любое слово, а имя собственное это тоже слово, оно является неотъемлемой частью словарного состава языка, образуется по определённым законам языка и функционирует по установленным правилам в языке и речи. Детальным изучением имён собственных занимается отдельный раздел языкознания – ономастика. Ономастика (от греч. *onomastikos* – относящийся к имени) – раздел лексикологии, посвящённый изучению собственных имён (Розенталь, Теленкова 2001, 276). *Onomastik*[griech. *Onomastike* (techne) = (Kunst des) Namengeben(s)] (Sprachw.): *Namenkunde* (Duden 2001, 1163). Имена собственные чрезвычайно разнообразны, многие из них

сегодня этимологически непонятные (слова с «затемнённым» этимологом), большинство из которых помимо функции наименования обладают дополнительным значением, часто культурологического характера, которое служит для формирования фоновых знаний, необходимых при изучении иностранного языка. Отсюда совершенно очевидно, что изучение взаимодействия языка и культуры приобрело большую актуальность в современной лингводидактике.

Исследования, в которых не только описываются особенности функционирования языковых единиц, но и дается их объяснение культурными особенностями социума, представляют собой относительно новый подход в объяснении лингвистических явлений. Изучением различных аспектов ономастики занимались известные отечественные и зарубежные учёные А.В. Суперанская, В.Д. Бондалетов, Н.Ф. Олиференко, В.Н. Супрун, Е.В. Розен, О.Е. Фролова, В.М. Мокиенко, Х. Вальтер, К. Хенгст и другие.

Наличие в заголовке любого текста, в нашем случае в тексте короткого рассказа, имени собственного вызывает у читателя определённые ассоциации, ведущие к раскрытию основного замысла писателя или уводящие от него. Тексты немецкоязычных коротких рассказов изобилуют именами собственными, в которых находит своё яркое выражение их культурологическая непосредственно составляющая.

Исследуя культурологический аспект имён собственных, считаем необходимым привести определения данных понятий.

Культурология – наука, формирующаяся на стыке социального и гуманитарного знания о человеке и обществе и изучающая культуру как целостный феномен. Термин культурология (Kulturologie) впервые использовал немецкий учёный В. Оствальд в 1913 году. В 1949 году этот термин мы встречаем в исследованиях американского антрополога Л. Уайта.

Касательно имён собственных или онимов, то здесь мы опираемся на исследования известного российского германиста Е.В. Розен, которая подчёркивает, что они отличаются от других полнозначных слов, называемых нарицательными, своей функцией в языке и лексическими качествами (Розен 2000, 43), возможно под лексическими качествами лингвист понимала их дополнительные значения, в числе которых и значения несущие культурологическую информацию. К главным типам онимов Е.В. Розен относит антропонимы (личное имя, фамилия, прозвище, псевдоним, кличка), топонимы (названия любых географических объектов), зоонимы (собственные имена, (кликки) животных).

Проанализировав отобранные в ходе исследования имена собственные, подчеркнув при этом их культурологическую составляющую, нами были исследованы короткие рассказы Г. Бёлля «Могучий отец Ундины» («Undines gewaltiger Vater»), М.Фриша «История Исидора («Die Geschichte von Isidor») и «Когда Гулливер посетил Швейцарию» («Als Gulliver die Schweiz besuchte»). Жанр короткого рассказа в немецкоязычной литературе считается относительно молодым. Он появился впервые послевоенные годы (вторая половина 20 века). Именно в жанре немецкоязычного короткого рассказа, который обладает своими

специфическими характеристиками, и в котором часто изобилуют имена собственные, находит яркое выражение их культурологический аспект.

С конца 40-х XX века по настоящее время немецкий короткий рассказ активно исследуется в немецкой лингводидактике. Теоретические и практические исследования посвящены, в первую очередь, описанию жанровых признаков немецкоязычного короткого рассказа и его отграничению от других малых эпических форм. В контексте жанровых признаков рассматривается одна из особенностей немецкоязычного короткого рассказа – все самое важное, о чем хочет сказать автор, находится между строк и подлежит расшифровке, понимания того, что лежит на поверхности, недостаточно. Авторы теоретических исследований немецкого рассказа акцентируют его закодированность (*Verschlüsselung*) и неоднозначность (*Mehrdeutigkeit*), что отражается в наличии подтекста, косвенных указаний, намеков, пропусков в тексте. Язык короткого рассказа отличается точной выверенностью и лаконичностью, в качестве одной из главных семантических особенностей короткого рассказа отмечается высокая степень коннотации отдельных слов и выражений, значение которых раскрывается в целостности контекста. Текст короткого рассказа как особый жанр имеет определенную специфику содержательно-смысловой структуры. Э. Гермес указывает на 4 элемента содержания, присутствующих в каждом тексте:

1. События (*Ereignisse*) и действия (*Handlungen*), о которых рассказывается;
2. Персонажи (*Personen*), которые переживают данные события и производят данные действия;
3. Продолжительность по времени (*zeitliche Abfolge*) данных событий и действий;
4. Место и пространство (*örtliche und räumliche Gegebenheiten*) как окружающий мир героев (*Umwelt der Personen*) и арена (*Schauplatz*) для событий и действий (Hermes 1997: 34).

Опираясь на данное описание, можно предположить, что центральным, определяющим элементом содержания короткого рассказа является событие, все остальные элементы организованы вокруг события и определяются событием. И как раз при описании этого события автор и употребляет имена собственные с культурологическим подтекстом.

Уже в заголовке каждого рассказа присутствует имя собственное. Гулливер известен читателю из детских воспоминаний, а вот, кто такие Ундина и Исидор, вызывают неподдельный интерес.

Ундина существует как в фольклорном творчестве многих народов Европы, так в немецких сказаниях, связанных с Рейном, в народных сказаниях балтийских стран, в древнегреческих мифах. С точки зрения ономастики Ундина относится к мифонимам. Её образ описывается по-разному: от прекрасной девы с золотыми волосами до обычной русалки с рыбьим хвостом. В немецкой литературе писатель романтик Фридрих де ла Мот Фуке описал Ундину в своём одноимённом произведении, переведённом на русский язык В.А. Жуковским. Известное стихотворение Г. Гейне «*Logelei*» описывает образ чудесной девушки, живущей в Рейне, которая своим прекрасным пением приводит к гибели множество рыбаков. А известный немецкий писатель и композитор Э.Т.А.

Гоффманн написал оперу «Ундина». Ответив на вопрос, кто такая Ундина, нам не требуется отвечать на вторую часть вопроса, ибо она ясна – это Рейн. И, несмотря на то, что в заглавии нет слова Рейн, мы его выявили при анализе имени собственного Ундина. Читатель может только предположить, сколько интереснейших событий происходило на его берегах в течение многих столетий и при их анализе мы столкнёмся со множеством имён собственных содержащих массу культурологической информации. Это и Агриппина и Нерон, Дионисий и Венера, названия народностей и племён, названия городов, имена известных художников, имена известных исторических деятелей.

Также как и заголовок рассказа «Могучий от Ундины» внимание читателя привлекает и заголовок другого рассказа «История Исидора», а вернее имя собственное - Isidor. Оно звучит весьма необычно. И автор неслучайно выбирает именно его. Обратимся к истории и значению этого имени. Исидор произошло от греческого имени Исидорос, означающее «дар Исиды», которое, в свою очередь, образовалось от двух слов «Исис» (имя древнеегипетской богини плодородия Исиды или Изиды) и «дорон» («дар, подарок»). Люди с именем Исидор очень трудолюбивы, старательны и предприимчивы, но иногда раздражительны и способны на необдуманные поступки. Последнее находит своё подтверждение при чтении рассказа. Имя главного героя повествования тесно перекликается с именем Пенелопы, которое является вторым по значимости при передаче главного смысла рассказа. Обладая широкими культурологическими познаниями, читатель сможет логически грамотно увязать имя в заглавии с именем в тексте рассказа и определить их причинно-следственные взаимосвязи.

Ключевой фигурой в другом рассказе швейцарского писателя М. Фриша «Когда Гулливер посетил Швейцарию» («Als Gulliver die Schweiz besuchte») является образ Гулливера.

Gulliver - Гулливер - это обычный человек, подданный английской королевы. По профессии – моряк, плавал на кораблях то туда, то сюда. Ничего особенного. Жена, двое детей. Маленький домик. Волею фантазии писателя Джонатана Свифта оказался в различных необычных ситуациях и имел возможность почувствовать на себе действие микро- и макромира, а вернее - лилипутов и великанов. Сначала он попал к лилипутам, которые его начали боготворить, и он понял, что такое безраздельная власть. Потом он попал к великанам и почувствовал на себе, что такое настоящее унижение. Причем в этих странах все предметы были под стать существам, проживавшим в них - или маленькими, или большими. Прелесть повествования в этом и заключается, что дает возможность понять, что может почувствовать человек, попавший в эти "миры".

Обладая данной информацией, читатель может переключиться на содержание рассказа и соединить его с культурологическим аспектом имени собственного. Автор попытался в образе Гулливера представить послевоенную Швейцарию. Но это мы узнаём только после прочтения рассказа.

Итак, имена собственные широкоупотребительны в немецкоязычных коротких рассказах в целом и в заголовках в частности, придавая при этом произведению определённый колорит, заинтриговывая при этом читателя. При проведённом анализе имён собственных в заголовках немецкоязычных коротких рассказов отобранные имена собственные обладают широким спектром

культурологической информации, который от заголовка передаётся всему тексту рассказа. Особенно широким набором культурологической информации обладают имена собственные в рассказе Г. Бёлля «Undines gewaltiger Vater» («Могущественный отец Ундины»). При детальном исследовании отмеченных имён собственных была выявлена их взаимосвязь с другими именами собственными, хранящими в себе культурный пласт, облегчающий не только понимание основного замысла автора рассказа, но и способствующий расширению общеобразовательного кругозора читателя.

Литература:

1. Duden. Deutsches Universalwörterbuch⁴, neubearbeitete und erweiterte Ausgabe. Herausgegeben vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Mannheim: Dudenverlag, 2001.
2. Hermes E. Training Analyse und Interpretation literarischer Texte. Stuttgart Düsseldorf Leipzig Ernst Klett Verlag, 1997.
3. Розен Е.В. Как появляются слова. Немецкая лексика: история и современность. Москва. Издательство «Март», 2000.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва. Астрель. Аст, 2001.

**Хромов С.С., Каменева Н.А.
РЭУ им. Г.В.Плеханова**

ОПЫТ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (НА ПРИМЕРЕ МЭСИ И РЭУ ИМЕНИ Г.В.ПЛЕХАНОВА)

О применении дистанционных образовательных технологий в высшем и среднем образовании в последнее время много говорят в прессе, в руководстве вузов, на заседаниях правительства, семинарах, конференциях, симпозиумах. С принятием Федерального закона от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" право на образование приобрело новые формы своей реализации [1].

Законодательно закреплены формы реализации образовательных программ с применением электронного обучения (далее - ЭО) и дистанционных образовательных технологий (далее - ДОТ). До этого подобное регулирование отсутствовало. Приняты подзаконные нормативные правовые акты, определяющие особенности таких форм реализации образовательных программ. ЭО и ДОТ предоставляют широкие возможности для организации образовательного процесса, приносят разнообразие в формы подачи информации, расширяют круг обучающихся, снимают барьеры вроде территориальной недоступности образовательной организации.

Принципиальная разница между ЭО и ДОТ заключается в том, взаимодействуют между собой педагог и обучающийся непосредственно или нет. Если непосредственное взаимодействие осуществляется и обязательно с использованием информационных технологий, технических средств, речь идет об электронном обучении. Если взаимодействие носит опосредованный характер - посредством информационно-телекоммуникационных сетей (Интернет), то это

дистанционное обучение. Образовательная организация вправе использовать одну или одновременно обе формы реализации образовательной программы.

Дистанционное обучение стремительно набирает обороты. По некоторым данным, его доля уже давно превысила 70% дополнительного бизнес-образования, поскольку дистанционное обучение является полезным подспорьем, и опыт современного бизнес-образования. Слушатель получил доступ к современной информации, аналитическим материалам, появилась возможность поддерживать коммуникации с интересными для него преподавателями. В обучении, в т.ч. электронном, преподаватель - ключевая фигура. Какой бы привлекательной ни была форма, уровень содержания обучения задает именно преподаватель.

Дистанционное обучение в значительной степени зависит от профессионализма тьюторов, а с другой стороны, от желания и мотивации обучающихся. На сегодняшний день требуется создание соответствующей образовательной среды и новых технологий обучения, преподавания и оценивания полученных знаний государственных и муниципальных служащих.

Преимущества электронного обучения бесспорны. Такая форма позволяет повысить профессиональную квалификацию в соответствии с интересами работодателей, получить качественное образование непосредственно по месту жительства, существенно снизить стоимость обучения по сравнению с другими формами образования.

При дефиците аудиторного времени (в частности речь идет о студентах неязыковых вузов, где особое внимание уделяется подязыку специальности), можно смело утверждать, что использование ИТ позволяет решать и некоторые другие дидактические задачи помимо информационных функций, а именно:

- формирование и совершенствование речевых компетенций: чтения, письма, говорения, аудирования;
- расширение вокабуляра (активного и пассивного);
- формирование потребности использования иностранного языка в поисковой деятельности.

Система Дистанционного Обучения Виртуальный Кампус, работающая на платформе Microsoft SharePoint, уже более 10 лет успешно применяется первоначально в Московском государственном университете экономики, статистики и информатики, а сейчас в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова. Модель обучения в РЭУ им.В.Г. Плеханова для студентов очной, очно-заочной и заочной формы – смешанная, т.е. включает в себя: традиционную модель – очное общение с преподавателем, занятия в аудиториях и т.д. и электронную модель - обучение с использованием информационных технологий: использование Интернет-ресурсов для изучения иностранных языков, общение с преподавателем в форумах, просмотр учебных материалов в режиме онлайн, прохождение тестирований на компьютере и т.д., ознакомление с электронными и мультимедийными учебниками.

В рабочей области преподавателя СДО «Кампус» доступны такие инструменты, как консультационный и тематический формы, календарь событий, доска объявления, обмен файлами в областях: материалы по дисциплине, работы студентов на проверку преподавателю, ссылки на Интернет-ресурсы, материалы

по дисциплине, система тестирования с различными настройками (см. Рис.1). Возможна и организация вебинара с преподавателем по или заданной теме рабочей дисциплины. В объявлениях может размещаться актуальная информация по дисциплине или организации работ группы с преподавателем.

Ссылки на аутентичные информационные ресурсы, данные в СДО Виртуальный Кампус, позволят работать в интерактивном режиме с сайтами зарубежных средств массовой информации (<http://www.ft.com/home/uk>; <http://www.podcast.ft.com>; <http://www.video.ft.com>; <http://www.bbc.co.uk/news>), иностранных издательств и международных организаций (<http://www.macmillanenglish.com>; <http://www.britishcouncil.ru/en/programmes/education>; <http://www.businessenglishonline.net/>), пользоваться различными словарями (<http://dictionary.cambridge.org/>; <http://www.neolex.net/>).

Обращение к аутентичным источникам позволяет сформировать межкультурную коммуникации, страноведческие фоновые лингвистические и экстралингвистические знания по иностранным языкам и расширить коммуникативную среду общения.

Также для усвоения грамматических навыков и повторения грамматических правил необходимы ссылки на учебники по грамматике изучаемого языка [5].

Создание и расширение коммуникативной языковой среды общения достигается с помощью организации тематических форумов на изучаемом иностранном языке. Студентам могут быть предложены следующие темы для обсуждения в форуме:

Please, discuss the following problems with your group mates:

- 1.What is friendship for you? How important is it for you to have close friends?
- 2.Education in the UK: the pros and cons.
- 3.A job of your dream.
- 4.The problems of migration in the Russian Federation: causes and consequences.
- 5.How to build a better world without extremism and force methods.

Особенный интерес представляют problem-solving tasks, но работа над ними в значительной степени зависит от уровня языковой подготовки, усвоения профессиональных знаний и степени готовности учащихся к осуществлению межязыковых коммуникаций.

В качестве индивидуальных заданий в целях формирования письменной компетенции письма при осуществлении деловых и профессиональных коммуникаций студенты могут сделать переводы деловых писем, в частности по УМК И.М. Овчинникова, И.И.Я рославская, В.А. Лебедева. Под ред. С.С. Хромова BUSINESS CORRESPONDENCE IN ENGLISH [3; 4]. К примеру, в качестве домашнего задания может быть задан перевод следующего делового письма:

Заключение

Интеграция электронных средств в учебном процессе по иностранным языкам создаёт предпосылки для создания инновационной методики обучения – «электронной методики», которая позволяет более эффективно и рационально решать комплекс методических задач на современном уровне обучения:

- формировать и совершенствовать коммуникативные компетенции в индивидуальном режиме с концентрацией своих творческих возможностей, расширяя круг партнёров в диалогическом, дискуссионном режиме;
- пополнять словарный запас как активный, так и пассивный лексики современного иностранного языка за счёт расширения коммуникации с носителями языка;
- знакомить обучаемых с социокультурными реалиями изучаемого языка и научными достижениями на мировом уровне;
- формировать у обучаемых устойчивую мотивацию к иноязычной деятельности в любой сфере коммуникации, включая профессионально - ориентированную;
- давать более глубокое понимание процесса обучения и расширение интеллектуальных возможностей обучаемого;
- расширять возможности самостоятельного обучения, делая обучаемого объектом индивидуального педагогического воздействия с постоянно - контролирующей функцией обучения.

Литература:

1. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации". от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 14.12.2015).
2. Каменева Н. А. Использование компьютерного перевода как средства межкультурной коммуникации при обучении иностранным языкам // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4-1 (34). С. 99-102.
3. Овчинникова И.М., Ярославская И.И., Лебедева В.А. BUSINESS CORRESPONDENCE IN ENGLISH: Учебное пособие для студентов экономических специальностей. Под ред. проф. Хромова С.С. / Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. – М.: МЭСИ, 2005. – 136 с.
4. Овчинникова И.М., Ярославская И.И. Professional Communication for the Linguistic Department. Под ред. проф. Хромова С.С. / Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. – М.: МЭСИ, 2007. – 231 с.
5. Турук И.Ф. Практикум по обучению грамматическим основам чтения специального текста (Английский язык). Учебно-практическое пособие: Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права. – М.: 2002. - 91 с.
6. Хромов С.С., Жданова Е.В. ЛЕКЦИИ ПО ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ И МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ \\\ Учебно-методическое пособие \\\ Москва, 2015.

**Чигашева М.А., МГИМО МИД России
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
СМИ ГЕРМАНИИ И ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕВОДА**

Лексическая система любого языка отличается высокой степенью подвижности. Именно она сразу реагирует на все изменения в жизни общества. Поэтому, несмотря на то, что на первый план в настоящее время выходит

коммуникативная функция языка, с полной уверенностью можно утверждать, что и номинативная или назывная функция не потеряла своей актуальности. Человеку по-прежнему необходимо обозначить себя в кругу себе подобных, выделить отдельных индивидуумов, их положительные или отрицательные стороны, привлечь к ним внимание. Проблемы ономастики занимают значительное место в современных лингвистических исследованиях. Не последнюю роль в этом играет и антропоцентрическая модель изучения языка и языковых явлений.

Номинативная функция языка отражается прежде всего в наличии большого количества онимов или имен собственных (ИС). Они представляют собой языковые единицы, аккумулирующие культурную информацию и отражающие, в частности, национальные особенности восприятия окружающей действительности носителями языка. Именно поэтому их и относят к сфере национально-маркированных единиц. Интерес к ИС люди проявляли еще в античные времена. Так, например, древние греки, римляне и египтяне выделяли их особое положение и функции в языке. Считается, что именно с этого времени и существует традиционное деление имен существительных на имена собственные (онимы) и имена нарицательные (апеллятивы). Несмотря на множество теоретических исследований, по некоторым вопросам ученые так и не пришли к единому мнению. Основные дискуссии ведутся вокруг способности онима выражать понятие. Менее значимым, но также неоднозначным, остается вопрос систематизации ИС. Существует не одна классификация онимов, и в каждой из них как отдельный класс выделяются антропонимы. Это, безусловно, свидетельствует о том, что они занимают значительное место в системе номинативных средств любого языка и участвуют в формировании языковой картины мира.

Следует отметить, что точная передача ИС на другой язык имеет большое значение в практике перевода. Неточности или опущение этой информации могут привести либо к искажению смысла, либо к потере национального колорита. Употребление антропонимов в текстах, предлагаемых студентам на занятиях по переводу, с одной стороны, облегчает задачу, с другой, осложняет, так как оказывается, что для адекватной передачи смысла недостаточно одной языковой компетенции. В этом случае требуются дополнительные экстралингвистические знания, потому что имена собственные, напомним, являются носителями уникальной культурной информации, потеря которой при переводе может привести к потере важной фактической информации и, возможно, к нарушению процесса коммуникации.

Перевод антропонимов с одного языка на другой может быть связан с определенными трудностями. В наименьшей степени это затрагивает фонетические особенности, хотя и здесь бывают нарушения. Ранее они были оправданы тем, что переводчик мог быть знаком только с графическим изображением имени, и переводил его в соответствии со своими знаниями, представлениями, предыдущим опытом. В этом случае приоритет всегда отдавался транслитерации. Известен пример, когда английского физика Ньютона (Newton) называли Невтоном. Впоследствии в отношении имен собственных в практике перевода утвердился прием транскрипции, что имело практическое

значение. В этом случае имена звучат одинаково в разных языках, и возможные коммуникативные нарушения сводятся к минимуму.

Современный политический дискурс характеризуется высокой частотностью использования ИС, что обусловлено объективными причинами. Невозможно описать актуальную ситуацию, не называя никаких имен. Интересно отметить, что употребление антропонимов может быть довольно разнообразным и приводит к возникновению прецедентности, когда широко известные имена обозначают не просто конкретного человека, а являются своего рода символом, культурным знаком, носителем определенной информации. При переводе такой информации на другой язык необходимо понимать, что скрывается за тем или иным именем собственным. Особый интерес в этой связи могут представлять, пожалуй, не имена действующих политиков-современников, которые встречаются практически в каждой статье или телепередаче, такие как Меркель, Путин, Обама. В таких случаях перевод не связан с решением сложной проблемы. Гораздо важнее обращать внимание на те имена, перевод которых требует дополнительных экстралингвистических знаний для выбора оптимального переводческого приема. Проиллюстрируем это на некоторых примерах. *Sille Zufriedenheit macht sich an diesem Sonntagnachmittag im Konrad-Adenauer-Haus breit, als die ersten Prognosen über den Ausgang der Landtagswahl in Sachsen eingehen: Mission erfüllt (F.A.Z., 01.09.2014)*. В данном случае нельзя прибегать к буквальному переводу – в доме Конрада Аденауэра. Это вызовет совершенно иную ассоциацию. К. Аденауэр, первый канцлер ФРГ, является знаковым именем для консервативных политиков, символом определенной идеологии и политической направленности, поэтому центральный офис ХДС и носит это имя. Встречаются и другие словосочетания, в состав которых входит это имя. Все они связаны с деятельностью этого политика, его заслугами и достижениями, признанием его особой роли в истории Германии. *1957 folgte das Verbot der "Kommunistischen Partei Deutschlands" (KPD). Sie hatte zum "revolutionären Sturz" des ersten Bundeskanzlers, dem so genannten "Adenauer-Regime" aufgerufen (dw.com., 01.03.2016)*. *Wie das Ende der Ära Adenauer begann (Zeit-online, 27.07.2013)*. *Die Gruppe ist größer als je zuvor: 44 Altstipendiaten der Konrad-Adenauer-Stiftung (KAS) sitzen derzeit im Bundestag (tagesspiegel.de, 25.06.2014)*. Соответственно существуют также словосочетания *Konrad-Adenauer-Stipendium* и *Konrad-Adenauer-Stipendiat*. Упоминание этого имени в текстах СМИ не вызывает, как правило, трудностей при переводе на русский язык, если «переводчик» имеет достаточно широкие фоновые знания.

Аналогичная ситуация наблюдается и в следующем примере. *Was viele im Willy-Brandt-Haus befürchtet hatten, ist eingetreten (fr-online.de, 15.03.2012)*. Речь идет о центральном офисе СДПГ, т.к. В. Брандт является ключевой фигурой для социал-демократов. Также встречаются словосочетания *Willy-Brandt-Ostpolitik*, *Willy-Brandt-Stiftung*, *Willy-Brandt-Zentrum*, *Willy-Brandt-Preis*. Это имя носят и некоторые учебные заведения, например, *Willy-Brandt-Realschule*.

Большие сложности могут возникнуть с менее известными для носителей русского языка именами. Для понимания смысла высказывания и подбора адекватного эквивалента необходимы широкие экстралингвистические знания, как в следующем предложении. *Doch auch an der neuen Chefin im Bandler-Block*

üben die Prüfer Kritik (spiegel.de, 27.07.2014). В здании, называемом Bendler-Block или Bendlerblock, располагается в настоящее время министерство обороны ФРГ. Само здание имеет богатую историю и связано с именем Иоганна Кристофа Бендлера (Johann Christoph Bandler), каменщика, а позже и муниципального политика Берлина начала 19 века, который много сделал для развития города. В данном случае представляется возможным опустить упоминание имени, потому что оно вряд ли о чем скажет носителю русского языка. Хотя при необходимости, возможен небольшой комментарий.

Прецедентным в политическом дискурсе может стать имя не только политика, но и журналиста, потому что политический дискурс опосредован дискурсом СМИ. Так, например, большой популярностью у немцев пользуется ток-шоу Анны Вилль на первом канале (ARD). Для того, чтобы при переводе донести эту информацию до носителей другого языка, необходимо это учитывать. Возможно, в переводном тексте потребуются уточнения, разъяснения или комментарий переводчика. Sechs Millionen Menschen sahen Angela Merkel bei Anne Will (spiegel.de, 29.02.2016). Anne Will widmete sich am Sonntagabend wieder einmal der Flüchtlingskrise (morgenpost.de, 07.03.2016). Если просто передать имя на русском языке, будет непонятно, кто такая Анна Вилль, какое отношение она имеет к Ангеле Меркель и почему занимается проблемой беженцев.

Хотелось бы обратить внимание также на одну особенность лексической системы немецкого языка, которая может представлять интерес для практики перевода. Речь идет о словообразовательных возможностях антропонимов, а точнее о деонимизации, т.е. процессе перехода имени собственного в нарицательное, при котором оно наполняется новым значением, и соотносится, как правило, с типичной деятельностью именуемого человека или его характерными особенностями. Исследователи прецедентных имен отмечают их способность переходить в разряд имен нарицательных, оставаясь при этом именем собственным. Кроме того, к их основным характеристикам относят наличие коннотаций и ассоциаций, а также экспрессивно-оценочную функцию (Блинова 2007). Такими же чертами обладают и деонимы, образованные от имен немецких политических деятелей.

Самую многочисленную группу составляют глаголы: abwaigeln, schrödem, guttenbergen, genschern, lafontainieren, hartzeln, merkeln и др. За каждым значением кроется конкретная, прецедентная ситуация, преимущественно проблемная или неприятная, в которой был замешан тот или иной политик. Это обстоятельство и приводит к появлению у деонимов негативной коннотации. Представляется возможным указывать на ассоциативный потенциал антропонимов. Функционируя в тексте, они теряют первоначальный смысл, меняют свое значение, приобретают новое, получая возможность полностью или частично участвовать в сигнификации. К ассоциативному потенциалу можно отнести набор стереотипных признаков, свойственных определенному образу в сознании носителей того или иного языка и непосредственно связанных с ним. С семантической точки зрения ассоциативный потенциал слова включает в себя представления о физических особенностях субъекта, чертах его характера, свойствах, поведении, внешности и т.д. (Малькова 2014). В каждом языковом сообществе выделяется широкий круг лиц, получивших известность в рамках

всего сообщества, или в определенных профессиональных кругах. Такая известность реального лица неразрывно связана с определенным объемом информации о нем. Эти сведения и образуют семантику наименования и устойчиво связываются с конкретным антропонимом. С точки зрения лингвокультурологии, ассоциации, связанные с антропонимами, несут важные фоновые знания, с позиций семантики, – определяют значение и прагматику лексических единиц. Эти ассоциации обладают устойчивостью и социальной значимостью для того или иного языкового сообщества, становятся своеобразными символами. Кроме того, представляется возможным выделить в значении деонима ядро (обозначение конкретного лица) и периферию (ассоциации, формирующие информационный и культурный фон данного имени).

Переход от антропонима к апеллятиву всегда мотивирован экстралингвистическими факторами, потребностью поиска новых наименований и более точного отражения действительности, связан с наполнением слова новым понятием. Но то, что может так выразительно передавать информацию в одном языке, вызывает сложности при ее переводе на другой язык. An manchen Schulen fragen sich die Schüler untereinander auf dem Pausenhof, ob sie bei Prüfungen „gutenbergen oder nicht gutenbergen“ (tagesspiegel.de, 13.03.2011): gutenbergen – списывать. In dieser Situation hat die Kanzlerin aufgehört zu merkeln. Sie wartet nicht mehr ab, zögert nicht mehr heraus, kalkuliert nicht mehr mit politischem Fingerhakeln und gesellschaftlichen Stimmungsentwicklungen. Merkel schrödert. Sie geht nach vorne, mutig, überzeugt und angriffslustig (rp-online, 7.03.2016): merkeln – бездействовать, schrödern – наступать, не сдаваться. Die Arbeitslosenzahl hat sich übrigens nicht halbiert; viele Menschen hartzten immer noch (dw-world.de): hartzten – жить на пособие по безработице. В 2009 году глагол hartzten стал «словом года» среди молодежи в Германии, а в 2015 году этого титула удостоился глагол merkeln, который получил еще одно значение «косить под Меркель». Конечно, не все подобные слова употребительны, связано это также с экстралингвистическими факторами – пока в языковом сообществе актуальна ситуация, вызвавшая появление нового слова, существует и слово. Если же теряется ассоциативная связь, из употребления выходит и лексическая единица. Однако в околориторическом пространстве, например, в твиттере, блогах и т.п., подобные новообразования пользуются большой популярностью, в первую очередь благодаря своей экспрессивно-оценочной функции.

Отмеченные особенности свидетельствуют о наличии в политическом дискурсе немецких СМИ специфических компонентов национальной культуры, стереотипов, менталитета, а также национальных реалий. Прецедентные имена являются частью национальной языковой картины мира, их культурная значимость для того или иного этноса закреплена в определенных признаках и ассоциациях. Употребление таких имен в дискурсе актуализует эти признаки в сознании носителей языка. И вместе с тем создает трудности для перевода, так как прецедентные имена представляют собой средства вторичной номинации. Успех создания эквивалентного переводного текста во многом зависит от умения понимать национально-культурную информацию и преодолевать культурные барьеры, создавая тем самым условия для его адекватного восприятия носителем

другого языка. По утверждению С.В.Евтеева, перевод представляет собой лингвокультурологическую интерпретацию переводного текста (Евтеев 2014: 28). Иными словами, перевод, как правильная интерпретация таких языковых знаков, может минимизировать или свести на нет коммуникативные нарушения и искажения.

Литература

1. Блинова Ю.А. Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007. – 168 с.
2. Евтеев С.В. Немецкий язык. Теория перевода. Основные положения: учеб. пособие / С.В.Евтеев; под общ. ред. А.Л.Семенова. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – 185 с.
3. Малькова В.В. Устойчивые сравнения как средство выявления ассоциативного потенциала русских и немецких слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 24 с.

**Шестакова Л.В., Тарасенко Л.В.
ВГУЮ (РПА Минюста России), ИСИ**

О РОЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Мы живем в стремительно меняющемся мире. Ещё несколько лет назад было принято трубить о триумфе процессов глобализации, расширении открытости границ, ускорении экономической и политической интеграции, взаимопроникновения культур и успехах политики мультикультурализма. Китай являлся одним из основных драйверов экономического развития, а Россия интенсивно встраивалась в мировой рынок труда и капитала. Россияне все чаще выезжали на учёбу, работу, лечение и отдых в другие страны, иностранные компании открывали свои предприятия на территории нашей страны, постоянно расширялось информационное пространство, внедрялись новейшие иностранные технологии. В таких условиях подчеркивалась необходимость подготовки специалистов, не просто овладевших системой профессионально ориентированных знаний, умений и навыков, но обладающих сформированными иноязычными коммуникативными и межкультурными компетенциями, способных осуществлять профессиональную деятельность с зарубежными партнерами на иностранном языке и адаптировать их опыт к своей специфике

Теперь обстановка кардинально изменилась. В связи с нынешним наплывом мигрантов умножились рассуждения о неминуемом распаде ЕЭС, закрытии границ, отмене евро и возвращении национальных валют, разделении единого гуманитарного и экономического пространства, полном крахе политики мультикультурализма. Усиливаются националистические и сепаратистские настроения. Прошли референдумы о выходе из страны в Испании и Шотландии. 23 июня текущего года в Великобритании должен состояться референдум о ее дальнейшем членстве в Евросоюзе, так что в английский язык уже прочно вошло слово Brexit «брекзит» (от англ. British Exit - британский выход), а в стране ведутся жаркие споры между «аутерами» (от англ. “out” - «вон») и «ремейнерами» (от англ. “remain” - «остаться»). В Китае наметился спад темпов экономического роста, а в России наблюдаются кризисные явления. В условиях

санкций сокращается объем внешнеэкономической деятельности, иностранные компании приостанавливают или прекращают свою работу в нашей стране, значительно сократилось количество выезжающих за рубеж, замедлились процессы бизнес-интеграции, международные контакты также не возрастают. В такой ситуации возникает закономерный вопрос, а нужно ли на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе при сокращении аудиторных часов, выделяемых на его изучение, уделять значительное внимание формированию коммуникативных и межкультурных компетенций. На наш взгляд, обязательно нужно. Именно овладение социокультурными знаниями и умениями, понимание национального менталитета, особенностей восприятия окружающего мира, истории, традиций и обычаев, т.е. всего того, что мы подразумеваем под объективной и субъективной культурой, позволяет избежать неудач на конкретных рынках и провалов при принятии политических решений. Несовпадение деловых культур в процессе взаимодействия означает дисбаланс в работе механизмов принятия решений самоорганизации и разрешения конфликтов. Например, предприниматель Д.Г. Потапенко в одной из своих лекций приводит случай из своего личного опыта, когда он закупил в Китае вагон шариковых ручек и стержней к ним, 90 % из которых, как оказалось, не пишут. При обращении к партнерам с целью возмещения ущерба ему ответили, что товар был поставлен в полном объеме, в указанные сроки и по оговоренной цене, а то, что ручки должны еще и писать, в контракте не указано, и потому никакие претензии или требования компенсации не могут быть удовлетворены. Более того, незнание или непонимание ценностных аспектов может приводить и к более серьезным последствиям. Если бы эксперты из МИДа и Генштаба объяснили нашему руководству, что туркоманы для Турции то же, что для нас русские на Донбассе, то, может быть, мы бы и сейчас продолжали покупать турецкие перцы и помидоры, а граждане по-прежнему могли бы ездить на отдых в Анталию и Бодрум.

В заключение хотелось бы добавить, что наличие большого количества аутентичных текстов, аудио – визуальных материалов и веб-сайтов позволяет сделать процесс формирования межкультурной коммуникативной компетентности не только информационно насыщенным, но и интересным.

Ширяева Н.В., МГИМО, Москва
ОСОБЕННОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ НЕМЕЦКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ
ТЕКСТОВ С УЧЕТОМ ИХ ДИАТОПНЫХ
И ДИАСТРАТНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ

Двойственность построения юридических текстов состоит с одной стороны в корректности и точности формулировки, с другой стороны в ясности и доступности восприятия со стороны адресата. В основе любой системы лежит знаковая система, с присущими ей национальными особенностями. Под этим следует понимать, прежде всего, не только языковое оформление, начиная с типа текста, и заканчивая выбором лексико-грамматических инструментов, но ментально-историческую характеристику рассматриваемого региона.

При внимательном рассмотрении немецких юридических текстов сразу же бросается в глаза иерархическое построение монолитных высказываний,

отягощенных различного рода оборотами и конструкциями, однородными членами. В качестве примера можно привести следующее определение термина «öffentliche Verwaltung», данное в одном из учебников:

«Öffentliche Verwaltung im materiellen Sinne ist also die mannigfaltige, konditional oder nur zweckbestimmte, also insofern fremdbestimmte, nur teilplanende, selbstbeteiligt entscheidend ausführende und gestaltende Wahrnehmung der Angelegenheiten von Gemeinwesen und ihrer Mitglieder als solcher durch die dafür bestellten Sachwalter des Gemeinwesens“.

(Wolff/Bachof 2016:12)

Данное определение невозможно не только правильно перевести, передав смысл высказывания, но даже понять. На русский язык словосочетание «öffentliche Verwaltung» переводится как «публично-правовое управление; государственное и муниципальное управление». Мы можем предположить, что речь идет о государственном управлении имуществом, которое в российской юридической литературе также не имеет однозначного толкования, так как проблема сочетает принципиальные положения двух отраслей права - частного и *публичного*. Данная ситуация еще больше осложняет осуществление перевода данного отрывка. Известно, что будущие юристы, не являясь лингвистами, опираются в большинстве случаев на знания, полученные ими на профильных занятиях, пытаясь при этом «подогнать» вербально уже сформулированный и существующий в голове контекст на родном языке к новому и якобы схожему по содержанию на изучаемом языке, что неминуемо влечет за собой ряд неточностей или серьезных ошибок. Сами немцы подчеркивают неопределенность, зачастую пространность определений в ряде юридических документов, которые являются причиной возникновения противоречий и исков, отягощающих работу органов юстиции.

Во время занятий следует указать на подобную специфичность немецких юридических текстов определенного рода. Было бы интересным и полезным продемонстрировать на ряде примеров возможность возникновения языковых лагун разного свойства, в том числе диатопного (географического) и диастратного (социокультурного) характера.

Перевод юридических текстов не является простой технической операцией, состоящей в поиске соответствующих эквивалентов. С нашей точки зрения, это целый комплекс, предусматривающий ознакомление учащегося с рядом особенностей, как языковых, так и социокультурных, психолингвистических. Примером могут послужить тексты нотариальных документов в Баварии. Известно, что нотариальное засвидетельствование является таким типом текста, который требует устойчивой и четкой формулировки. Возникает вопрос, насколько это возможно с учетом особенности исторического развития Германии (длительная раздробленность), которая нашла свое выражение в региональных особенностях, обусловленных определенными традициями и национальным характером (психологическая составляющая). Отсутствие на протяжении продолжительного времени унифицированной юридико-правовой системы нашло свое отражение также в языковом оформлении некоторых типов документов. В Баварии, например, существует свое специфическое обозначение мер и веса. Это находит свое выражение в договорах о недвижимости (Immobilienverträge). Прежде всего, это связано с сельскохозяйственным

характером экономики Баварии. Следующим примером может послужить система выборов. Казалось бы, что она такая как и в других землях, но жители Баварии могут оказать влияние на составление партийных списков. Национальные особенности выражаются уже на законодательном уровне, где четко проявляются языковые особенности региона:

Artikel 1.(1) Bayern ist ein Freistaat.

(2) Die Landesfarben sind Weiß und Blau.

(3) Das Landeswappen wird durch Gesetz bestimmt.

siehe hierzu das Gesetz über das Wappen des Freistaates Bayern vom 5. Juni 1950 (GBl. S. 207).

Artikel 2.(1) Bayern ist ein Volksstaat. Träger der Staatsgewalt ist das Volk.

(2) Das Volk **tut seinen Willen durch Wahlen und Abstimmung kund**. Mehrheit entscheidet.

Artikel 3.Bayern ist ein Rechts-, Kultur- und Sozialstaat. Er dient dem Gemeinwohl.

Durch Gesetz vom 20. Juni 1984 (GVBl. S. 223) wurde der bisherige Wortlaut des Artikels 3 zum Absatz 1 und folgender Absatz wurde angefügt:
„(2) Der Staat schützt die natürlichen Lebensgrundlagen und die kulturelle Überlieferung.

Durch Gesetz vom 20. Februar 1998 (GVBl. S. 38) wurde nach dem Artikel 3 mit Wirkung vom 1. März 1998 folgender Artikel neu eingefügt:

„**Artikel 3a.***Bayern bekennt sich zu einem geeinten Europa, das demokratischen, rechtsstaatlichen, sozialen und förderativen Grundsätzen sowie dem Grundsatz der Subsidiarität verpflichtet ist, die Eigenständigkeit der Regionen wahrt und deren Mitwirkung an europäischen Entscheidungen sichert. Bayern arbeitet mit anderen europäischen Regionen zusammen.*“

(<http://www.verfassungen.de/de/by/bayern46-index.htm>)

Из данного отрывка следует традиционность в представлении баварцев о своей определенной статусности по отношению к остальным землям. Данная сторона мало изучена с точки зрения лингвистики, психо- и социолингвистики, поэтому представляет собой особый интерес.

Было бы интересным определить смысловую наполненность понятия **Volksstaat**. Из статьи 3 следует определение Баварии как государства правового, культурного и социального. Это тоже является примером диатопии и диастратности.

Мы считаем, что необязательно рассматривать на уроках особенности всех земель, однако было бы интересным проиллюстрировать многообразие обычаев не только с точки зрения культуры, но и в правовой сфере. Именно данное противоречие представляет огромный интерес не только для лингвистики, но и для юриспруденции, поскольку наша страна также представляет собой многонациональное единство.

Следует также обратить внимание на единство системы права и языка. Язык права – это язык закона и государственного управления. Основной задачей его является регулирование взаимоотношений граждан и определение их правовых последствий. Насколько ясным будет языковое оформление, настолько минимальна будет вероятность возникновения коммуникативных неудач.

Поэтому основной задачей переводчиков является детальное рассмотрение всех составляющих, помогающих понять и передать содержание документа.

Следует выделить ряд особенностей языка права:

а) язык права строго привязан к действительности; существующая официальная терминология ограничивает общепринятые определения, не допуская иной интерпретации;

б) язык права отличается некой «замороженностью», переходя из одного поколения к другому, одобренные когда-то формулировки не подвергаются модификации, поэтому юридические тексты включают в себя вышедшие из обиходного употребления слова, что тоже осложняет восприятие текстов (например, корпоративно-правовое понятие „Tanzlustbarkeit“, определение ГГУ „Zubehör“ и „Früchte“;

в) из-за строгости в использовании терминов исключается синонимия; при этом при попытке перевести официально существующие тексты на современный язык происходит утрата смысла;

г) в юридических текстах наблюдается вытеснение глаголов существительными; некоторые номинальные образования тяжело переделать в глагольные сочетания (наприм., слово „Kaltfließpresse“).

й на языке. На данных занятиях учащиеся могли бы не просто ознакомиться с историей становления в нашем случае Германии как единого государства, но и проследить возникновение правовой системы и ее уникальности с языковой точки зрения. Неоспоримым фактом остается то, что любой перевод, даже самый идеальный, остается лишь передачей смысла содержания. Самого же содержание скрывается в понятийной сочетаемости единиц, фреймах, концептах. Процесс осмысления достаточно сложный, требующий соответствующего подхода к составлению пособий, что наводит на мысль о создании учебных пособий нового поколения с учетом вышесказанного.

Литература:

Wolff/Bachof Verwaltungsrecht, B.I, C.H. Beck 2016

**ЧАСТЬ 2. ПУБЛИКАЦИИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ -
PART 2. PAPERS IN FOREIGN LANGUAGES**

Arinova B., MSU

ESP COURSE CONTROVERSIES: IMPORTANCE OF GAPS

Learning English as a foreign language will soon turn (if not already) into something as ordinary as driving cars and using mobile phones. The importance of communication effectiveness and speed of reaction have perhaps superseded conventional setting such as the importance of cultural component of language teaching. Nowadays language learning after the higher education stage has quite a utilitarian purpose: language users seek opportunities to apply their knowledge or they are forced to due to circumstances. Such state of things inevitably leads to considerable simplification of the language for the sake of communication success. But does it necessarily mean that the end will justify the means, and how classroom communication can help learners of English for specific purposes to fit into modern communication frames. What should ESP teaching and learning take into account to help ESP learner meet modern communication needs?

In a non-native speaking environment 'a linguistic model will always be external to the students, but growth takes place inside him' (Brumfit 1979: 85). Putting too much focus on the model of the language rather than language use can lead to 'a neglect of process which will be pedagogically disastrous' (Brumfit 1979:180). In ESP courses a foreign language relates to the learners through their professional background, which at times may go ahead of that background or fall behind it. In other words, all participants – including ESP teachers – will sooner or later face certain gaps. As a famous British comedy-drama character, Jeeves once said to Bertie Wooster, "Your plan has too many imponderables" therefore such an undertaking "is fraught with the possibility of mishap". However, such a possibility of mishap actually has a number of benefits for the development of the language growth model and communication skills, in particular.

First of all, because 'we can only be said to be conveying a piece of information to someone if they do not already know it' (Johnson 1979:195) interaction depends on the existence of an information gap. The speakers or one of them facing such a gap will have different alternatives and hypotheses to test in a conversation. Thus such situations call for students' choice, selection or discrimination depending on the turn of the conversation.

Secondly, an information gap gives learners opportunities to test their knowledge, to negotiate the meaning and to produce their own texts within a dialogue in the class (Swain 1980:158). In case of ESP and EAP language learning process is tied to learning new legal concepts, which do not denote a physical object but rather represent a generalization of some real-life objects, situations or possibilities. Concept learning in general implies that learners undertake a great deal of linguistic work, which means they put a lot of cognitive efforts into the process of learning by daring their mind through language. This conclusion supports the views and ideas of L.Vygotsky that concept learning is tied to language learning and communication.

Third, information gap creates certain cognitive demands, which cause learners to direct attention to language resources stored in memory, to accurately or fluently communicate ideas, to make a judgment or a logical conclusion. From the point of

language teaching different tasks produce different effects on learners' language acquisition process. Some tasks will help correct and fossilize the existing knowledge. Other tasks can 'stretch learners' interlanguage and promote complexity of their language output. Thus an information gap can also be taken into account in terms of course development, in particular, task complexity, task sequencing, cognitive complexity and reasoning demand.

References:

1. Johnson, K., Communicative approaches and communicative processes, in Christopher J. Brumfit and Keith Johnson (eds.) *The Communicative Approach to Language Teaching*, 192 – 205. (1979) Oxford: Oxford University Press
2. Swain, M., *The Output Hypothesis: Just Speaking and Writing Aren't Enough*, 50 *THE CANADIAN MODERN LANGUAGE REVIEW* 158-164 (1980). Swain, S., *Three Functions of Output in Second Language Learning*
3. Vygotsky, L., *Thought and Speech*, 256 – 315, (written in 1934) Moscow; AST, 2011

Belenkova N.M., RUDN

**DIFFERENTIATION OF “METHOD” AND “TECHNOLOGY” CONCEPTS
IN MODERN LINGO-DIDACTICS**

Different educational technologies provide the effective development of the components of foreign language communicative competences. The choice of technologies depend on the level of learning, objectives, target audience and other factors. The integrated nature of educational challenges result in the synthesis of a variety of technologies and lingo-didactic systems of training.

The subject matter of lingo-didactic method and technology is different. Some researchers believe that the concept of methodology (methodical system) is wider than the concept of "technology", as it answers the questions "what, why and how to teach?", while technology deals with the problem "how to teach effectively, and how to manage efficiently the process of learning?" [Lavrentiev , Lavrentieva 2002]. Methodical system development implies the realization of the objective, content and process of its implementation. The development of a didactic technology is focused on the process of learning, its stages, determination of aims and objectives.

UNESCO considers educational technology as a development and implementation system of knowledge transfer and learning process in the interaction of human and technological resources [Technology Education Guide 2003].

The researchers of the XX century determined educational technology as pedagogical activity, integrating the laws of person's education, development, training and thus providing its results. The subject of educational technology is an interaction between students and teachers in various activities [Slastenin 1997, Clarin 1999 Stolyarenko 1998].

Researchers emphasize that education technology is an integrated system, which components are

- a system of operations and actions providing the statement of educational aims and objectives;

• essential informational, substantive and procedural aspects aimed at the perception and processing of information in order to improve knowledge, develop students' professional skills and personal qualities [Slastenin 1997].

Modern lingvo didactics draws considerable attention to the interactive technologies of teaching foreign languages that integrate communicative, socio-cultural, professional approaches to language learning.

Special attention is paid to such technologies as: problem-based learning (often used as a synonym for "Task-Based Learning") contextual learning, project learning, case analysis.

References:

1. Klarin M.V. Tekhnologiya obucheniya: ideal i real'nost'. — Riga, Eksperiment, 1999 180 p.
2. Lavrent'yev G.V., Lavrent'yeva N.B. Innovatsionnyye obuchayushchiye tekhnologii v professional'noy podgotovke spetsialistov. — Barnaul: Izd-vo Altayskogo gos. universiteta, 2002. — 156 p.
3. Slastenin V.A. Dominanta deyatel'nosti. // Narodnoye obrazovaniye. — 1997. — № 9. — P.41-42.
4. Stolyarenko L.D. Pedagogicheskiye tekhnologii. // V 2 kn.: Pedagogika i psikhologiya vysshey shkoly. — Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. — p.131-151.
5. Technology Education Guide. Division of Secondary, Technical and Vocational Education Section for Science and Technology Education, UNESCO, 2003. — 168 p.

Brenchugina-Romanova A.
Moscow Pedagogical State University
Denisova L.
Moscow Pedagogical State University,
Jan Chunlai
Yashun Institute of foreign languages,
Canzani, China

THE OBSERVATION OF THE PHENOMENA OF ISOMORPHISM IN THE LITERARY TEXT AS ONE OF THE CONDITIONS OF THE DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT OF STUDENTS ' SPEECH

Many researchers of the language of poetry, and specialists in the field of translation pay attention to such a universal phenomenon as isomorphism (from the Greek. *iso* – equal, similar; *morph* – form, shape): the inline isomorphism of the text of the original, the inline isomorphism of the text-translation and intertextual (cross-linguistic) equivalence of the original and the translation

Discussing the problems of translation, V. Razumovsky names isomorphism the "new translation operator" for creation a poetic translation of high quality [6]. In poetic texts "information complex" is transmitted by means of rhythmic, phonetic and semantic systems, elements of which operate in a poetic context.

A comprehensive study of all types of isomorphism is still under study and development. Today, however, the study of isomorphic phenomena of different language levels, attracts the attention of both translation experts and other researchers: linguists, literary critics, methodologists.

For example, existing in the present curricula of philological faculties of pedagogical universities discipline "Philological analysis of the text" developed in accordance with Federal state standards of higher education, is a course that integrates poetics, text linguistics and stylistics. Philological analysis combines philological analysis of literary and stylistic analyses. One of the objectives of the course is the consideration of intertextual interaction and identify its role in the organization of a literary text [5].

The consideration of intertextual relations is one of the ways to interpret a literary work. As N. Nikolina noted, for teaching senior students the techniques of philological analysis of poetry and prose text and determine its sequence the choice of points "convergence of functional significance" is especially important, among them - the intertextual relations of the text, incorporating it into dialogue with other texts and contributing to the interpretation of the work.

Isomorphous relations of language phenomena allow us to consider language units from the point of view of the opposing approaches: for example, from letter to sound, from sound to letter, from word to text, from text to word etc. Analyzing language units in the process of working with art (poetry and prose) text, students are faced with the isomorphism phenomena of language which are the underlying basis of syntactic sinonimiche.

According to V. Babaitseva, study of the syntactic synonyms – one of the most important conditions for the development and improvement of speech of the pupils, their linguistic intuition [6], which is extremely important in the training of students-philologists.

References

1. Бабайцева В.В. Избранное. 2005–2010: Сборник научных и научно-методических статей / Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – 400 с. URL: <http://textus2006.narod.ru/babay-2010.pdf> (Дата обращения: 21.02.2016)
2. Казакова Т.А. Изоморфизм как условие перевода // Материалы III Междунар. науч. конф. по переводоведению «Фёдоровские чтения». СПб.: Изда-во СПбГУ, 2002. – С. 274–284.
3. Караулов Ю.Н. О способах достижения функциональной эквивалентности в переводе // Сборник научных трудов МГЛУ. – М., 1996. – Вып. 426. – С. 76-91.
4. Найда Ю. Изоморфные связи и эквивалентность в переводе. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 35–42.
5. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
6. Разумовская В.А. Изоморфизм поэтического текста и проблема переводимости // Russian Language and Literature Studies. Серия № 21, 2008. –№ 3. – С.42-46.

Davtyan V.V., RUDN

READING, PRONUNCIATION, INTERFERENCE: OBSTACLES AND SOLUTIONS

Learning foreign languages has become a necessity that involves extensive study of major European languages: Spanish, French or German. In recent years, Spanish is known to be widely used as a second foreign language by the majority of students.

Most of first year students at Peoples' Friendship University of Russia, Law Institute, following the curriculum requirements that envisage studying two foreign languages choose, for example, English as a first language and Spanish as a second one.

The choice of Spanish as a second foreign language is dictated by the following reasons:

- Spanish is a working language of the UN that strengthens its international status and increases its global importance;
- It is becoming more and more popular every year;
- It is one of the leading languages after English and Chinese;
- It is spoken in 21 countries;
- about 45 million people speak Spanish in the USA;
- knowing Spanish and English one can communicate with the great part of Europe and America;
- It is an easy language;

Taking into account the last argument the students are deeply mistaken that we can see further.

It's well known that learning any foreign language starts with the introduction of the rules of reading. Touching this aspect, it should be noted that in German, French and Spanish there are strict rules of reading. But we can't say that about English where these rules are extremely vague and unstructured which suggests the presence of transcription.

As a language (except English) has clear rules of reading, a student is expected to be able to read any word without its help. It is widely believed the students already have experience of studying the first foreign language, so mastery of a second foreign language should go more smoothly. But from the very beginning the students face a lot of problems in the process of reading and make the following typical mistakes in:

a) articulation

- reduction of vowels a/o – color/calor, contar/ cantar, pero/pera;
- weak diphthongs ue/ ua – guapo, cuaderno, duermo, puerta;
- wrong pronunciation of some consonants:
 - ll- llave, lluvia, calle
 - r/rr- pero/perro, toro/torre

b) rules of reading where English interferes into Spanish

- h [h] should be omitted - hotel, hacer, ahora;
- open syllables [ai] [ju:] can't be used – escribir, estudiante;
- t [t] can't be read as a stop consonant – todo;

It should be noted that this is an incomplete list of mistakes made by the students.

Based on the above, the following aspects should be considered in learning a second foreign language:

1. The degree of influence (both positive and negative) of the first foreign language. This degree is determined by the students' level of proficiency.
2. The level of formed skills in the first foreign language influences the formation of language skills in the study of a second foreign language.

Demidova I.V.

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

EMBEDDING E-LEARNING TECHNOLOGIES INTO TEACHING

Introduction

Students in a traditional classroom environment depend on the teacher to deliver, guide, manage, and maintain the flow of instruction. The student views the teacher as an authority figure conveying information in a face-to-face learning environment. However, this is not the case in an online learning environment where there is a shift in the student-teacher relationship, the educational model, and the learning environment. This transition and integration of e-learning technologies is now the most important approach in teaching pedagogy. A successful e-learning environment embodies a blended educational approach, which is required to meet the needs of today's students receiving public education. Modern learners have grown up in a world where technology and Internet are fully integrated into their everyday life. Thus, they wish to use this resource in order to help them to study, to acquire knowledge in their interested fields, and even develop specific skills that will enable them to make a difference in the labor market. The first role of e-learning is to go beyond the academic field and to allow the student to build a unique profile thanks to customized and individualized trainings.

Blended learning

Blended learning is an integration of synchronous and asynchronous learning approaches and the use of supporting technologies, which can be integrated in the classroom or in online learning environments. The transformative potential in combining a synchronous and asynchronous approach to the current education system results in an e-learning approach to education called blended learning. There is research evidence that blended learning environments have the potential to transform learning.

E. Sulitskaya in her article indicates that information and communication technology used in the classroom decreases student barriers to learning and improves student achievement. Students achieved better in online learning environments compared to traditional classroom only environments. Other benefits achieved by e-learning environments included better student attitudes toward content and student satisfaction with delivery of instruction and learning compared to traditional only formats. The author supports using computer technology, social media, and various web applications to increase student participation, motivation, and ultimately increasing student achievement.

Benefits of e-learning

E-learning has metamorphosed the education system existing and is practised in different parts of the world. Aided by the technologies like cloud hosting, online video conferencing, app-based learning, the new learning system has simplified study and access to knowledge. This has made it a popular tool to receive high-quality education in a convenient manner. In the last few years global online learning market has seen

tremendous growth and industry is expected to grow further. Today, students have the choice of selecting courses and institutes which may boost their career. There are many learning programmes offered via online by reputed and new education institutions. E-learning providers are looking to offer almost every course to the learners. Since the courses and institutes are recognised by the employers, the value of the online degree, diploma and certificates are growing. With e-learning, many universities have extended the scope to new, current and updated contents.

The global e-learning market is expected to continue its rapid growth in the coming years. As shown in the article “E-Learning Market Trends and Forecasts 2014-2016 Report”, an inflow of \$6 billion investment in the E-learning industry worldwide has been seen recently worldwide. The global market will generate revenues of more than \$15 billion in 2016. The report was made by Docebo, a disruptive Cloud E-Learning solutions provider with over 28,000 customers worldwide and an international partner network in more than 26 countries. [2]

“Ambient Insight” is an international integrity-based market research firm that uses quantitative predictive analytics to identify revenue opportunities for global e-learning and Mobile Learning suppliers. The firm publishes quantitative syndicated reports and provides proprietary custom research to suppliers and private investment firms. In the report “The Worldwide Market for MobileLearning Products and Services: 2010-Forecast and Analysis” the firm claims that e-learning has been becoming more commonplace in many parts of the world with the USA being a leader in this area (more than 50% of the worldwide e-learning market). In the nearest future India would see 60%, China-50%, Malaysia-40%, Indonesia-25% market growth of e-learning products. The list of the top includes some Eastern European countries such as Romania (38 %), Poland (28%), the Czech Republic (27%) and Ukraine (20%). Business education has spurred e-learning in Russia, but Russia has still failed to keep up with the leaders in this area like the US. It is evident that Russia has no less potential to develop e-learning than other countries but here we faced some problems. [3]

Barriers and challenges of implementing e-learning

While Russia tries to keep pace with the U.S. and other countries developing e-learning strategies it should take the approach with a pinch of salt. Educators should not make the mistake of getting wrapped up in the potential benefits and failing to properly address the challenges that come with e-learning implementation. Understanding what some of the top challenges to e-learning implementation are and how to address them can ensure greater academic success. . Regardless of numerous advantages of e-learning including flexibility, time-efficiency and convenience, sceptics point out to weaknesses of introducing these strategies:

Lack of computer competency among some categories of learners. This category of learners may not be too comfortable using computers, especially if their jobs do not require them to. Therefore even if the software is user friendly, the very idea of using the software can be daunting and demotivating for some of them and they are likely to learn a lot less than they would from a physical course.

Lack of control. Learners with low motivation tend to fall behind when using e-learning as there are no set times to be doing it and they are responsible for the organisation themselves. A lack of routine or fixed schedule can mean e-learning

becomes complicated with various deadlines often given to different people at different stages of their learning.

Neglecting of learning approaches differences. Generally, e-learning does not appeal to all learning styles so some learners may not enjoy the experience as some of learners prefer images, some prefer just reading words and some prefer to talk about or actually do a task in order to learn.

Isolation. E-learning often does not allow trainers give an instant answer to numerous questions which can often demotivate learners as they may feel that they do not have the support and reassurance that the physical presence of a trainer provides. This leads to frustration among the students and thereby affects the ease in the training and learning process. Trainers have to foster effective feedback.

Issues related to technology aspects. With heavy reliance on computers that e-learning brings, trainers should consider the potential risks which come with it. For instance, you need to ensure that all learners have a device that is able to support the training modules. Poor internet connection and unavoidable general random faults also can interrupt learning and so need to be planned around. [5]

Difficult adjustment of online courses to Russian universities' curricula.

The collaborative platforms to optimize learning

V. Semina points out to lack of control from tutors, face-to-face communication in e-learning. She notes that e-learning is more and more used as a complement to the academic learning process. There are increasingly more online training platforms and private lessons; more than ever, students rely more on resources that they can choose for themselves on the Internet rather than what is required from them through academic institutions. The access to these platforms is becoming easier and more instant, especially thanks to the availability and increased use of smartphones. E-learning has essentially enabled students to gain increased control on their own training and learning. [4]

The most commonly known and recognized online learning platforms is ***Massive Open Online Course (MOOC)***, a set of web-based classes that offer students self-paced learning in their subject of choice. The MOOC and low priced web learning facilitators have repositories of knowledge contents of various subjects, lessons and topics. Their video, text, infographic and audio study materials allow students greater access to latest learning contents. In most cases, students can download the video lectures or text notes and graphic presentations. This allows trainers to devote more time to focus on the students and evaluate their performance. Although Moocs are non-degree programmes, the content of many of these courses is often similar to that of a university-level programme. The Mooc platforms that stream online lectures, such as Coursera, edX, Udacity and NovoEd, point to partnerships with the leading business schools as a sign of their credibility. Some Mooc platforms, including Coursera and edX, partner with top universities to offer courses. Recently-listed free courses, on aspects of business, in the MOOC interactive directory include:

- Algorithms, Part I
- App Marketing
- Career Edge: Business and Data Analysis
- Algorithmic Toolbox
- App Monetization
- Career Edge: Communication and Teamwork

- Basic Statistics
- Big Data, Cloud Computing, & CDN Emerging Technologies
- Big Data: from Data to Decisions
- Big Data: Statistical Inference and Machine Learning
- Conflict Resolution Skills
- Data Structures
- Developing An Entrepreneurial Mindset
- ...
- Effective Problem-Solving and Decision-Making
- Essentials for English Speeches and Presentations
- Exploratory Data Analysis
- Fundamentals of Graphic Design
- Giving Helpful Feedback
- Influencing People
- Introduction to Process Mining with ProM
- Leadership in 21st Century Organizations
- Make an Impact: Sustainability for Professionals
- Personal Branding
- R Programming
- Regression Models
- Strategic Self-Marketing and Personal Branding
- The Importance of Money in Business
- Understanding Financial Markets
- Becoming Part of the Globalised Workplace
- Big Data: Data Visualisation
- Big Data: Mathematical Modelling
- Career Brand Development and Self-Coaching
- Creative Problem Solving
- Design Kit: Facilitator's Guide
- Discovering Ideas
- Engaging in Persuasive and Credible Communication
- Establishing a Professional 'Self' ...
- Financial Markets
- Getting and Cleaning Data
- Grammar and Punctuation
- Innovation Career Lessons from a Master
- Introduction to Public Speaking
- Machine Learning
- Mobile Application Experiences: From a Domain to an App Idea
- Product Design
- Rapid Prototyping
- Strategic Career Self-Management
- Strengthening Your Widening Network
- Types of Conflict
- Writing Professional Email and Memos(Project-Centered Course)

Conclusion

Education system's goal and mission is aligned with increasing student achievement and improving teaching methods and strategies. Now more than ever there is a sense of urgency to transform education into something new and innovative. Traditional education is beginning to give way to more innovative learning approaches. This is due to the increase in availability and number of information technologies changing the way people use technology in their everyday lives. Despite the many teachers have already embedded the use of computers and the internet into their lessons the effective use and

integration of these technologies are still quite slow. Universities in different countries pool their intellectual and financial resources in order to gain their own niche in the market of cross-border education. In the situation, when Russia is threatened with not only real but virtual outflow of students as well, we have to admit that fast development of innovative approaches to learning and teaching is a good way to save national intellectual capital. E-learning may in general undermine the competitiveness of Russia's universities in the long-run.

References

1. Сулицкая Е.Е. Технологии смешанного обучения иностранным языкам студентов специальности «Таможенное дело» В сборнике: Наука 2014: итоги, перспективы Материалы международной научно-практической конференции. Центр содействия развитию научных исследований; научный редактор - Е. А. Омельченко. Москва, 2015. С. 47-53.
2. Docebo “E-Learning Market Trends and Forecasts 2014-2016 Report” 2014 [Электронный ресурс] URL: <https://www.docebo.com/landing/contactform/elearning-market-trends-and-forecast-2014-2016-docebo-report.pdf> (дата обращения 25.03.2016)
3. S. Adkins “ The Worldwide Market for Mobile Learning Products and Services”. 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ambientinsight.com/Resources/Documents/Ambient-Insight-2010-2015-Worldwide-Mobile-Learning-Market-Forecast-Executive-Overview.pdf> (дата обращения 25.03.2016)
4. Сёмина В.В. Использование онлайн технологий в процессе преподавания иностранного языка В сборнике: Повышение академической мобильности преподавателей и студентов, в рамках сотрудничества РЭУ им. Г.В.Плеханова с международной образовательной корпорацией «Pearson» сб. науч. трудов Международной научно-практической конференции. Под редакцией М.В. Зарудной. Москва, 2016. С. 180-184.
5. Демидова И.В., Мясковская Т.В. Project-based learning strategies. В сборнике: Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования Сборник научных статей международной конференции. Алтайский государственный университет. Барнаул, 2015. С. 2296-2298.

Emelyanova T. V., RUDN

EDUCATIONAL MATERIALS FOR TEACHING TRANSLATION TO LAW-STUDENTS

Today, adequately selected educational materials for teaching professional English-language translation and languages for special purposes /LSP/ are of vast importance. University's language teachers faced the problem of shortening classroom time together with the greater demands for the graduates' preparedness for professional translation and mediation. Teaching English at Institute of Law, Peoples' Friendship University of Russia /PFUR/ we have to use the tutorials, audio/ video and authentic texts of wide occupational information content that reflect topical issues of contemporary practice of Russian lawyers and their foreign colleagues. These materials' content is rife with the English-speaking specialized terminological phrases and examples of real professional communication in multi-cultural world.

Various authentic teaching materials are selected to teach bachelors and masters studying at Institute of Law, PFUR. Among them are the following: “Introduction into International Legal English” [4], “Professional English in Use. Law” [3], “Test Your Professional English: Law” [2], as well as a range of academic and non-fiction texts, feature materials, information about forensic linguistics, legal documents, news by BBC, CBS, CNN, Moscow News, Moscow Times, etc. These sources are colossal database to perform different communicative activities and exercises aimed at the development of translation, paraphrase-translation, and mediation skills. For example, while studying cross-examinations materials or fragments of some dialogues during the trials first students read/ reproduce participants/ characters’ dialogues and translate them, commenting on the new terminological units. Then they make up possible logical continuations of these dialogues, using professional knowledge gained in the study of other disciplines, and finally they act out these dialogues in classrooms what is really good for their future practical employment.

At home working with materials of different press, for example, Moscow Times, or news channels BBC, CNN, etc. students have the opportunity to read or see news as much as necessary times to note down unknown terms and cope with used grammar. While studying Units of authentic teaching materials [2, 3, 4], many new words and phrases may cause a special interest in students, for example:

adjudication – адьюдикация, осуждение, вынесение судебного приговора,
 a negative pledge – отказ от создания дополнительных обременений, оговорка об отказе залога,
 alleged offences – предполагаемое/ инкриминируемое преступление,
 a sequence of correspondence between a solicitor and his client – последовательность переписки между адвокатом и его клиентом,
 a transfer of the title to the property – передача/ уступка права собственности на имущество,
 cross-examination – перекрестный допрос,
 Med-Arb/ Arb-Med – медиационный арбитраж,
 Mediation – медиация,
 the aforementioned/ the foregoing – вышеупомянутое,
 the burden of proof – бремя доказывания, обязанность доказывания,
 and many other terms and terminological units.

The foregoing authentic sources are also used in our work in order to better prepare students for writing final qualifying works in English. Special attention is paid to the translation of scientific texts and documents of the professional subjects. Legalese is replete with legal Latin terms, that’s why we also turn our students’ attention to them and offer special English-language synonyms, for example:

affidavit – witnessed, signed statement,
 bona fide – in good faith,
 caveat – warning,
 de facto – in fact,
 de jure – by right,
 in camera – hearing a case in private,
 in curia – in open court,
 ipso facto – by the fact,

sub judice – in the court of trial,
ultra vires – beyond the power,
and so on and so forth.

"The linchpin in the process of training students to professionally oriented foreign language communication should be the formation of skills:

- to express professional knowledge in a foreign language;
- to establish contacts and a wide range of verbal/ non-verbal interaction of communicants " [1, p.115]. Thus, it can be stated that the organization of educational process with the use of adequate authentic teaching materials, described in this article, allows to prepare Institute of Law graduates for professionally oriented English-language communication in a dynamically changing environment. They practice the English-speaking professional activities in class and later, they are to perform well in the real world.

Summarizing all the above, it may be concluded that properly-chosen authentic teaching materials guarantee some success in the process of teaching English for special purposes, professional translation and mediation, and, accordingly, the achievement of students' interdisciplinary results.

References:

- [1] Емельянова Т.В. Межкультурный контекст формирования профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции студентов-юристов// Лингводидактические аспекты обучения профессиональному общению. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 564. Сер. Педагогические науки), 2009. – С.107-117.
- [2] Brigger Nick. Test Your Professional English: Law. Longman, 2002. P.112.
- [3] Gillian D. Brown, Sally Rice. Professional English in Use. Law. – Cambridge University Press, 2007. – P.128.
- [4] Krois-Linder Amy, Firth Matt and TransLegal®. Introduction into International Legal English. – Cambridge University Press, 2009. – P.160.

Gorbatenko O.G., Gorbatenko R.G., RUDN TRAINING COURT INTERPRETING

Training court interpreting takes a special requirements. Significant weight should be attached to legal vocabulary.

During court proceeding, court interpreters attempt to create sort of equivalence and balance in their tasks which from De Jongh's view, it is not only restricted to linguistic word for word translation but also to transmission of signs and cultural perceptions. According to Nadiya Sulaiman Issaei, the idea which is offered by De Jongh plays a practical role for interpreters who endeavor to perform high quality translation. She lays emphasis on linguistic competency and mastery which is necessary for court interpreters. They should be very careful with selecting the words in order to avoid any misunderstanding in interpreting process and that's why, court interpreters must be aware of all usage of linguistic items during interpreting activity. (Issaei 2007, 59)

Court interpreters should be attentive to levels of conventionality and forms of addresses which may be applied in different shapes and manners in the source and target language. The main point in such cases is focused on court interpreter's liability

in maintaining the speech development, style and level of speakers' language in a courtroom. In other words, if the court interpreter tends to clear up or edit a witness testimony, it may give rise to an inaccurate oral form of the statement and misunderstanding among court participants. According to De Jongh article, court interpreters should be perfectly full- fledged professionals who administer justice in the courtroom. They should master linguistic and cultural issues in court proceedings and apply and accomplish the best and comprehensive interpreting strategies in order to cope with court interpretation complexities and problems. (Issaei 2007, 59)

Furthermore Haydee Claus in her article "Court interpreting: Complexities and Misunderstandings" states that court interpreting requires a high adequate level of language proficiency and mastery.

Otherwise the judicial individuals misunderstand the statements and accruing the errors will result in non authenticity and non precision of justice process. In her judgment court interpreting is a particular sophisticated process where she recognizes the necessity for comprehensive professional knowledge of minimum two languages as well as for strict training programs in court interpreting. (Claus 1997).

Reference:

- 1.Issaei, Nadiya Sulaiman. Court Interpreting in the Sultanate Oman. Sharjah, UAE: Faculty of the American University of Sharjah, College of Arts and Sciences, 2007.
- 2.Claus, Haydee. "Court Interpreting: Complexities and Misundrestandings." Alaska Justice Forum, 1997.

Kalasnikova E.P.

Russische Universität für Völkerfreundschaft

ZUR FRAGE DER KOMMUKATIONSFÄHIGKEITEN

Der Kern interkultureller Kommunikationsfähigkeit ist ein möglichst umfassendes und differenziertes Wissen über andere Kulturen.

Im Zeitalter der Massenmigration und eines immer schneller und komplexer werdenden Informationsaustausches nimmt die Häufigkeit interkultureller Kontakte rapide zu. Wenn Menschen verdschiedener Kulturen einander begegnen, treffen unterschiedliche Weltansichten, Wertorientierungen, Normen, Vorstellungen und Einstellungen aufeinander. Fehleinschätzungen sind dabei vorprogrammiert: Mit der Entfernung der Kulturen voneinander wächst auch die Möglichkeit interkultureller Missverständnisse.

Es ist von grosser Bedeutung, die Fähigkeit zu entwickeln, mit Verschiedenheit umgehen zu können: Verschiedenheit in der Sprache, in der Mentalität, im Verhalten.

Kenntnisse allein sind nicht genug. Genauso wichtig ist es, solche Qualitäten bei sich zu entwickeln wie Respekt vor fremden Kulturen und Toleranz. Sie sind in einer Zeit, in der ein Dialog der Kulturen notwendiger scheint denn je, von zentraler Bedeutung.

Wenn jeder glaubt, seine Kultur, seine Religion oder Nationlität sei die einzig richtige, dann gibt es Probleme bei der Verständigung, im Zusammenleben, in der Zusammenarbeit.

In der Interaktion zwischen Russen und Deutschen entstehen verschiedenartige sprachliche , kulturelle Barrieren, die zu Missverständnissen führen.

In standardisierten kommunikativen Situationen, z.B. bei Kontaktgesprächen, Kauf- und Verkaufsgesprächen usw. werden in Deutschen das Entgegenkommen, Freundlichkeit und Höflichkeit verbal besonders hervorgehoben.

Im Deutschen fallen viele Umschreibungen auf, die besonders höflich wirken:

Würden/ wollen/ könnten Sie mir den Gefallen tun?

Macht es Ihnen etwas aus, zu...

Sie möchten bitte zu Herrn D. kommen.

Im Russischen dagegen fällt der Hang zu Gefühlsäußerungen und Wertungen aller Art auf:

- Ты себе представить не можешь, как я тебе благодарна.

- Умоляю тебя, принеси газету.

Die Deutschen wundern sich über die Gefühlsausbrüche der Russen. Die Russen ihrerseits kritisieren die übertriebene Höflichkeit der Deutschen.

Bei Verhandlungen, Diskussionen, Beratungs-, Amtsgesprächen kommen im Deutschen Kooperations- und Antikonflikttaktiken - (sichtbares) Solidarisieren, Gebrauch von indirekten Sprachhandlungen zur Meinungsäußerung - öfter vor...

Im Russischen dagegen überwiegen Taktiken zur kompromisslosen Verteidigung eines Standpunktes und der Entschiedenheit der Meinungsäußerung, auch der Anteil an Unterbrechungen ist hoch...

Diskussionen in der Duma geben das russische kommunikative Verhalten wieder.

Es ist wichtig, für sich selbst Orientierungsstrategien zu entwickeln, die einem in jedem beliebigen fremden kulturellen Umfeld ermöglichen, sich schnell zurechtzufinden und der Situation entsprechend richtig bzw. angemessen zu reagieren.

Dafür werden spezielle Kurse angeboten, in denen man lernt, mit Angehörigen einer fremden Kultur effektiv, empathisch, mit einem Minimum an Missverständnissen und dem geringsten Verlust an Autonomie umzugehen.

Literaturverzeichnis

1. Knapp-Potthoff, Annelie (1997): Interkulturelle Kommunikationsfähigkeit als Lernziel. In: Knapp-Potthoff, Annelie; Liedke, Martina (Hg.): Aspekte interkultureller Kommunikationsfähigkeit. München: iudicium, S.181-205

2. Marina Gorodnikowa (2000): Weltbild und kommunikatives Verhalten. In: Sprachenpolitik Russlands im europäischen Kontext. Moskau S.86-87.

Karaulova T. K., RUDN

Sulitskaya E.,

Plekhanov Russian University of Economics.

STUDENTS' LEARNER AUTONOMY THROUGH APPLYING BLENDED TEACHING TECHNOLOGIES IN ELT AT NON- LINGUISTIC UNIVERSITIES

The issue of students' learner autonomy development has been in focus of higher education faculty since the 1970s. It has become especially challenging in the light of the latest trends brought about by the on-going reform of Higher education of Russia. It is impossible to overestimate the value of this aspect in terms of foreign languages teaching. The transition to the socio centric paradigm in the Russian education together

with the introduction of the competency approach to teaching have made the solution to this problem especially urgent.

The idea of sharing teacher's responsibility for the result of learning with the student was formulated by H. Hollec (1981) for the first time and further developed by Dickinson (1987) Little (1991), Smith (2000) and others. It was then revised and defined more precisely in the Russian scientists' works (N. Koriakovtseva,)

One of the latest and most comprehensive definitions of the notion was offered by E. Nasonova. According to it "student's learning autonomy is the individual's willingness to take the responsibility for the process of learning, to be ready to self-study and self-develop in terms of education and professional growth."

At the same time, the term "students' learner autonomy" should not be confused with such a term as "self-study". As compared to the latter, "students' learner autonomy allows young people to determine the objectives of their studies, to select the contents (material), to set short-term and long-term goals, to choose the most convenient methods and techniques, to evaluate the results. Thus, the students are involved in the decision making process.

Moreover, the development of students' learner autonomy has changed the entire paradigm of student-teacher relationship allowing the teacher to become closer to the student, better motivate him and monitor his progress in mastering the language.

The application of cutting edge blended teaching technologies in ELT at universities could be highly beneficial for the development of students' learner autonomy, as they provide a plethora of opportunities and advantages enabling university teachers to enhance the efficiency of both classroom and extracurricular work, which is actually valuable now, when classroom hours are rather scarce.

Kruse I.I.

Russische Universität für Völkerfreundschaft

DISKUTIEREN IM AKADEMISCHEN KONTEXT

Im vorliegenden Beitrag versuche ich die Einzelschritte des Kompetenztrainings „Diskutieren“ im Rahmen der Österreichisch- Russischen Sommerschule für Juristen (Salzburg) zeigen.

Das Vermitteln unterschiedlicher Kompetenzen nimmt in einem modernen fachbezogenen fremdsprachlichen Unterricht einen immer höheren Stellenwert ein.

Alle Studierenden haben eine recht konkrete Vorstellung davon, welch ein riesiges Ausmaß an Diskussionsbedarf an Universitäten weltweit vorherrscht. Und Paris Lodron Uni in Salzburg und RUDN in Moskau sind keine Ausnahmen.

Erstaunlich ist dabei, dass gerade universitäre Ausbildung, die Diskutieren und Argumentieren als feste Bestandteile des Lehrprozesses hat, eben diesen beiden Fertigkeiten nicht so viel Trainingszeit schenkt.

Diskussionen sind auch unser Alltagsleben außerhalb der Universität: Kaum ein Tag, an dem wir nicht argumentieren müssen – bei der Arbeit mit den Mandanten, zu Hause mit den Verwandten, in der Freizeit mit Freunden. Wir tragen die eigene Meinung vor, stellen Fragen, erwarten und geben Antworten, hören Argumente von anderen. Wir konfrontieren mit Argumenten bei den Fernsehdebatten oder Talkshows, auch wenn wir eine Zeitung oder einen Blog lesen.

Richtiges Diskutieren soll gelernt werden. Unser Versuch besteht darin, mit Studierenden aus Russland und Österreich im Rahmen der Österreichisch – Russischen Sommerschulen für Juristen auf dem Niveau B1 einerseits die wichtigsten praktischen Tipps zusammenzufassen und andererseits zahlreiche Aufgaben und Übungen zu gestalten, die Kompetenz „Diskutieren“ vermitteln und trainieren.

Bevor Training zu organisieren, stellen die Teilnehmer/innen der Sommerschule fest, dass „Diskutieren Austausch von begründeten Meinungen zu einem Thema ist“. Falls es Bedarf an einer Diskussion entsteht, kann man geplante Ziele erreichen:

- Die Diskussionspartner von eigener Ansicht überzeugen
- Ein Problem durch den Austausch von Argumenten lösen
- Eigene Meinung mit anderen austauschen.

Die Studierenden erarbeiten die Faustregeln für akademische Diskussionen. Eine Diskussion im privaten Bereich erscheint oft spontan und regellos von Emotionen geleitet. Dabei ist es fast unmöglich, zu einem konstruktiven Ergebnis zu kommen. Bei einer akademischen Diskussion sollten alle emotionalen Aspekte intelligent unterdrückt werden. Es lohnt sich, die Regeln für eine sachliche Diskussion festzustellen. In Gruppen (4-6 Personen) bearbeiten die Teilnehmer/Innen folgende Aufgabe:

Lesen sie die Tipps für eine akademische Diskussion. Bewerten sie die Wichtigkeit der Tipps für Sie: Tragen Sie eine „0“ für unwichtig, eine 1 für „wichtig“ und eine 2 für „sehr wichtig“ in die linke Spalte ein.

0,1,2 Tipps

sich gründlich über das Thema der Diskussion informieren
den Sprecher/in ansehen

Argumente notieren, die Diskussionsgegner vorbringen

sich überlegen, wie Gegnerargumente zu entkräften sind

nur Argumente, von denen selbst überzeugt ist, vorbringen

Argumente notieren, die eigene Meinung zu dem Thema unterstützen

sachlich bleiben, niemanden mit eigenen Argumenten verletzen

niemanden unterbrechen

sich selbst nicht unterbrechen lassen

beim Sprechen Blickkontakte pflegen

beim Antworten auf das Vorhergesagte eingehen (Argumente der Anderer

nicht ignorieren)

einen Kompromiss streben (in eigener Position ein bisschen nachgeben)

In einer Diskussion widerspricht man Gesprächspartnern und äußert eine andere Meinung. Widerspruch intelligent und konstruktiv zu formulieren und mit einem Alternativvorschlag oder einer anderen Idee zu kombinieren, diese Fertigkeit wird auch geübt.

Welchen der Sätze finden Sie eher höflich, welchen eher unhöflich? (Studierende arbeiten zu zweit).

„h“, „un“ Sätze

So kann man das nicht sagen!

Da bin ich ganz anderer Meinung!

Das ist Unsinn!

Das glauben Sie doch selbst nicht!

Entschuldigen sie bitte, wenn ich ihnen widerspreche!

Das sehe ich etwas anders!
Tut mir leid, da kann ich Ihnen absolut nicht zustimmen!
Meinen sie nicht, dass man das auch anders beurteilen könnte?

Um erfolgreich an einer Diskussion teilzunehmen, braucht man nicht nur sprachliche Kompetenzen, sondern auch interkulturelle:

- Sprecherwechsel
- Blickkontakt
- Lautstärke
- nonverbale Signale: Gestik und Mimik
- Abstand zum Gesprächspartner.

Im Laufe der Vorbereitung auf Diskussionen berücksichtigen werden auch die folgende Aspekte berücksichtigt:

- Polemik erkennen
- Argumente recherchieren
- eine Debatte führen.

Als Fazit haben unsere Studierenden 4 Positionen der Faustregeln „Fair diskutieren“ konzipiert:

- 1.Die Sache angreifen, nicht die Person. (Harvard Prinzip)
- 2.Den Gegner zum Partner machen.
- 3.Freundlich bleiben.
- 4.Übereinstimmungen suchen.

Literaturverzeichnis

Bayerlein O. Campus Deutsch. Präsentieren und Diskutieren. 2014 Hueber Verlag München

Lutskovskaya L.Yu., RUDN

CONCERNING JUDICIAL DISCOURSE ANALYSIS

Discourse is generally viewed as an interdisciplinary phenomenon, which presupposes a variety of approaches. Judicial discourse as a specific kind of discourse can also be considered from different positions. However in this abstract we will understand the judicial discourse as text (communicative product) related to the field of court proceedings, considered in the dynamics of its generation, perception and interpretation. This understanding is based on the fact that a text of court opinion is one of the most important components of judicial discourse; it pertains to the central genres of the judicial discourse.

Text of court opinion performs informative and performative functions, as well as reflects the socio-pragmatic attitudes of the author.

Judicial discourse is characterized by a number of specific features such as institutionality, argumentation, evidenciality and intertextuality.

We proceed from the assumption that judicial discourse is argumentative by its nature; therefore argumentativity is pragmatic specifics of the judicial discourse.

Judicial argumentative discourse is distinguished by rather a rigid framework of its structuring, consequently, the implicit elements can be restored. Creating judicial argumentative discourse, argumentator (the judge) can apply complex forms of logical

reasoning; the structure of the argumentation not necessarily coincides with the structure of the text, which is built on its basis.

Judicial discourse, viewed from cognitive perspective, represents a sequence of discursive frames in the dynamics of its formation.

In the texts of court opinions we identified argumentation frames that provide discourse dynamics. We also tried to analyze the linguistic means of frame slots' representation in the terms of "dictum" and "modus" function to identify specific linguistic means contributing to creation of "argumentativity" of court opinion. Discussing sustainable discursive structures, we call them functions of discourse semantics, and in the wake of N. Chomsky's research, we make the assumption that these functions can be both informative (dictum) and operational (modus), the latter providing the discourse dynamics. In our opinion argumentation frame of judicial discourse may represent clusters of the above mentioned functions.

Below we provide an example of such analysis:

Frame: presentation of the fact – classification of the fact

This argument is a nonstarter. As long as the sentencing judge gives an adequate justification, the judge may impose a sentence above the guidelines range if he believes the range is too lenient. See *Gall v. United States*, 552 U.S. 38, 49-50 (2007); *United States v. Perez-Molina*, 627 F.3d 1049, 1050-1051 (7th Cir.2010), *United States v. McIntyre*, 531 F.3d 481, 483-84 (7th Cir. 2008); *United States v. McKinney*, 543 F.3d 911, 913-14 (7th Cir. 2008).

The representation of Modus function "classification of facts" uses the noun "nonstarter" - something doomed to failure, hopeless; that is, the lexis used in linguistic representation of this frame slot contains an evaluation component. Since the frame itself "representation of fact-classification of fact" is in the argumentative part of the court decision on appeal and it opens up the consideration of the arguments of the accused, the use of such language is designed to create an additional sense that this argument is no going to be accepted by the court.

The high degree of confidence of the author is created by using a reference to precedent. American texts of court decisions (due to the precedent system) are generally characterized by reference to the precedent as a specific way of expressing a high degree of confidence in what is being stated.

In the present abstract we have attempted to apply frame analysis method to argumentative judicial discourse, but the analysis was carried out on the basis of court opinion texts only. Applicability of this method to other genres of judicial discourse is to be verified.

**MAHMOUD AL-QUADAH,
Princess Sumaya University for Technology, Jordan
THE REALITY OF THE EXPRESSION OF FEELINGS ON THE
FACEBOOK**

An investigation of perception of happiness, excitement, sadness, and depression when expressed on Facebook

Abstract

A growing body of literature is being concerned with social network use and its effect on users. The current paper sheds light on perception of feelings expressed on

Facebook from the perspective of impression formation in CMC. An experiment is conducted for this purpose where participants were requested to guess how a FB user is feeling through the language, images, and emojis (icons) used in the post. Findings show that generally, excitement and sadness are perceived correctly, happiness is exaggerated to excitement, and depression is understated to sadness. Additional analysis of major differences in features of posts expressing positive and negative feelings is provided.

Introduction

About Facebook

Mark Zuckerberg, a student at Harvard University, wanted to find a way for his fellow Harvard colleagues to connect with each other. So in February 2004, Zuckerberg introduced Facebook (www.facebook.com) and a new era of networking began.

Today, the social networking site has more than 60 million active members, roughly the same population as the U.K. These users can now upload photos, have group discussions, and even play games on their individual profiles; they can also add one another as “friends” and connect with users who share similar interests, regardless of where they are in the world. Nowadays, more businesses and corporate folks are joining Facebook too, adding their pages to the Facebook network. Advertisers are even turning their attention to this growing market for good reason—there is strength in numbers.

After the user has published his/her feelings, other users will view them and form impressions which might align with what that particular user claims, or might differ due to numerous psychological and social factors related to both of them.

Literature Review

Although previous research in computer-mediated communication (CMC) has given considerable attention impression formation in interactive “textual dyadic exchanges” (Hancock & Dunham, 2001), less work has examined how ‘cues’ in the context of a social networking environment affect impression formation. (Utz, 2010) explored several different types of cues that may exist in social network environments such as self-generated, other-generated, and system generated cues. Antheunis, Valkenburg, Peter (2010) approached the types of strategies that computer users ‘avail themselves’ of when reducing interpersonal uncertainty.

While the effects of visual cues (like profile photos) on friendship initiation were studied by Wang, Moon, Kwon, Evans, & Stefanone (2010). Van Der Heide, D’Angelo, & Schumaker (2012) examined how two types of cues shown to affect social judgments in social networking Web sites (photographs and textual selfdisclosures) presented alone or together affect the way perceivers form an impression of a target.

One example of a study on the effects of text-based cues such as selfdisclosures, friends’ testimonials, and system-based information (Walther et al., 2009), while an example of examination of the accuracy of photographs is (Hancock & Toma, 2009). However, most of the existing work on impression formation in CMC focuses on how the process of impression formation goes, only few concern with the comparison between the actual representation and the impression formed.

Many researchers in this area focus on perception of romantic relationships on Facebook; how people perceive the relationship based on the couple’s posts on Facebook (Chou H, Edge N 2012), and (Wells & Sherbourne, 1999).

Yet another type of research in this field concerns with the effect left on people after they passively view posts by others on social networks; which is referred to as “content consumption”, “social searching” or “social browsing”. Some scholars argue that passive following has positive effects on users; since it helps to reduce uncertainty, thereby providing basis for social trust, civic engagement and political participation (Koroleva 2011). Koroleva also suggests that by passively following others on FB, users “broaden their horizons” and build a sense of “connectedness”. On the other hand, most recent evidence contradicts with the idea of one-sided positive effect suggesting that continuous engagement in passive following may lead to feelings of exhaustion, annoyance, irritability and overload (Burke 2010). This paper utilizes both textual and visual cues to compare impressions formed by audiences towards self-generated posts by popular users on Facebook with the feeling these users claim to experience.

Study questions:

- Do people perceive a Facebook user to be as happy or excited as he/she claims to be? Or do they believe this person to be happier or more excited?
- Do people perceive a Facebook user to be as sad or depressed as he/she claims to be? Or do they believe this person to be sadder or more depressed?
- What are the major differences between posts expressing positive feelings and those expressing negative ones?

Methodology

An experiment was conducted to achieve the aim of the study. 14 participants from different cultural backgrounds with various ages were given 20 recent Facebook posts by worldwide popular users which contain one of four feelings: happy, excited, sad, and depressed. Five posts were chosen for each feeling. The feeling was removed from the post, and participants were requested to guess it depending on the textual and visual content of the post.

The used posts follow: Posts expressing happiness, Posts expressing excitement, Posts expressing sadness, Posts expressing depression.

For each post, participants were asked: How do you believe (name of the publisher) is feeling? And they are given two options: (happy/excited), or (sad/depressed). Participants were also told to utilize the language, images, and emojis in posts to help them guess.

Results and Discussion

Experiment Results

Responses to each question were analyzed and summarized in the tables below. Percentages of right and wrong answers were calculated in Table1, then indications of these percentages are presented in Table2.

Question	Right answers	Wrong answers
1	46.2%	53.8%
2	84.6 %	15.4%
3	76.9%	23.1%
4	38.5%	69.2%

5		53.8%		84.6%
6	61.5%			46.2%
7		38.5%		69.2%
8	61.5%			46.2%
9		61.5%		38.5%
10	92.3%			15.4%
11		69.2%		30.8%
12	92.3%			7.7%
13		50%		50%
14	66.7%			33.3%
15		38.5%		61.5%
16	69.2%			30.8
17		50%		66.7%
18	30.8%			69.2%
19		46.2%		61.5%
20	53.8%			46.2%
Average		56.775		35.005

Table 1: Percentages of right and wrong answers

As Table1 above shows, responses vary between high percentages of right answers for certain questions, and vice versa. On average, **56.775% of the answers are right, which is higher than the average of wrong answers: 35.005. Thus, a participant is 1.6 times more likely to answer correctly.**

	Happiness	Excitement	Sadness	Depression
Exaggerated answers	3	-	1	-
Understated answers	-	1	-	3

Table2: number of exaggerated and understated responses

As appears in Table2, in the case of happiness, 3/5 posts were exaggerated by respondents and thought to be excitement. Excitement was always perceived in its correct level except for one post. Sadness was exaggerated only in one post as well. While depression was understated in 3/5 posts.

The above results strongly indicate that people perceive Facebook users to be happier than they actually are, whether by exaggerating their happiness, or understating their depression.

Differences between posts expressing positive and negative feelings

Analysis of posts expressing happiness and excitement in comparison with posts expressing sadness and depression yield the following differences:

	Positive Feelings	Negative Feelings
Total number of words	818	464
Total number of Likes	543,806	407,702

Table3: Comparing major characteristics of feeling posts

Table 3 suggests that posts expressing negative feelings are longer than those expressing positive feelings in terms of number of words constituting each corpus of posts. A positive post is approximately double the length of a post expressing negative feelings. Another contrasting feature is the audience's interaction with posts expressing opposing feelings; posts expressing happiness and excitement gain 1.3 more likes than those expressing sadness and depression. People tend to like positive posts more than negative ones.

Conclusion

The current paper looks at the topic of impression formation in CMC through an unprecedented technique which employed user generated content (feelings) as a reference to compare with other users' perceptions of him/her. In order to answer the study questions, an experiment was conducted in which respondents were given posts expressing feelings of happiness, excitement, sadness, and depression, from which the feeling has been removed. Participants were requested to guess the feeling through the language and images in the posts. Results show that positive feelings are generally exaggerated, while negative feelings are generally understated. In addition, major differences between positive posts and negative ones were found to include the length of the post (negative posts are significantly longer), and number of likes (positive posts got more likes). So, do people believe us when we express feelings on Facebook? Yes, they believe us when we express excitement, think we are happier than we are when we express happiness, and understate our depression to sadness.

Further work can be conducted on the reasons behind the findings, engaging larger numbers of participants.

References

- Antheunis, M. L., Valkenburg, P. M., & Peter, J. (2010). Getting acquainted through social network sites: Testing a model of online uncertainty reduction and social attraction. *Computers in Human Behavior*, 26, 100–109.
- Burke, M., Marlow, C., Lento, T.: Social network activity and social well-being. In: Conference on Human Factors in Computing Systems, pp. 1909-1912. ACM, (2010)
- Chou, Hui-Tzu Grace, and Nicholas Edge. "“They are happier and having better lives than I am”: the impact of using Facebook on perceptions of others' lives." *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking* 15, no. 2 (2012): 117-121.
- Hancock, J. T., & Dunham, P. T. (2001). Impression formation in computer-mediated communication revisited: An analysis of the breadth and intensity of impressions. *Communication Research*, 28, 325–347.
- Hancock, J. T., & Toma, C. L. (2009). Putting your best face forward: The accuracy of online dating photographs. *Journal of Communication*, 59, 367–386.
- Koroleva, K., Krasnova, H., Veltri, N.F., Günther, O.: It's All About Networking! Empirical Investigation of Social Capital Formation on Social Network Sites. In: ICIS 2011 Proceedings. (2011) 3. Burke, M., Kraut, R.,
- Utz, S. (2010). Show me your friends and I will tell you what type of person you are: How one's profile, number of friends, and type of friends influence impression formation on social network sites. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 15, 314–335.

- Van Der Heide, B., D'Angelo, J. D., & Schumaker, E. M. (2012). The effects of verbal versus photographic self-presentation on impression formation in Facebook. *Journal of Communication*, 62(1), 98-116.
- Walther, J. B., Van Der Heide, B., Kim, S., Westerman, D., & Tong, S. T. (2008). The role of friends' behavior on evaluations of individuals' Facebook profiles: Are we known by the company we keep? *Human Communication Research*, 34, 28– 49.
- Wang, S. S., Moon, S.-I., Kwon, K. H., Evans, C. A., & Stefanone, M. A. (2010). Face off: Implications of visual cues on initiating friendship in Facebook. *Computers in Human Behavior*, 26, 226–234.
- Wenzlaff, R. M., & Beevers, C. G. (1998). Depression and interpersonal responses to others' moods: The solicitation of negative information about happy people. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 24(4), 386-398.

Martínez Mateo R.

University Of Castile La-Mancha, Spain

**THE NECESSARY POLYHEDRICITY OF A FUNCTIONAL QUALITY
CONCEPT IN PROFESSIONAL TRANSLATION**

There is a degree of uncertainty swirling around the definition of what is a quality translation in the professional arena. A revision of the literature relative to translation quality specifications in the industrial sector reveals that most standards define quality concept as the ability to meet a set of client-defined parameters (Jiménez-Crespo 2009: 64). Meanwhile, other more general quality definitions, not specifically devised for translation, highlight adequacy or needs fulfillments amongst the key quality criteria. As regards quality definitions in the technical field, two views are commonly adopted: one that defines quality as fulfilling certain requirements and another that equates quality with an error-free product or service (Conde 2008: 50).

All the same, there is a wide array of norms published by International Organizations whose aim is to secure the quality of the translation service, such as the CEN (Comité de Norma-lización Europeo), the German DIN (Deustches Institut für Normung), the American ASTM F 2575 or the Austrian ONÖRM D1200.

Nonetheless, as can be learnt from current Quality definitions, the complexity of the concept calls for a multifaceted stance since quality may be considered from various angles and is subject to be assessed on different stages and subjects. Every translation assignment is subject to abiding by specific conditions and their relative adequacy will be dependent upon the requirements of that very task. In this vein, many scholars hold the view that quality is an agreed built-up between parties at stake.

Traditionally, translation has been associated with two basic techniques: word-by-word and free translation, being the former source-text oriented and the latter target-text oriented (Nord 2009: 248-249). Hence, the quality concept in translation was automatically linked to values such as accuracy, correctness and fidelity to source text. Current approaches to the quality concept have evolved to acquire a larger polyhedricity, what results in various orientations depending on the viewing angle. Garvin (LISA 2004: 31) asserts that the quality concept encompasses five categories:

1. Perceived: this is the 'you know it when you see it' view.
2. Product-based: this is based on quality being design-oriented, precise and measurable.

3. User-based: this is based on the 'fitness for purpose' from the client's perspective.

4. Operations-based: this is based on the principle of 'conformance to specification' i.e., error-free.

5. Value-based: i.e., 'best value for money for a given purpose.

Garvin (LISA 2004: 31)

All these categories, along with the above mentioned definitions of quality, shape a multidimensional and multifaceted quality concept where all the interwoven facets will bring about different processes for its attainment, and, consequently, for its assessment. Personal judgements, the first category (cognitive approach - perceived), relies on the cultural knowledge of the receiver and has no objective comparison with any other interlocutor perception. Therefore, this method is essentially based on value judgments and, accordingly, its measurement is time-consuming and lacks accuracy. In contrast, the second dimension established by Garvin (2004) refers to measuring quality on the finished translation (textual approach- product-based) by comparing the translated and the source text against a previously set of linguistic criteria. It seems that this facet is more prone to be measured and, therefore, favours to render more justifiable valuations. The third category prioritizes translation's adequacy to intended usage and its assessment depends on user's perception (functional approach - user-based). The fourth category focuses on guaranteeing process specifications (normative approach - operations-based) in order to attain the desired result. Similarly, once more, this is a quality more sensitive to be checked measured. The last category takes into account profitability (entrepreneurial approach- value-based) as an indispensable condition to value translation quality considered as a financial activity. All these categories confer essential nuances to frame the global picture of quality. It is then clear that quality can not be assessed on itself as an absolute value, but it is made up of several dimensions where the individual performance of a translator could be appraised. Next, we will look into the quality of translation, exclusively from a textual viewpoint. Nonetheless, it is admitted that a flawed translation process may have a serious impact on the final translation (Colina 2008: 99). For this reason, several proposals have been put forward giving rise to the development of international standards, whose main aim is to delimit the criteria to be fulfilled in order to achieve a quality translation. Stejskal (2006: 15) lists the existing standards and their applications in translation and interpreting. In a contrastive table, the author illustrates the state of the art and states the limited applicability of these standards to regional or national territories (Stejskal 2006: 15). Finally he warns that there is no internationally accepted standard for translation (Stejskal 2006: 14). In this same line, other authors claim that no absolute standard exists (Sager 1989, Secâra 2005: 39), but more or least adequate translations for its intended purpose. Besides, the contextual conditions are remarked, including the recipient, as key elements to assess the success and adequacy of a translation (Nord 1997: 12). What leads to embrace the functionalist trend and stress the fit-for-purpose criterion as essential for determining quality (Nord 1997: 27). Hence a link between quality and adequacy is established. According to Reiss and Vermeer (1991), equivalence concept is related with the superordinate concept of adequacy. Functionalist views equate the quality of a translated text with the adequacy degree of the translated text with regards to the requirements of that assignment, so that the target

text is a quality translation as long as it fulfills its intended purpose and is functionally, pragmatically and textually adequate. Nord uses the term adequacy:

In terms of functional approaches to translation, «adequacy» is used to describe the appropriate-ness of a translated text for the communicative purpose defined in the translation brief. Adequacy is thus a dynamic concept related to the process of translational action. (Nord 1997: 137)

Both the relativity of the concept itself and the human burden unavoidable in every human activity (Nord 1997) dismiss the possibility of establishing a universal definition for quality. Therefore, as it has been argued, quality in translation can be awarded as an absolute value, but it is subject to the fulfillment of the petitioner requests, to the text and to its intended purpose, under the distinctive features of the assignment and the communicative situation (Durán 2012: 105).

For the time being, as most of the standards for Translation Quality Assessment (Stejskal 2006: 15) are focused on the process and not on the product (Martínez y Hurtado 2001: 274), professional translation has opted for a more restrictive approach analyzing the microlinguistic features of translated texts to spot errors as the most common way of quantifying quality (Secâra 2005: 39).

References:

- CONDE, J. T. 2008. Proceso y resultado de la Evaluación de Traducciones. (Doctoral Dissertation, University of Granada, Spain). Retrieved from <http://digibug.ugr.es/handle/10481/2309>
- JIMÉNEZ-CRESPO, Miguel Angel. 2009. "The evaluation of pragmatic and functionalist aspects in localization: towards a holistic approach to Quality Assurance". *The Journal of Internationalization and Localization*, 1: 60-93.
- NORD, Christiane. 1997. *Translation as a Purposeful Activity*. Manchester, UK: St. Jerome.
- NORD, Christiane. 2009. "El funcionalismo en la enseñanza de la traducción". *Mutatis Mutandis*, 2: 209 -243
- MARTÍNEZ, N. y HURTADO, A. (2001). *Assessment in Translation Studies: Research Needs*. *Meta*, 46, 272-287.
- STEJSKAL, J. (2006). *Quality assessment in translation*. June 2006.

Radić, N.

University of Cambridge, UK

TWENTY YEARS OF BLENDED LEARNING:

A PARADIGM SHIFT IN TEACHER TRAINING AND SUPPORT

This is a case study based on my own professional experience as language teacher and multimedia materials developer over the past two decades.

In the mid-nineties I was Senior Tutor in Italian language at the University of Auckland in New Zealand. I had just completed my MA in Literature and realised that the new exciting thing on the horizon was Computer Assisted Language Learning (CALL) and even more so when carried out at a distance in a 'flexible' mode. I studied the field, received funding and led projects developing multimedia materials to teach Italian, French and Spanish at a distance. The technology available at the time was the Internet (no broad-band), the CD-Rom (no DVDs), telephone (or I-phone) and paper.

Thus, all the papers offered through the Flexible Learning Programme of the School of European Languages and Literatures were available in two formats or modes of delivery: on campus and at a distance. The on campus students would attend to the multimedia materials in a dedicated computer laboratory while the 'distant' student were never required to be present 'in situ'.

Twenty years later, I am director of the Institution-wide language programme of the University of Cambridge. We currently teach fourteen languages to some 2,000 students every year. All our courses feature an online multimedia component and networked electronic boards in the classrooms. The technology is very powerful (the lap top computer I am writing this abstract one has 4GB RAM while the Mac equivalent back the, had 4MB - a difference of x 1,000) and the range of available software very impressive. The students have changed too. They use a range of portable, personalised devices and communicate via social networks. Hence, the world around the teachers changed considerably so much that we often hear terms such as facilitator and moderator to describe their role in education.

In this paper, I will address the changes in the language teaching profession over these twenty years, forward the notion that good teachers and good teaching are indispensable and in need of sound training and permanent administrative and professional support. I will then discuss the ways in which the teaching profession has been influenced by modern technology and the ways in which it has, is and will be adapting to face challenges that often come from outside of the pedagogical realm.

Ozyumenko V.I., RUDN

TRANSLATION CASE OF 'SUDYA' FROM RUSSIAN INTO ENGLISH

Acquisition of terminology is one of the most important components of teaching / learning Legal English. Due to a long history and developed law system English terminology is extremely elaborate and comprehensive in comparison with Russian one. This fact poses serious problems in teaching and translation.

The problem of translation of terminology and search for terminological equivalency in source texts and target texts is among the most topical ones [Sonneveld and Loening 1993, Hjort-Pedersen and Faber 2001, Cao 2002, Blomquist 2006 and others] and it is not surprising as the issue of the adequacy in translation of terminology has currently come to the foreground due to the expansion of international relations in various fields.

In legal texts which, because of their nature require clarity and definiteness, the equivalence is paramount. However legal texts, like other texts, contain a great number of ambiguous lexemes [Hjort-Pedersen & and Faber 2001] and terms are surprisingly among them. We have already analyzed the translation cases of *advokat* and *prokuror* [Ozyumenko 2015; Ozyumenko, Chilingaryan 2015] and showed that it is not always obvious what a given term means; to specify its meaning the translator has to appeal to the context, including the cultural one.

The present paper deals with the Russian word 'sudya' (судья) and its English translation equivalents. The data was taken from definition dictionaries, bilingual dictionaries, specialized dictionaries and legal texts. The study implements definitive, semantic and contrastive analyses.

Our preliminary results have revealed the same problems observed with the terms *advokat* and *prokuror*. In the Russian legal vocabulary *sudya* (судья) is practically the only term which denotes a public official who has the power to decide questions brought before a court of law. Besides *sudya* the Russian language only offers *arbitr* (арбитр), which is not very frequent and quite limited in use.

The English language, on the contrary, contains a broad variety of legal terms defining this profession (position), which numbers in tens. Besides the term *judge*, which dictionaries define as ‘someone whose job is to make decisions in a court of law’ my data has about 40 lexemes with this meaning.

The elements of this semantic group can be further subdivided on the basis of different class features, which specify their functions, status, area, scope of duties and other characteristics, which should be taken into consideration.

The territorial varieties of the English language are one of the sources of this lexical abundance, as every English speaking country has its own specific terminology. E.g. *judge* may be called *ordinary* (ScotE), *squire* (AmE), *peace commissioner* (IrE), etc.

Some of the words corresponding to the word ‘*sudya*’ denote status differences in this position: *chancellor* – a chairman of the court, *assistant* – a deputy judge, *Lord Lieutenant* – chief justice of the peace.

Different types of courts and cases at law bring forth different nominations for judges presiding over the case: e.g. *magistrate* is a judge in a court for minor crimes, *recorder* is a judge of the Crown Court [Brown & Rice 2007]; *justice of appeal* is a judge of Court of Appeal, etc.

Administrative-territorial division as well as functional differences also contribute to the number of the lexemes denoting ‘*sudya*’.

The study shows that English terms corresponding to the Russian term *sudya* form a semantic field of terms with high nominative density, it has its core and periphery. This lexical imbalance causes considerable difficulties in teaching and translation.

The results of the study can be applied in the theory and practice of translation and in teaching Professional English to Law students.

References:

1. Blomquist, Lena (2006). One little word... In Wagner, Anna and Sophie Cacciaguidi-Fahy (eds.) *Legal Language and the Search for Clarity: Practice and Tools*. Peter Lung. 303 – 327.
2. Brown G. D., Rice S. *Professional English in Use. Law*. Cambridge. Cambridge University Press. 2007.
3. Cao, Deborah 2002. Finding the Elusive Equivalents in Chinese/English Legal Translation. *Babel* 48/4, 330 – 341.
4. Hjort-Pedersen, Mett and Dorrit Faber (2001). Lexical ambiguity and legal translation: a discussion. *Multilingua* 20 (4): 379 – 392.
5. Ozyumenko V.I. *Perevodniye sootvetstviya slova ‘advokat’ v angliyskom yazyke* (English equivalents of the word ‘advokat’). *Vestnik RUDN: Russian and Foreign languages and teaching methodology*. 2014, 4. P. 114-119.
6. Ozyumenko V.I. Chilingaryan K. P. 2015. Polysemy of English Legal Lexis and Its Translation. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*. 19: 2. P. 180 – 193.
7. Sonneveld H.B. and Loening, K.L. (eds.) (1993) *Terminology. Applications in Interdisciplinary Communication*. Amsterdam: Benjamins.

Parnell J.
University of Nebraska at Omaha

TEACHING ONLINE “READINGS IN FRENCH”

According to the 2015 Babson Survey Research Group, 63% of academic leaders say online learning is critical to their institution’s mission. Moreover, the percent of academic leaders rating the learning outcomes in online education as the same or superior to those in face-to-face instruction is now at 71.4%. With these facts in mind and to increase our enrollment figures, we at the University of Nebraska at Omaha decided to offer an online class on Readings in French in the summer of 2015.

Our department had just made significant changes to our Foreign Language curriculum with the addition of a required new class for our majors: Readings in French, German or Spanish. The goal is to better prepare our students to our literature classes. Recently, ACTFL has conducted a study on listening and reading and here is one of their findings: “There has been a rediscovery of reading as a higher goal...Many educators and researchers have a renewed understanding of reading as a highly effective and efficient way of accumulating knowledge” (Cutshall, 2015, p. 10).

My challenge was twofold. I had never taught this class and I had to teach it online. I started by researching the topic of teaching reading in a foreign language and came up with a list of things to do and to avoid.

Several recommendations were to stay away from unfamiliar topics (Zhao, Guo, and Dynia, 2013) since it can be a source of reading anxiety. Another was to find texts that were not translated in English. Simplifying literature texts is not helpful either (Bernhardt, 2011). Finally, multiple choices and fill-ins exercises are not good assessments for reading. (Bernhardt, 2011).

Here are some good practices when teaching reading in a foreign language. It is imperative to present a summary of good reading strategies at the beginning of the class (Bernhardt, 2011; Nuttall, 1996). For a successful class, it is essential to find texts that share the students’ interests, have a common background or contain familiar words (Bernhardt, 2011; Nuttall, 1996). A culturally compatible text will increase its comprehension and research has shown that speed and comprehension are related. (Bernhardt, 2011). Furthermore, Kasper has noticed: “Online readers spend more time reading and that leads to higher comprehension scores” (Bernhardt, 2011, p. 46).

It is essential and imperative to have pre-reading activities (Zhao, Guo, and Dynia, 2013). They usually function as a reading guide. In my class, I would ask questions in French to students so they would reflect on what they already knew on the reading topic, or they could make predictions about the document and finally the aim was to arouse their curiosity on what they were about to read. In the second part of their pre-reading activities, students were given a list of important vocabulary words and since this was an online class, I recorded them so the students could listen to them and practice their pronunciation.

Texts should not be given in a random order. It is better to start with shorter ones and to gradually increase their size (Bernhardt, 2011). As a matter of fact, I chose an excerpt of the graphic novel “Persepolis” to start the course since I thought the images would help with the comprehension. The readings should give the impression to students they will understand better the culture after reading (Bernhardt, 2011). This is why I chose several texts from Africa as well as current news topics on France.

When choosing texts, research has shown that students respond better to descriptive and narrative texts rather than argumentative or expository and that content is more important than form (Bernhardt, 2011). Finding a text with a visual aid or graphs is also quite useful since it will help comprehension and introduce other skills such as interpreting graphs. In the same vein, prosaic texts are easier at first than literary excerpts (Bernhardt, 2011). One useful strategy would be for example to pair a newspaper article with a short story on the same topic.

Assessment takes the form of comprehension questions of which there are three types: literal, interpretive and applied. Among these questions, it is important to assess as well vocabulary comprehension by asking for definitions or synonyms of words in the text. As a final assessment, I gave a free recall protocole procedure (Bernhardt, 2011).

How did I build my online class? I had an additional challenge, as it was a summer class, which only met for 5 weeks. Thus, I had to carefully choose the number and type of texts. I decided to go with ten, which meant two readings per week on average. I started with the graphic novel "Persepolis" in order to ease the students into the class. Then I followed with a folk tale from Africa: "Les hommes invisibles". We then read an African poem by Bernard Dadié: "Fidélité à l'Afrique". I selected the lyrics of a rap song by the French artist Axiom, "Ma lettre au Président". As racial discrimination was one of the themes of this song, I looked for a French article on racism and found one from the newspaper "Libération" with several good graphics. Since the Charlie Hebdo events had recently occurred, I found an open letter (published in "Le Monde des livres") by the Nobel Prize winner J.M. Le Clézio, written to his daughter who participated at a peace rally following these tragic events. I then changed genres and selected a scene from the play "Les poissons rouges ou Mon père ce héros" by Jean Anouilh. We then explored the detective story genre by reading a short story by Simenon, "Le pavillon de la Croix-Rousse". The penultimate text was the ending of the famous science fiction novel by Pierre Boulle: "La planète des singes" and I ended the course with Albert Camus short story: "L'Hôte".

As you can see, I started with shorter texts gradually progressing into longer ones. I carefully chose selections from diverse genres such as folk tales, graphic novels, newspaper articles, poetry, theater, science fiction, and full-fledged literary texts such as "L'Hôte". I wanted to expose the students to an extensive variety of texts and genres to adequately prepare them for future literature classes. I also made sure that the topics were relevant to French and Francophone cultures while being current in terms of significant news events in France at that time.

The course was taught with the help of our course management system "Blackboard". I thus created ten content folders with the addition of two folders: one devoted to reading strategies and the other for the final. Each content folder was divided into four subfolders always following the same pattern for each text. The first subfolder: "Préparation à la lecture" contained information on the text or the author, the pre-reading questions and a list of pre-recorded vocabulary words and some grammar explanations (such as the forms of le passé simple). The second subfolder was comprised of an elective quiz, where the student had to choose true or false statements about the text itself. I created these quizzes for each text to help the students with the comprehension questions, which followed the quiz. Before the questions, I usually

added a short explanatory introduction on the text. The readings had a range from 5 to 31 (for “L’Hôte”) comprehension questions. The average number was between 10 to 12 questions. The fourth subfolder was a link to the discussion forum, a space where students could freely express their opinion on what they were reading. Students received extra credit points for their participation.

In terms of the final class grade, the average of comprehension questions scores counted for 95%. Each 10 texts were graded on the percentage of correct answers. The final added up to 5%.

As previously stated, I used a free recall protocole procedure as the final. I selected a 225 words French text, which students read during 8 minutes. After 8 minutes, they did not have access to the text any more and had to recall the main points in French or in English. They were graded on how well they remembered the reading. 15 students out of 26 received the grades of A- to A+ in the final and 7 got the grade of B/B+. These numbers show how much their comprehension levels had increased. For the final class grade, 19 students out of 26 received grades of A- to A+, a result that demonstrated the students’ success in this class.

This final outcome is a clear indication that the goals of this online class were reached. As the instructor, I thought the pace of the class went well and my choice of texts was correct. I asked the students which texts they preferred and which ones they disliked. I received several answers about their favorite texts from “L’Hôte”, the Simenon detective story, J.M. Le Clezio letter to his daughter to the lyrics of the rap song “Ma lettre au Président”. The least favorite were unsurprisingly the newspaper’s article on French racism but also surprisingly the scene from Anouilh’s play. It seems that students did not fully understand or appreciate the various and different comic elements in this excerpt. As for the article, it may have been too long or too complex especially with the interpretation of several graphs.

In the future, I will keep “Persepolis”, “Les hommes invisibles”, “Fidélité à l’Afrique”, “Ma lettre au Président”, the Simenon and Pierre Boulle stories and of course Camus’s “L’Hôte”. I intend to find different newspaper articles based on current events or relevant cultural topics. I will also need to select a scene from a different play, since Anouilh’s excerpt was clearly problematic for students.

As for teaching this class online, it ran smoothly with the help of “Blackboard” and my course organization and methodology. I was able to electronically grade all of the comprehension questions while also incorporating my comments to the students’ submissions. Overall, I found this class to be a great success especially with the high enrollment of 26 students among whom were students as varied as high school and graduate students.

On the students’ side, they seemed quite satisfied with the class. In their course evaluation, compared with other courses students have taken at the university, they gave a rating of 4.7 (5 points being the maximum). Here are some of their written comments: “The most valuable part of this course was the wide variety of readings that she chose. The materials covered a range of topics and genres which greatly helped to increase my understanding and appreciation of the French language”, “... I loved the variety and the quality of the readings in the course. As a result of having successfully comprehend these readings – some very challenging, I am much more likely to read in

French on my own in the future”. Finally, one student wrote in an email: ”I really do think my reading ability is much stronger now”.

In conclusion, teaching “Readings in French” online has been a resounding success on my end and for the students as well. However, until the technology gets better, online teaching is not for every foreign language classes. Some topics are better than others and clearly “Readings in French” is one of them.

Reference:

Bernhardt, E.B. Understanding Advanced Second-Language Reading New York: Routledge, 2011

Cutshall, Sandy. Groundbreaking Study from ACTFL Measures Listening and Reading – Expands Understanding of Interpretive Skills The Language Educator, August/September 2015, vol 10, issue 3, 10-12

Nuttall, Christine. Teaching Reading Skills in a Foreign Language Oxford: Heinemann, 1996

Zhao, A., Guo, Y., & Dynia, J. Foreign Language Reading Anxiety: Chinese as a Foreign Language in the United States The Modern Language Journal 97, 3, 2013 764-778

Samoilova S.P. , RUDN

INTERKULTURELLE KOMMUNIKATION IM SOZIOKULTURELEN KONTEXT

Als Forschungsdozentin der Russischen Universität der Völkerfreundschaft, Moskau, nahm ich im Sommer 2015 an einer Lehrerfortbildung des Goethe-Instituts teil. Es handelte sich dabei um das Landeskundeseminar von Leipzig nach München, das in eben diesen beiden Städten stattfand. Die Gruppe bestand aus 23 TeilnehmerInnen, die an Hochschule, an Schulen der Sekundärstufe oder in der Erwachsenenbildung unterrichteten. Als Sprachwissenschaftlerin befasste ich mich mit den Prozessen, d.h. mit der Theorie, die die Grundlage jeder akademischen Praxis ist und ich möchte das Seminar in den Kontext einer neuen wissenschaftlichen Disziplin stellen, die sich interkulturelle Kommunikation nennt. Die interkulturelle Kommunikation ist eine neue interdisziplinäre Wissenschaft, sie verknüpft Sprachwissenschaft mit Kommunikationswissenschaft und untersucht die Bedingungen und Relevanz von interkultureller Kommunikation. Ihre Keimzelle und Voraussetzung finden wir in der ontologischen Entwicklung des Menschen zum bewusst–nicht reflexhaft oder instinktiv–konsumierenden und produzierenden Wesen. Erst die Fähigkeit zwischen Selbst und Gegenüber zu unterscheiden und somit sich selbst gegenüberzutreten, bewirkt, dass das Selbst/Subjekt sich als Objekt eigener und fremder Handlungen in Erscheinung treten kann. Das konstituiert den Menschen als kulturelles Wesen. Die interkulturelle Kommunikation untersucht die Modi der Veränderung und damit ihre Verfügung und fragt danach, wie sich durch sie die Subjekte verändern. Eine weitere Grundlage ist die gegenständliche, d.h. die lokale und leibliche Dimension von Kultur in Bezug auf landeskundliche Erfahrungen. Kultur hat mehrere Dimensionen. Es ging in dem Seminar nicht nur um die Sprache. In der interkulturellen Kommunikation spielen aktive und passive, innere und äußere kommunikative Handlungen eine große Rolle. Das soll im Weiteren näher erläutert werden. Doch möchte ich zuerst ein paar Informationen über das

Landeskundeseminargeben. Die Landeskundeseminare des Goethe-Instituts haben das Ziel landeskundlich relevante Inhalte zu vermitteln und ein aktuelles Bild über die soziale, politische und kulturelle Wirklichkeit von ganz Deutschland zu zeigen. Das Ziel dieses Seminars bestand darin, aktiv Wissen über die beiden Städte Leipzig und München zu erarbeiten. Zum Beispiel analysierten wir die Landeskunde verschiedener DaF-Lehrwerke; es wurde deren Didaktisierung beurteilt, um sie auf die Anwendung für den eigenen Unterricht zu überprüfen. Weiterhin war es äußerst interessant, die Methode der Projektarbeit an einem anspruchsvollen Thema als Forschungsdozentin selbst einmal auszuprobieren. Das geschah neben den Themenrecherchen auch bei den Stadtteilerkundungen, die ebenfalls in beiden Städten durchgeführt wurden. Bei den vielen Präsentationen im Plenum kamen verschiedene Methoden zum Einsatz, was den Methodenhorizont aller Teilnehmer erweiterte. Das konsequente Anwenden von handlungsorientierten Methoden im DaF-Unterricht erweiterte unser pädagogisches Wissen und gab uns das Selbstvertrauen diese Methoden auch anzuwenden.

Die hier praktizierte Methode für den Fremdsprachenunterricht partizipiert sowohl an verallgemeinernden, u.U. «dichten» Beschreibungen als auch an mikroanalytischem Vorgehen, d.h. sequenziellen Bearbeitungen z.B. von Gesprächsausschnitten. Ein Großteil unserer Arbeit fand in Gruppenarbeit statt. Den Schwerpunkt des Seminars bildeten Themenrecherchen, die zu fünf verschiedenen Themen in beiden Städten durchgeführt wurden. Die Themen waren Leben in der Stadt, Mobilität, Leben in zwei Ländern, junges Leben und Medien. Hierzu trafen die Seminarteilnehmer je zwei Experten. Zum Beispiel waren zum Thema Medien in Leipzig der MDR und in München der BR vertreten; der zweite Besuch fand bei Zeitungen statt, die waren das Stadtmagazin Kreuzer in Leipzig und die Süddeutsche Zeitung in München. Für diese Recherchen wurde das Seminar in fünf Gruppen aufgeteilt. Jede Gruppe bearbeitete ein Thema in Form von Projektarbeit. Anschließend präsentierten wir unsere Ergebnisse im Plenum. Landeskundliche Erfahrungen werden auch durch die Literatur, die Musik, die Kunst und nicht zu vergessen, durchs Essen gewonnen. In Leipzig kochten die SeminarteilnehmerInnen in einem Erlebnisrestaurant, einer Einrichtung, die Kochkurse mit Kindern aus prekären Verhältnissen durchführt. In München besuchten wir das Hofbräuhaus, das neben dem Essen die bayrische Musik und den Tanz pflegt. In Leipzig erlebten wir Salonkunst in Form von Jazzmusik und Kurzgeschichten einer Leipziger Autorin. In München besuchten wir die Neue Pinakothek. Außerdem sahen wir eine Open-Air-Theaterveranstaltung. Diese Events waren wichtige Ergänzungen zu den politisch-sozialen Themen, vertieften die landeskundlichen Erfahrungen und schufen ein vollständigeres Bild von beiden Städten bzw. von Deutschland. Charakteristische für dieses Seminar war die Vielfältigkeit und Multiperspektivität von Daten (Stationen, Interview, Themenrecherchen etc.) und Verfahrensweisen sowie der anschließenden Schlussfolgerungen. Inhalt und Form stehen in engem Zusammenhang. Es ging inhaltlich um politische, soziale und kulturelle Erfahrungen, um die Methodik und Didaktik bei der Erarbeitung in der Gruppe und bei der Erarbeitung der Präsentation im Plenum und natürlich dem Einsatz für den eigenen Unterricht. Die Unterrichtsprinzipien bestehen sowohl aus kommunikativem als auch entdeckendem Lernen, aus ganzheitlichem wie kooperativem Lernen, aus selbsttätigem und handlungsorientiertem Lernen. Diese Methoden stellen die Grundlage einer modernen Seminardidaktik dar. Stets werden Theorie und Praxis verknüpft. Unser Seminar

leistete in zweifacher Hinsicht Zuarbeit für die weitere Entwicklung dieses ganz neuen Bereiches: Personenaustausch und die Rolle ihrer Veranstalter/Innen. Die Rolle, die Regie der Veranstalter/Innen bei der Vermittlung der neuen methodologischen Inhalte und Erfahrungen im Fremdsprachenverkehr war sehr wichtig. Das Seminar zeigte, wie die Seminarteilnehmer/Innen interkulturelle Erfahrungen verarbeiteten, welche Bilder sie für sich und für andere entwerfen konnten, wie sie diese veränderten. Ein weiteres Merkmal der interkulturellen Kommunikation bestand in der gleichwertigen Kommunikation der SeminarteilnehmerInnen aus verschiedenen Kulturen untereinander. Es war eine sehr bereichernde Erfahrung für mich, dass sehr unterschiedliche Menschen über das gleiche Potenzial verfügen, d.h. das gleiche intellektuelle Niveau, über Kreativität und die Neugier, neue Methoden und andere Menschen kennenzulernen, also offen für andere Kulturen zu sein. Alle Teilnehmer waren in jeder Hinsicht gleichberechtigt. In der interkulturellen Kommunikation spielen Kommunikation und Kultur eine gleichberechtigte Rolle. Es war sehr interessant, Menschen aus anderen Ländern kennenzulernen. Dieses trägt zum Friedensprozess bei, weil man gegenüber einer Person aus einem anderen Kulturkreis Respekt und Wertschätzung entwickelt. Vielfältige Aspekte waren im Austauschgeschehen unabdingbar. In meinen Augen war das Seminar ein gelungener Spagat zwischen pädagogischen und kulturspezifischen Inhalten des interkulturellen Lernens im Fremdsprachenunterricht. In den philologischen und kulturwissenschaftlich begründeten Inhalten spiegelt sich die kulturwissenschaftliche und interkulturelle Handlungstheorie der interkulturellen Kommunikation. Individuelle und kulturelle Identitäten stellen den jeweiligen Erkenntnis- und Erfahrungshorizont dar–vor ihm können bewusste Entscheidungen getroffen werden. Über die Auseinandersetzung mit konkreter Gemeinsamkeit und Verschiedenheit hinaus müssen Entwickeln und Falsifizieren von Erkenntnis und Erfahrungshorizonten Aufgaben interkultureller Bildung sein. Damit können wir auch der sogenannt utilitaristischen Herangehensweise an interkulturelle Kommunikation ein humanistisches Fundament verleihen und befördern.

Shatalova N., MSU

**LANGUAGE RESOURCES FOR TEACHING LAW STUDENTS:
MAINTAINING A COMPLEX BALANCE**

Selecting materials for language teaching a priori implies classifying them according to the four skills. On top of that, teaching English to Law students has to correlate heavily with the level of the professional training throughout the complete course of their studies. And, finally, in choosing the resources a balance should be struck between General English and Legal English goals.

Teaching Legal English to first-year students, of course, is largely introductory in nature. And one of the key tasks is to get across to them the gaps and differences between the two legal systems. In my opinion, this is best achieved within the course of close reading of fiction. Reading of fiction has long proved to be an invaluable tool in developing speaking skills, while close reading provides a teacher with an opportunity to introduce the students to the most confusing concepts of the Anglo-Saxon law.

A master's degree course presents another set of challenges. One of the tasks is creating a comprehensive understanding of the terminology in a specific area of law.

Moreover, the terminology has to be adapted to cover the legal notions existing in the Russian legal system. This requires in-depth research of terms and notions and a comparative approach which will invariably incorporate translation. An obvious choice here is English and American textbooks covering law areas. However, there is another source, often neglected by the teachers – publications by practitioners working for international law firms in Russia. These often develop a ‘hybrid’ terminology indispensable for understanding ‘real’ law.

Yet another language resource in teaching master’s degree groups is law reports, which are detailed, highly formalized accounts of court cases. They might be used to develop a whole range of reading and interpretation skills.

Speaking, as a separate skill, has always been hinged on reading and listening. In the last two decades listening (in most cases supported by visual images) has definitely acquired more importance as a source of imitation for students studying a foreign language in a non-native environment. On-line resources help to avoid the often complicated task of transforming written language samples into oral pieces. A variety of speech samples, both public and conversational, can be used for in-class and home activities. They range from popular TV series to lectures and workshops given by famous lawyers.

All in all, there exist many avenues to be explored by Legal English teachers and students, and, fortunately, the resources are in abundance.

Referencfes:

1. Dudley-Evans, Tony; St. John, Maggie Jo (1998): Developments in English for specific purposes: a multi-disciplinary approach. Cambridge University Press.

Stepanova V.V. , RUDN

SPECIFIC FEATURES OF THE RUSSIAN CIVIL CODE RELEVANT IN TRANSLATION

Before starting any translation, a translator should thoroughly scrutinize the material under study looking at its nature, history, functions and the scope of use. In terms of legal translation, the challenges are even more complicated due to a number of factors such as legislations relevant in the countries of both source and target languages, legal language traditions and massive discrepancies between terminologies of different languages.

This is especially true in regard to legislative acts that are characterized by their obscurity and abstract wordings. In order to provide an adequate translation sometimes it is highly recommended *to dig into the roots* of terminology, look at the historical background, reasons and goals of a legal act.

Let us look at specific features of the Russian Civil code that can be relevant in its translation into English.

1 The Civil Code of the Russian Federation is a legal act that governs a vast range of civil law relationships, and therefore uses a great number of technical words. Rich terminology of civil law includes legal concepts that have a complicated history of development.

2 Civil law of European countries is known to derive from Roman law that was adopted by national legal systems (2). Further development of European law resulted in evolvment of two different law systems: continental law system represented by all the

countries of continental Europe and common law system represented by Great Britain. This fact should be taken into consideration by translators of continental civil law texts into the English language as there is a temptation to apply civil legal terms that exist in the English language but do not coincide in meaning (also relevant in the Russian-English pair of languages).

3 Civil legal system of Russia relates to continental European law system (1). In this regard when translating into English, one should beware of legal gaps in terminology. Most often such strategies of translations as *borrowing and calquing*, *descriptive equivalents*, *neologisms* or *transliteration* might be the best tools in handling terminological gaps as they help reflecting the specificity of a source notion and/or term.

4 The Civil Code of the Russian Federation relates to the pandectic system. The common part of the codified legal act elaborated by the pandectic system is useful in terms of avoiding multiple referencing and promoting uniformity in terminology throughout the entire legal act. However, traditionally this system employs highly technical and complicated language to achieve precise regulation. It means that a translator should be extremely careful when choosing the right term. Once chosen it should be applied in all relevant cases in order to avoid ambiguity.

5 There is an opinion that the Civil Code of the Russian Federation is closer in terminology to the Civil Code of Germany. Thus, it might be essential to refer to the German code for ideas in most difficult cases instead of seeking equivalents in English legislation most often lacking them.

6 The Russian civil law historically borrowed much from the German scholars and at the same time was dramatically influenced by the ideology, economic system and legal development in the Soviet times. The efforts to adjust the civil legislation to the market economy significantly changed the structure and the wording of the Civil Code. However, the heritage of the Soviet period is still difficult to overcome. You can easily find in the Code such extraneous to any civil law tradition concepts as *право хозяйственного ведения* and *право оперативного управления, учреждения, предприятия*. All of them are confusing and difficult to translate.

7 Most specific legal terms that were inherited by the modern Russian civil law from the Soviet period have no analogy in legal terminology in Western countries. Interruption of the natural development of the Russian civil legislation resulted in many legal terms treated on the spot regardless of any legal tradition and without any relevant roots. This should be taken into account when comparing Russian civil law notions with those in other countries within the pandectic system. Pandectic logic in the Civil Code of the Russian Federation should not be understood too broadly, but only as a system organizing the civil law provisions.

8 According to Article 3 of the Russian Constitution, universally recognized principles and norms of international law as well as international treaties of the Russian Federation form an integral part of its legal system. If an international treaty recognized by the Russian Federation establishes rules, which differ from those stipulated by national law, the rules of the international treaty shall prevail. Thus, we can distinguish another source of civil legal norms that possess supreme power in terms of the norms established by the Civil Code of the Russian Federation. This kind of documents, *i.e.*

ratified in legally prescribed order international treaties, can be extremely useful for a translator dealing with the text of the Civil Code.

9 Among the most important international treaties and conventions concluded by the Russian Federation are the United Nations Convention on Contracts for the International Sales of Goods (CISG) and the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ECHR). Written in English as one of the working languages, they employ rich, officially acknowledged terminology including that of civil law, and could be helpful when translating the common part of the Code (persons, transactions, limitation periods, right of property, offer and acceptance, law of obligations and others). UNIDROIT Convention on international factoring, although not ratified by Russia, has also high authority in the legal relations of factoring and could be referred to when translating both the common part on law of obligations and especially Chapter 43 on financing under assignment of monetary demand. However, you should bear in mind that the Russian Civil Code has its own terminology and scope of regulation that sometimes differ from those proposed by a relevant convention in the corresponding sphere.

11 The judgments of the European Court of Human Rights (ECtHR), having binding force for Russia as one of the High Contracting Parties, are also an important source. When describing the circumstances of the case brought before it, ECtHR should elaborate appropriate wording to render the Russian legal provisions and definitions into the working languages of the Court, including English.

12 The rulings of the other Russian highest courts – the Supreme Court of the Russian Federation and the High State Court on commercial disputes of the Russian Federation – are also very significant for ascertaining the meaning of the Civil Code provisions. Every year the Plenum of the Supreme Court and the Plenum of the High state court on commercial disputes adopt several dozens of rulings that explain how the provisions of the Code should be understood and applied.

In conclusion, it should be noted that all legal characteristics of the Russian Civil Code, described above, correlate with various difficulties in its translation. They can be outlined as follows:

1 The Code establishes terminology to regulate a vast range of civil law relationships. The precise meaning of its terminology is influenced by various factors. To analyze and ascertain the correct meaning of terminology a translator has to possess certain legal and language skills.

2 Most often quality translation suggests seeking relevant material in Russian and international laws that relate to the Code's provision in question. The difference in legal meaning of seemingly analogous provisions should be studied carefully.

3 The remarkable history of the Russian civil law does not make the task of its translation easier. Stretched in the time, the collective efforts of a great number of scholars, practitioners and legislative authorities realized in comprehensive work of great legal significance. To reach similar result a translator should follow the development of law historically and be aware of its current legal traditions and practice.

References:

1 Гражданское право: в 2 т. Том II. Учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство БЕК, 1998.

2 Barry, D., Ferdinand, J., Ginsburg, G. *The Revival of Private Law in Central and Eastern Europe*. Munchen: Festschrift Feldbrugge, 1996.

3 Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of reference (DCFR). Full Edition. Prepared by the Study Group on a European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group) / Ed. by Christian von Bar and Eric Clive. Vol. I - VI. Munich, 2009.

4 62 Zweigert K., Koetz H. *An Introduction to Comparative Law*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Sue Leschen

**Legal and Commercial French Interpreting and Translation Centre, the UK
WHO AND WHAT ARE LAWYER –LINGUISTS?**

So – called “lawyer – linguists” in the UK are not a homogeneous group – we are a mixed bag of individuals comprising inter alia:

- Lawyers (Solicitors or Barristers) with language qualifications
- Lawyers as above who work as legal interpreters
- Lawyers as above who work as legal translators
- Translators who have law degrees but who are not qualified as lawyers
- Interpreters who have law degrees but who are not qualified as lawyers

Relations between all of the above are not always cordial due to mistrust and sometimes due to professional jealousy.

Training (both initial and continuing development) for all of the above is rarely “joined up” which compounds the problems!

Is this just a UK phenomenon? What happens in your country?

Udina N.N., RUDN

GENRE APPROACH TO TEACHING LSP

The importance of genre studies has been accentuated by their relevance to the field of language teaching and learning, viewing genre as an effective research and pedagogical tool. The concept of genre has been originated in rhetoric, afterwards introduced into philological studies and later in linguistics and other disciplines. Bakhtin’s ideas of speech genres have influenced considerably genre theory development. He traced the nature of genre as various types of texts or utterances resulted from recurrent social practices. These texts/utterances reflect the context and specific communicative goals not only through linguistic means, but foremost through their structure (Bakhtin, 1986).

The contemporary genre studies have been proceeding within the main three approaches: LSP/ESP, New Rhetoric and the Systemic Functional approach. The LSP/ESP approach deals with the main text features characterizing particular genres such as text structure, specific vocabulary, grammar, conventions and expectations of text producers, etc. This approach is focused on identifying genre features with the aim of using these data while developing instructional materials for LSP courses.

Genre analysis responds to LSP/ESP needs by studying specialized varieties of English in academic and professional settings. Although genre studies have been used effectively as a research tool in linguistics, the crucial moment for elaborating LSP approach to genre came after publication of J. Swales’s work “Genre Analysis in

Academic and Research Settings” (1990) in which he outlined key characteristics of LSP approach to genre such as identifying the frequency of certain linguistic features occurrence in a particular discourse and making use of these data in language training. Methods applied in LSP approach are much like those used in Corpus linguistics, but as J. Swales claimed that LSP approach extends genre analyses beyond linguistic features to communicative purposes of genres. Following Bakhtin’s ideas genres have been described as relatively stable linguistic and rhetoric events resulted in response to some communicative purposes which define genre structure and their lexico-grammatical features.

LSP approach emphasizes the needs to study not only language patterns, but socio-cultural context in which these patterns are used, requiring more complicated methods to explore various professional discourses. The study of context as human activity provides a valuable insight into genre as text and context interrelation.

Developing LSP courses the language instructors have to engage students in meaningful activities, developing professional thinking and using professional language. In this way genre is viewed as a potential tool for developing skills of professional communication.

An account of using LSP approach to teaching professional genres has been presented in a number of works by K.V. Bhatia, T. Dudley-Evans, D. Russel, M.J. Luzon and other researchers. The authors are proceeding from theoretical grounds of the approach to their practical application. Genre approach to teaching LSP to law students requires consideration of various law settings and analysis of relevant genres.

The LSP course for law and economics students designed by D. Dressen-Hammuda (2003), started with introducing students to specific features of law discourse by analyzing examples of specific texts and explaining the context in which such texts have been used. The following move was introducing concrete aspects of genre, such as a specific vocabulary they would need which was trained through a system of exercises. This work had been complemented by a series of lectures on Anglo-Saxon law systems, their socio-historical development, the origin of ‘precedent’ and its relationship to contract law. Further studies dealt with forms and functions of various legal documents, linguistic difference between formal and informal English, their Anglo-Saxon and Latin roots and how they were reflected in legal English. The students were asked to read a chapter on legal drafting and various historical, social and linguistic influences. In the mid-term the study of contracts began with the focus on a specific type of contract. Then project work followed with class discussion and negotiation and more contextual reading at home. The final part of the course represented negotiations between small students’ groups which then formed two teams for final negotiations of the contract details and reaching agreement.

The LSP course has been designed for law students taking Translation program at RUDN University. This course includes *Language and Law* and *Legal Documents* studies, the first one introduces socio-historical aspects of law and legal English development in the countries of Anglo-Saxon system of law, language and law relationship, thus introducing specific vocabulary and providing context for understanding how different genres have been developed and used. *Legal Documents* class is devoted to specific language patterns, structure of various documents legal translators commonly deal with. The LSP course makes use of the various Internet

materials and applications which contribute to introducing students to professional settings and communication patterns of legal discourse.

The genre theories have been effectively introduced in LSP/ESP courses. The current trend in teaching LSP could be characterized as movement from discipline-based ESP to a more discourse and genre-based cross disciplinary approach (Bhatia, 1998). Disciplinary approach to developing LSP/ESP courses has to be extended to socio-cultural context studies, where genre approach provides potential to use language inventively, recreating various text structures and communication patterns, constructing special knowledge, all these prepare students to be integrated into professional discourse community.

References

1. Bakhtin M. (1986): *Problema Rechevogo Janra. Estetika Slovesnogo Tvorchestva* Moskva: Iskustvo. str. 250 -296.
2. J. Swales (1990). *Genre Analysis: English in academic and research setting*. Cambridge University Press, 235p.
3. Dressen- Hammuda D. (2003). Contribution of an integrated genre theory of text and context to teaching LSP. *Asp*, 73-90pp. Accessed March, 2016. URL: <http://asp.revues.org/1306>.
4. Bhatia K.V. (1998) Generic Conflicts in Academic Discourse. In Fortanet I., Posteguillo S., Palmer C., Coll J.F. (Eds.) *Genre Studies in English for Academic Purposes*. Castello de la Plana: Publications de la Universitat Jaume I, D.L. 15-28 pp.

Valero Garcés, C.
University of Alcalá de Henares
Atabekova A., RUDN

TRANSLATION AND INTERPRETATION IN PUBLIC SERVICES IN THE THIRD MILLENNIUM

The Third Millennium witnesses increasing globalization and human migration that lead to the growing multicultural diversity both within states and world regions on the whole.

The world is facing global challenges regarding the modern society sustainable development that put on the agenda a variety of issues to be addressed.

Human rights require special attention within multiethnic and multicultural diversity both at national and international levels. The key international documents underline the crucial importance of language rights as part of the overall set of human rights that should be ensured, protected and promoted by a system of legal, governmental, administrative instruments that operate efficiently through international, national, local agencies and governmental bodies (1,2,3).

Thus, interpreters and translators for public services provision are becoming important stakeholders that could contribute to enhancing the system of instruments and services to support those people who need social, legal, healthcare, educational assistance within the state whose language they do not fully speak or understand due to the above people being original representatives of other language community, other nation, state, region, etc.

Within higher education, the respective specialists are trained through the MA programmes for translators and interpreters for public services provision. Such

programmes are offered in various European universities, in Australia, Canada. Several years ago such a programme was launched at the RUDN University (Moscow) as part of the partner double diploma programme with the University of Alcalá de Henares. Prof. Carmen Valero Garcés (University of Alcalá de Henares) and Prof. Anastasia Atabekova (PFUR - RUDN University) have been sharing practices and exchanging experiences with students of both universities now for about five years.

The report will focus on new needs for new realities regarding translation and interpretation in public services in the third millennium. The authors will try to map some good practices regarding didactic issues and training techniques to “bring up” translators who should be aware of the societal needs and social dimensions of translation and interpreting in public services and institutions.

References

1. Universal Declaration of Human Rights. URL: http://www.ohchr.org/EN/UDHR/Documents/UDHR_Translations/eng.pdf
2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. URL: https://ec.europa.eu/digital-single-market/sites/digital-agenda/files/Convention_ENG.pdf
3. Directive 2010/64/EU of the European Parliament and of the Council of 20 October 2010 on the right to interpretation and translation in criminal proceedings. URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2010.280.01.0001.01.ENG

Wieng, T.

Linguistic Society of the Philippines

ENGLISH IN THE COUNTRY WITH WHERE OVER A HUNDRED OF LANGUAGES SPOKEN

The report will briefly outline the history and current activities of **Linguistic Society** of the Philippines, focus on the local languages status, current national policy on languages (1). Special attention will be paid to the status of English. The English languages, on the one hand, has become lingua franca for the Asian region and the ASEAN economic community(2).

On the other hand we are talking today about its Asianization. This situation requires rethinking and renewing the English language teaching methodology, educational policies and teaching programmes (3). Further developments will be highlighted in the report.

References

- Maya Khemlani David (2015) Language Policies and Ecology of Literacies, FLC, 2015,
- Jane Lockwood (2015) The many faces of business communication: Asian profiles, FLC, 2015
- Priscilla Tan Cruz(2015) Construing an identity for a nation: Values, education, English, language teaching, and secondary school pedagogy in the Philippines, FLC,2015

Wydra D., Kruse I.
RUDN, Universität Salzburg

**DIE ÖSTERREICHISCH-RUSSISCHEN SOMMERSCHULEN FÜR
JURISTEN: EIN WICHTIGER SCHRITT IN ENTWICKLUNG VON
SCHLÜSSELKOMPETENZ „PRÄSENTIEREN“**

Um konkurrenzfähig zu sein, braucht man Mobilität. Berufliche Karriere wird durch das Studium und zahlreiche Praktika in Österreich maßgeblich gefördert. Nicht nur eine Verbesserung der Deutschkenntnisse ist hundertprozentig garantiert, sondern auch die sozialen und kommunikativen Kompetenzen sind enorm gefördert und eröffnen mehr Chancen im Heimatland. Man konnte sich im Ausland sogenannte „Soft Skills“ wie Team- und Kommunikationsfähigkeit aneignen, welche auf dem gegenwärtigen Arbeitsmarkt neben der Fachkompetenzen besonders gefragt sind. Das ist ein großes Plus für Jurastudierende, die an dem Programm Doppeldiplom teilnehmen. Als Überbrücke agiert die Österreichisch- Russische Sommerschule für Juristen. Die erste Österreichisch-Russische Sommerschule wurde 2001 für die russischen Partner-Universitäten der Universität Salzburg mit Schwerpunkt Rechtswissenschaften ins Leben gerufen. Seit dem Jahr 2006 sind Studierende der Russischen Universität für Völkerfreundschaft an diesem Programm aktiv beteiligt. Die Partnerschaft wurde in Österreich zunächst von der Rechtswissenschaftlichen Fakultät unter der Leitung von dem Prof. Michael Geistlinger getragen. Seit 2013 ist SCEUS an der Organisation der Sommerschule beteiligt, seit 2014 wird die Österreichisch-Russische Sommerschule von der Prof. Doris Wydra geleitet.

Der Fokus der Österreichisch-Russischen Sommerschule liegt auf den rechtlichen und politischen Beziehungen zwischen der Europäischen Union und der Russischen Föderation. Ziel ist es nicht nur russischen Studierenden den Rechtsrahmen der europäischen Union näher zu bringen, sondern auch Studierenden aus der Europäischen Union Eindrücke der russischen Rechtsordnung und des russischen politischen Systems zu vermitteln.

Die Bachelor- und Masterstudiengänge der RUDN sind so konzipiert, dass ihre Absolventinnen und Absolventen basierend auf einer umfassenden wissenschaftlichen Grundausbildung zur Ausübung eines Berufs befähigt werden.

In einer sich ständig veränderten Arbeitswelt und in der Situation der aktuellen Modernisierung im europäischen Hochschulraum wird vorausgesetzt, dass Hochschulabsolventen\Innen während ihres Studiums neben fachlichen Kompetenzen auch eine Reihe von Schlüsselkompetenzen erwerben. In diesem Kontext gewinnt das Konzept der Lernerautonomie immer mehr an Bedeutung. Gerade Lernerautonomie wird im Rahmen der Sommerschule im Bereich „Präsentation vor Fachpublikum“ gefördert. Für die Studierenden gibt es keine Probleme beim Informationssammeln. Ab und zu tauchen aber Defizite der eigenständigen, kritischen und adäquaten Strukturierung und Verarbeitung bestimmter Informationen auf. In Mini-Gruppen erlernen die KT der Sommerschule:

- den Aufbau einer Präsentation zu verstehen
- Zielgruppe und Ziele festzulegen
- eine klare Präsentationsstruktur zu erstellen
- Fehler bei der Gestaltung der Folien zu vermeiden
- Informationen zu visualisieren

- Titel und Überschriften zu formulieren
- Verben und Adjektive zu nominalisieren
- Notizen für den Vortrag zu machen
- Fehler bei der mündlichen Präsentation zu vermeiden.

In der Vorbereitungsphase werden verschiedene Aufgaben und Übungen erledigt:

1. die Elemente für eine Präsentation benennen
2. sich Präsentationen anschauen und diese analysieren
3. Funktionen der Folien feststellen
4. Informationen mit Bildern unterstützen
5. Titel und Überschriften formulieren
6. Stichwortkarteikarte schreiben
7. die Verlaufsstruktur einer Präsentation erarbeiten
8. Daten visualisieren
9. die Inhaltsübersicht und Zusammenfassung erstellen.

Die aufgelisteten Tätigkeiten erfordern Flexibilität, Zuverlässigkeit und Arbeitsdisziplin. Da diese oft ohne direkte Kontrolle einer Lehrkraft passieren, nimmt die Verantwortung jeder einzelnen Person stark zu. Alle Studierenden müssen sich, Aufgaben und auch die Zeit immer selbst organisieren. Die Schlüsselkompetenz "Präsentieren" ist im Bereich Recht

Zvereva E.V., RUDN

ALGUNAS OPINIONES SOBRE EL LENGUAJE POLÍTICO RUSO EN LA PRENSA ESPAÑOLA

Nuevos fenómenos, desafíos y dilemas políticos permiten constatar la necesidad de renovación del lenguaje político. Se puede mencionar que así llamada crisis de las ideologías y de los proyectos de transformación social, así como los procesos de globalización y la reivindicación de nuevos derechos e identidades de las minorías que se han producido durante los últimos tiempos, han aportado nuevos términos en el léxico ruso relacionado con la política.

Hoy, la política necesita de un nuevo léxico y, más concretamente, de un nuevo léxico para la democracia. En este artículo tenemos por objetivo demostrar algunos neologismos utilizados en la prensa española en los artículos referentes a diferentes procesos políticos que ocurrían y siguen ocurriendo en Rusia.

La lengua es como un río que viene de lejos. Sin dejar de tener un núcleo común, con el que nos entendemos todos, en cada época recibe innovaciones que responden a la nueva sociedad. Sobre todo en el léxico, su zona más moldeable: nuevas palabras, nuevos sentidos, pérdida de otras y de otros. La política y la propaganda comercial nos invaden, por vía del léxico. En últimos tiempos todos nosotros somos testigos de la libertad creciente del lenguaje.

Otro tema relevante es el de los grupos que se imponen por su presencia mediática y su sentido de poseer la verdad. Tienen más o menos éxito según las ocasiones. Reprueban el lenguaje común, crean otro nuevo. Para círculos restringidos, pero que tratan de imponer su lenguaje a todos. A veces lo consiguen.

Citamos algunos ejemplos. En la segunda década de este siglo en Moscú tuvieron lugar varias manifestaciones de oposición. El símbolo del este movimiento era un lazo blanco que los manifestantes llevaban en la ropa, por lo que al poco tiempo se comenzó

a emplear la expresión 'belolentochniki' (literalmente, “los que llevan el lazo blanco”). Además, en esta época se llevaron a cabo varias acciones simbólicas, como, por ejemplo, el evento llamado Anillo blanco: gente con lazos blancos se repartió a lo largo de las avenidas que rodean el centro de Moscú, llamadas Anillo de jardines. El color blanco se asociaba a la nieve y al invierno, pero también a la pureza y la honestidad que los opositores exigían al gobierno. Al movimiento de protestas se asocia otro color: el naranja, ya que antes en Ucrania existió un movimiento prooccidental naranja, por lo que a los miembros de la oposición prooccidental rusa comenzaron a llamarles 'oranzhisti' (derivado de la palabra 'oránzhevi').

En aquel período los miembros de la oposición tenían la costumbre de reunirse en la plaza Bolótnaya. Como resultado en la prensa el nombre de la plaza adquirió un nuevo significado y se convirtió en un adjetivo: apareció la expresión 'movimiento Bolótnaya'. Al poco tiempo surgió el antónimo de esta palabra: después de que en otro lugar, en Poklónnaya Gorá, se celebrara una manifestación en apoyo al gobierno, se creó una especie de oposición semántica entre dos polos: 'Bolótnaya – Poklónnaya': así se llamaban los partidarios de dos movimientos opuestos.

Parece interesante otro hecho. Debido a lo que, según la opinión de la prensa occidental, muchos participantes del movimiento Bolótnaya eran consideradas como intelectuales y artistas, los periodistas empezaron a denominarlos en sus artículos como 'clase creativa'. Por supuesto, un traductor necesitará explicar esta expresión en el caso de traducir un artículo semejante. También podemos encontrar en los periódicos españoles de este período tales denominaciones como 'jomiachki' (hámsters). De esta manera denominaban a los miembros de otro movimiento político, que se comparaban con este animal de manera despectiva alegando que no eran una especie de multitud dirigida. Hay que señalar que los artículos de esta época tienen en abundancia los animalismos para referirse a las personas. Por ejemplo, la palabra 'anchousy' (anchoas) dirigida a miembros de otro movimiento debido a que estos eran transportados a las manifestaciones desde las empresas estatales en autobuses llenos de gente y parecían anchoas enlatadas.

Para las manifestaciones en apoyo del presidente Putin nació la palabra compuesta 'puting' (Putin + 'mítng', 'manifestación' en ruso). Después comenzaron a usarse otras palabras siguiendo este modelo de composición. Por ejemplo, cuando la diputada Elena Mizúlina propuso la ley de la prohibición de la propaganda homosexual se comenzó a utilizar la palabra 'mizuling'.

Podemos mencionar que el método de combinación de dos palabras se convirtió en un modelo compositivo bastante popular. Cuando Vladímir Putin fue remplazado en el puesto de presidente por Dmitri Medvédev y Putin pasó a dirigir el gobierno nació el término 'tandemocracia' (tándem + democracia), que alegaba al hecho de que ambos políticos colaboran en una especie de tandem.

Cuando el actor francés Gérard Depardieu (perseguido por evasión fiscal), obtuvo la nacionalidad rusa, apareció el verbo 'depardirovat' (Depardieu + 'deportirovat', “deportar” en ruso).

El tema de la corrupción dio origen a otra interesante combinación lingüística. Este tipo de acciones ha pasado a llamarse 'raspil' (aserradura): como si el presupuesto de un proyecto determinado se convirtiera en serrín en beneficio de los intereses de una

persona en particular. La página web de uno de los líderes del movimiento de oposición donde se hablaba de este problema se llamaba Rospil ('Rossiya' + 'raspil').

Se puede concluir que la dinámica político-social de Rusia durante los últimos 25 años ha llevado a que muchas palabras que guardan relación con la política o bien hayan cambiado su significado, o bien hayan acabado perdiendo crédito. Las palabras antiguas cambian su significado y aparecen palabras nuevas: hoy en día, el léxico político (así como el propio país), se encuentra en constante movimiento y desarrollo.

Los traductores deben poseer de un alto grado de erudición política y general y de los amplios conocimientos en varias esferas, además de entender de las normas de la derivación y composición de palabras y de modelos más usados actualmente. Además, al traducir los textos que contienen las denominaciones políticas, además incluso, el traductor debe observar la neutralidad, evitando todos los matices adicionales que puedan ser dictadas por las preferencias y simpatías políticas del mismo traductor.

Научное издание

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ
ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
И ПЕРЕВОДУ В ВУЗЕ**

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 04.04.2016 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 8,37. Тираж 100 экз. Заказ 409.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41